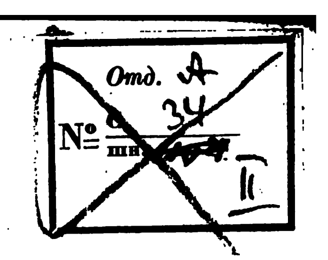
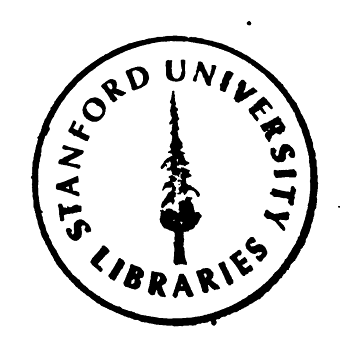

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

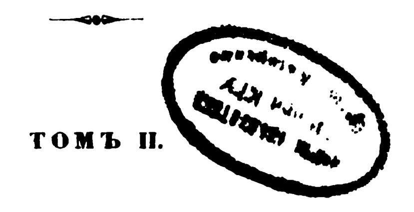
РУССКИХЪ АВТОРОВЪ.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С.-Петербургъ, 7 мая 1847 года.

Цензоръ *А. Крыловъ*.

СОЧИНЕНІЯ
БОГДАНОВИЧА.

ТОМЪ II.

Изданіе Александра Смирдина.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Императорской Академіи Наукъ.

1848.

Цѣна за 2 тома 1 р. 50 к. сер.

ОГЛАВЛЕНІЕ

КЪ

СОЧИНЕНІЯМЪ

БОГДАНОВИЧА.

ТОМЪ II.

ПРОЗА.

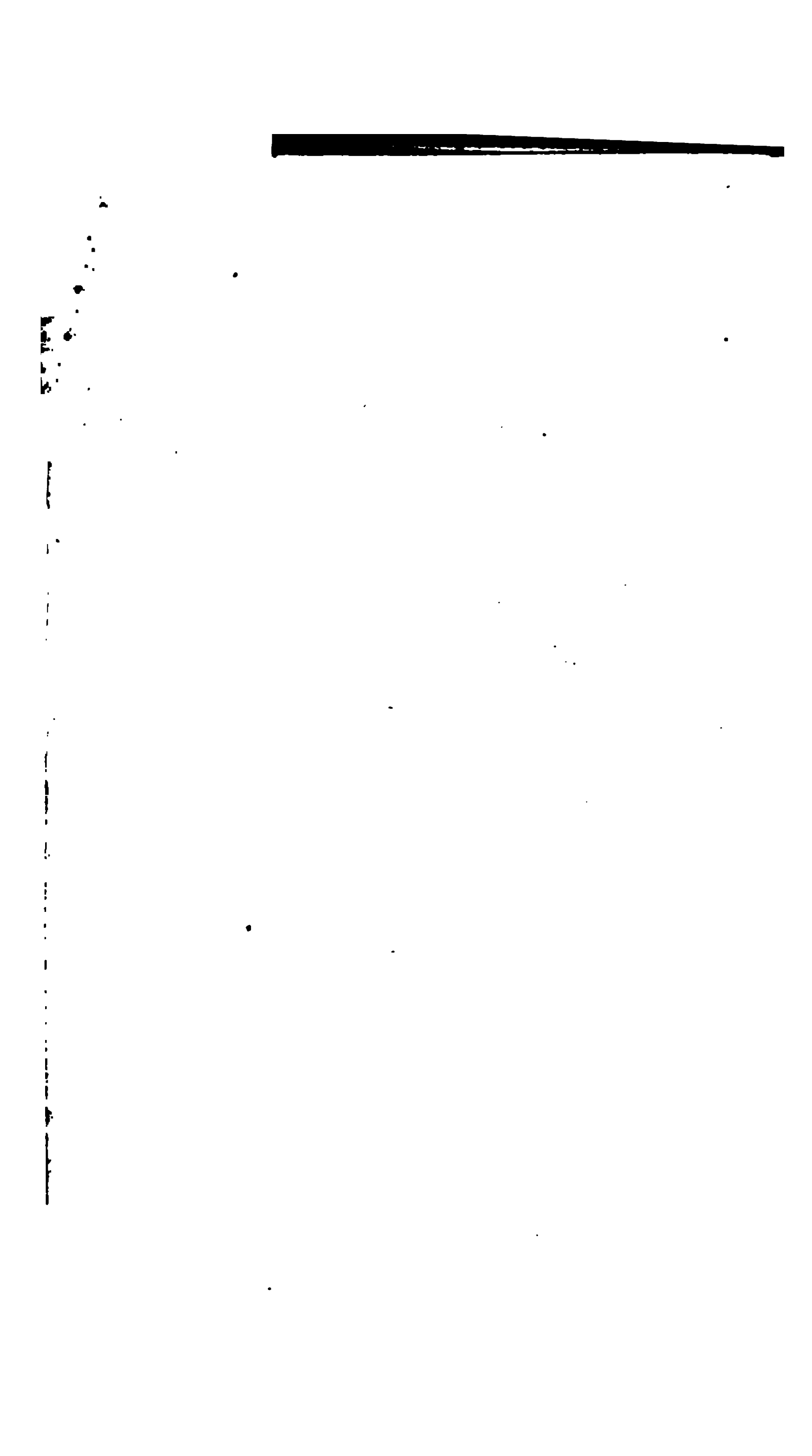

стр.

Славяне, драма 3
Радость Душеньки, лирическая комедія 65
Сельскій праздникъ, театральное представленіе . . 91
Театральное представленіе, на пословицу: не всякаго дѣло судить и рядить 109
Театральное представленіе, на пословицу: сердцемъ дѣлу не поможешь 119
Театральное представленіе, свои не чужіе 133
Историческое изображеніе Россіи:
Приношеніе Екатеринѣ Второй 147
Предисловіе отъ сочинителя 151

стр.

Историческое изображеніе Славянъ и въ послѣдствіи Россіянъ:
Славяне 155
Кіевъ 161
Княженіе Новогородское:
Рюрикъ 163
Княженіе Кіевское и Новогородское:
Олегъ 166
Игорь 169
Святая Ольга 173
Святославъ 178
Разныя княженія:
Ярополкъ, Олегъ и Святой Владиміръ . . 188
Княженіе Кіевское и Новогородское:
Святый Владиміръ (единовластитель) . . . 194
Хронологическое показаніе достопамятнѣйшихъ происшествій въ Россіи 229
Поколѣніе великихъ князей россійскихъ, отъ Рюрика до Владиміра 230
Означеніе первобытностей . . . . —
Краткое географическое означеніе древней Россіи. 231
Отвѣтъ сочинителя Историческаго изображенія Россіи къ его неизвѣстному вопросителю 232
Отвѣтъ сочинителя къ неизвѣстному вопросителю. 233
Примѣчанія о германскихъ правахъ 241
О древнемъ и новомъ стихотвореніи 271
Рѣчь о достоинствѣ вообще Словесности и о произведеніи словъ россійскихъ 312
Письмо къ N. Символъ Мудрости 329
Письмо къ госпожѣ *** о великодушныхъ чувствованіяхъ 332
Таблица для дѣтей, служащая къ познанію главныхъ добродѣтелей:
I. *Благовѣріе* 337

стр.
Неправильное употребленіе 338
Порокъ, противодѣйствующій благовѣрію . . . . . —
Правило 339
II. *Повиновеніе*. . . . . —
Неправильное употребленіе 341
Порокъ, противодѣйствующій повиновенію 342
Правило. —
III. *Любовь*. 343
Неправильное употребленіе 344
Порокъ, любви противодѣйствующій 345
Правило. 346
IV. *Благоразуміе*. . . . . —
Неправильное употребленіе 347
Порокъ, противодѣйствующій добродѣтели 348
Правило. —
V. *Правосудіе*. 349
Неправильное употребленіе 350
Порокъ, противодѣйствующій правосудію 351
Правило. 353
VI. *Твердость*. . . . . —
Неправильное употребленіе 355
Порокъ, противодѣйствующій твердости 356
Правило. 357
VII. *Воздержность*. . . . . —
Неправильное употребленіе 359
Порокъ, противодѣйствующій воздержности . . . . —
Правило. 360

ПРОЗА.

СЛАВЯНЕ,

ДРАМА

ВЪ ТРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ,

СЪ ХОРОМЪ И БАЛЕТОМЪ ВЪ КОНЦѢ ПРЕДСТАВЛЕНІЯ.

ДѢЙСТВУЮЩІЕ:

Александръ, царь и главный полководецъ греческій.

Доброслава, дочь воеводы города Славенска, Александру Славянами въ залогъ отданная.

Русланъ, посолъ отъ славянскаго двора къ Александру, любовникъ Доброславинъ.

Парменіонъ, одинъ изъ главныхъ греческихъ военачальниковъ, наперсникъ Александровъ.

Пансофій, аѳинскій мудрецъ, въ свитѣ Александровой.

Милогляда Радимовна, служанка Доброславина.

Докладинъ, слуга Доброславинъ.

Потапьевна, огородница.

Власьичъ, огородникъ, мужъ Потапьевнинъ.

(Всѣ четверо говорятъ старымъ новгородскимъ нарѣчіемъ.)

Свита Александрова.

Свита посла славянскаго.

Хоръ Славянъ и Славянокъ.

ВЪ БАЛЕТѢ:

Труппа Славянъ и Славянокъ.

Время, въ видѣ старика съ крыльями.

Труппа Геніевъ, послѣдующихъ за Временемъ.

Дѣйствіе въ древнемъ городѣ Славенскѣ, въ чертогахъ пребыванія Александрова.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

=

ЯВЛЕНІЕ I.

АЛЕКСАНДРЪ И ПАРМЕНІОНЪ.

Парменіонъ. Повелѣнія твои исполнены: Славянамъ объявлено, что Греки желаютъ быть ихъ друзьями. Войскамъ нашимъ строго запрещено всякое непріятельское здѣсь поведеніе. Славяне пользуются совершеннымъ спокойствіемъ и безопасностью. — Долгъ моей къ тебѣ подчиненности....

Александръ. Я увѣренъ, что твоя ко мнѣ дружба больше, нежели подчиненность въ томъ способствовала. Желаю, чтобъ ты говорилъ со мною подружески.

Парменіонъ. Подружески сказать должно, что мы здѣсь не пользуемся побѣдоносными пра-

вами. Воины наши не довольны твоимъ къ Славянамъ снисхожденіемъ.

Александръ (*съ чувствительностью*). Мой другъ! воины всегда тишиною не довольны: обыкши побѣждать, они всегда новыхъ побѣдъ желаютъ. Я, однако, чувствую, что война не есть ремесло благополучнаго состоянія, и не можетъ быть оправдана, какъ только самою необходимостью.

Парменіонъ. Ты такъ говоришь, какъ Аристотовъ воспитанникъ; однако Греки, которые выбрали тебя главнымъ полководцемъ войскъ своихъ, Аристотовымъ правиламъ не слѣдуютъ. Они хотятъ, чтобъ ты воевалъ и побѣждалъ всюду, гдѣ ихъ оружіе можетъ дѣйствовать.

Александръ. Они хотятъ, чтобъ я былъ только орудіемъ ихъ успѣховъ, не мысля много о слѣдствіяхъ. И какую же найду въ томъ себѣ награду?

Парменіонъ. Славу завоевателя цѣлаго свѣта, развѣ мало?

Александръ. А! мой другъ! не говори мнѣ объ ложной славѣ: потомки назовутъ меня, можетъ быть, грабителемъ. Полководцамъ оставляютъ часто славу такихъ дѣлъ, которымъ они причастны не были. Я понимаю, сколько неправосудій, сколько разореній и сколько несчастныхъ Греки, подъ моимъ именемъ, произвесть могутъ: то ли называешь наградою?

Парменіонъ. Удовольствіе повелѣвать Грекамъ и повелѣвать цѣлому свѣту развѣ не награда?

Александръ. Мой другъ, ты ошибаешься. Должность повелителя есть бремя, а бремя не есть удовольствіе. Доволенъ я тогда только, когда не нахожу нужды подчинять людей моимъ повелѣніямъ; то есть, когда люди сами чувствуютъ и исполняютъ свои должности.

Парменіонъ. Гдѣ же такіе люди?

Александръ. По нравамъ Грековъ не должно судить о всѣхъ прочихъ. Посмотри на Славянъ: добронравіе, простота и вѣрность между ними предупреждаютъ повелѣнія. Природа, кажется, ошиблась, произведши въ Греціи Аристидовъ и Сократовъ; здѣсь бы они гонимы не были.

Парменіонъ. Въ комъ же ты здѣсь видишь добронравіе, простоту и вѣрность?

Александръ. Посмотри на Доброславу; послушай, какъ она, научась отъ Славянъ, разсуждаетъ. Гдѣ добродѣтели уважаются, тамъ люди не могутъ быть инаковы, какъ добродѣтельны.

Парменіонъ. То есть, ты плѣнился Доброславою и думаешь, что не только она, а даже и всѣ единоземцы ея привлекаютъ къ себѣ особую благосклонность?

Александръ. Сожалѣю, если они твоей не привлекаютъ.

Парменіонъ. Всѣ скажутъ, что ты влюбился въ Доброславу, и въ угожденіе ей....

Александръ. Люблю Доброславу, и въ угожденіе ей я, конечно, все дѣлаю, будучи увѣренъ

что она не пожелаетъ отъ меня ничего недостойнаго.

Парменіонъ (*съ усмѣшкою*). Влюбился, влюбился....

Александръ. Ты выводишь слабость изъ простого дѣйствія правосудія.

Парменіонъ. Влюбился, влюбился....

Александръ. Могу тебя увѣрить, что люблю ее не по аѳинскимъ прихотямъ.

Парменіонъ. Влюбился, влюбился....

Александръ. Люблю ее потому, что она любезна, и почитаю потому, что она почтенна.

Парменіонъ (*съ тою же усмѣшкою*). Не въ томъ ли находишь свою награду?

Александръ. Правда то, что ея взоръ удобенъ дѣлать награду, и она, чаятельно, много облегчитъ Грековъ въ ихъ затрудненіяхъ, когда они о моихъ наградахъ помышлять будутъ.

Парменіонъ. Да ты заправду къ Доброславѣ привязался. По малой мѣрѣ, не совѣтую тебѣ писать въ Аѳины, что въ Славенскѣ воеводская дочь, которая тебѣ въ залогъ оставлена, дѣлаетъ своимъ взоромъ твою награду. Подумай, что̀ въ Аѳинахъ о тебѣ и о твоей наградѣ заключать будутъ?

Александръ. Если станутъ выводить слѣпую страсть изъ послѣдствія моего разсужденія, о томъ я сожалѣть буду. Впрочемъ, аѳинскимъ обычаямъ подвергаюсь я не столь много, чтобъ самые несправедливые толки могли казаться мнѣ непремѣнными законами.

Парменіонъ. Оставя толки, надобно будетъ отпустить, однако, Доброславу къ родственникамъ, — и твоя награда можетъ прекратиться въ скоромъ времени.

Александръ (*съ чувствительностью*). Съ какою жестокостію выискиваешь ты всѣ причины, какія удобны погасить во мнѣ чувствительность! Я тебѣ не говорилъ, чтобъ Доброслава имѣла должность дѣлать и продолжать мою награду. Ты упреждаешь мои мысли съ такою безпокойною предусмотрительностью и съ такою заботою, какъ-будто бы предложеніе ихъ могло быть страшно, или, какъ-будто находишь легче побѣдить свѣтъ, нежели сдѣлать мою награду возможною.

Парменіонъ. Ничего нѣтъ легче, какъ взять Доброславу: она въ рукахъ твоихъ; да только на что къ ней такое уваженіе?

Александръ. На то, чтобъ уваженія мы сами были достойны.

Парменіонъ. Послѣ всего твоего уваженія, она тебѣ скажетъ, можетъ быть, что у нея есть полюбовникъ, котораго она не захочетъ промѣнять на всю твою Грецію. Мнѣ очень хочется, чтобъ она тебѣ такое откровеніе сдѣлала. Въ ея глазахъ какой-нибудь простой Славянинъ легко покажется лучше побѣдителя свѣта. Въ Аѳинахъ сочинятъ эпиграмму на горесть твоей утраты, и эпиталамію на благополучіе того, который тебѣ предпочтенъ будетъ, — то-то читать будетъ забавно!

Александръ (*съ нетерпѣніемъ*). Опять страхъ Аѳиновъ! опять увѣщаніе, чтобъ я не влюблялся! Если бъ я былъ склоненъ подозрѣвать друзей моихъ, то подумалъ бы, что ты имѣешь скрытыя причины приводить меня къ развратнымъ разсужденіямъ. Люблю отдавать справедливость, — вотъ на чемъ основана моя къ Доброславѣ склонность... Оставь меня... дай знать Доброславѣ, что сегодняшній вечеръ я у нее провести намѣренъ.

(*Парменіонъ откланивается съ видомъ повиновенія, и выходя отъ Александра, встрѣчается съ Потапьевною.*)

=

ЯВЛЕНІЕ II.

АЛЕКСАНДРЪ И ПОТАПЬЕВНА.

Потапьевна (*къ Парменіону, почитая его за Александра*). Отецъ родимой, Александръ, царь Греческій! умились надъ моею бѣдностью!

Парменіонъ (*показывая ей Александра*). Вонъ, вонъ Александръ! ему кланяйся.

(*Уходитъ*).

Александръ (*вслушавшись въ рѣчи, къ Потапьевнѣ*). Ты не ошиблась: то другой Александръ, такой же.

Потапьевна (*кланяясь низко*). Не прогнѣвайся, родимой, на простоту мою: которой изъ васъ настоящій, ты ли, али другой, родимой, не вѣдаю.

Александръ (*съ усмѣшкою*). Который же настоящій? какъ ты думаешь?

Потапьевна (*пригорюнившись*). А намъ, простымъ людямъ, почему о томъ вѣдать, родимой? По мнѣ тотъ и хорошъ, который будетъ ко мнѣ милостивъ.

Александръ. Если ты милость заслуживаешь, то я буду къ тебѣ милостивъ.

Потапьевна (*утирая платкомъ слезы*). Чѣмъ мнѣ, бѣдной, твою милость заслуживать, отецъ родимой? Былъ у меня одинъ огородъ, да и тотъ пообломали, капусту поизвели и гряды потоптали. Не вели, родимой, огородъ обламывать, капусту изводить и гряды топтать. Умились надъ моею бѣдностью? (*Низко кланяется.*)

Александръ. Да кто ты?

Потапьевна. Я Потапьевна, огородница (*низко кланяется*).

Александръ. Да кто твою капусту трогать осмѣлился?

Потапьевна. Они, родимой.

Александръ. Да кто они?

Потапьевна. А кто ихъ вѣдаетъ? не могу ихъ въ лицо признать, отецъ мой. Не прогнѣвайся ты на простоту мою (*Низко кланяясь.*) Не признаешь ли ты ихъ, родимой, межъ тѣми, кто у тебя до капусты лакомы?

Александръ. Я самъ до капусты охотникъ: можетъ быть, самъ ѣлъ твою капусту и тебя обидѣлъ безъ намѣренья. Вотъ тебѣ за твой убытокъ (*даетъ ей кошелекъ съ деньгами*). Я прикажу развѣдать, не дѣлаютъ ли воины мои кому обиды. Будь увѣрена, что я не только не позволяю дѣлать здѣсь наглостей, а ихъ особо запрещаю.

Потапьевна. Спасибо тебѣ, родимой, что ты не даешь въ обиду меня, бѣдную. (*Считая въ кошелькѣ деньги*). Только ты далъ мнѣ за капусту много лишняго: у меня только на двадцать алтынъ убытку было. Что не мое, то не мое. Лишняго мнѣ не надобно. Возьми, родимой, назадъ лишнее. Не вели только напредь огородъ ломать и гряды топтать. (*Пригорюнившись*). Боюсь, родимой, чтобъ послѣ капусты мнѣ самой чего не досталось

Александръ Не бойся, другъ мой. Возьми всѣ деньги за ту капусту, которую я у тебя впредь ѣсть намѣренъ. Приноси ее ко мнѣ всегда сама: увидишь, что тебя никто обидѣть не захочетъ. Поди и будь спокойна.

Потапьевна. Вотъ, родимой, каковъ ты милостивъ! Правду про тебя сказали, что ты сынъ Юпитеровъ.

Александръ. Нѣтъ, голубушка, не правду сказали. Я сынъ Филипповъ, и ни въ какомъ родствѣ съ Юпитеромъ быть чести не имѣю.

Потапьевна (*кланяясь*). Не прогнѣвайся, отецъ мой, на простоту мою; болтаю то, что

слышала. (*Подгорюнившись*) Не ужъ-то не правда и то, что объ тебѣ на картинкахъ-то написано?

Александръ. Гдѣ ты такія картинки видѣла?

Потапьевна. Мой Власьичъ мнѣ, родимой, картинки показывалъ.

Александръ. А кто таковъ твой Власьичъ?

Потапьевна. Власьичъ, огородникъ, мужъ мой; а онъ купилъ ихъ на торговомъ мосту въ городѣ. Тамъ все, отецъ мой, написано: какъ ты бодро на конѣ сидѣлъ, и какъ у тебя съ царемъ Поромъ Индійскимъ было побоище, и какъ онъ булавою хотѣлъ тебя ударить по головушкѣ, и какъ тебя, родимой, Богъ спасъ отъ царя Пора Индійскаго, и какъ онъ послѣ тебѣ поклонился, и какъ персидскія боярыни у тебя ручки цѣловали. Власьичъ все, все мнѣ толковалъ и разсказывалъ.

Александръ. Не надобно, голубушка, вѣрить всему тому, что̀ на картинкахъ пишется. Съ царемъ Поромъ Индійскимъ у меня не было особаго побоища; онъ мнѣ не покланялся и персидскія боярыни у меня рукъ не цѣловали.

Потапьевна (*кланяясь*). Не прогнѣвайся, отецъ мой, на простоту мою. Я вѣдь не вѣдаю ты ли побилъ, родимой, или тебя побили.

Александръ. Вѣдай же, что ни я никого не билъ, ни меня не били. Довольно было и безъ меня людей для побоища.

Потапьевна, (*подгорюнившись*). Благо, что ты мнѣ сказалъ, родимой. Я ужъ теперь ни кар-

тинкамъ, ни Власьичу вѣрить не стану, и капусту къ тебѣ вся дни сама приносить буду. Не давай только насъ, бѣдныхъ, другимъ въ обиду.

Александръ. Поди и будь спокойна.

Потапьевна. Буду спокойна, родимой! Вели только, чтобъ другіе жили покойно и порядочно. Прости, родимой!

(*Кланяясь уходитъ*).

═

ЯВЛЕНІЕ III.

АЛЕКСАНДРЪ (*одинъ*).

Александръ. Вотъ, какъ простымъ и добрымъ людямъ вздорными разсказами набиваютъ головы! Простодушная огородница говоритъ то, чтò слышала; однако ея невѣдѣніе нравится мнѣ лучше, нежели высокій разумъ, во зло употребляемый. О, какъ далеки нравами отъ Славянъ Аѳиняне! Другъ мой Парменіонъ много ошибается, почитая Аѳинянъ своими добрыми учителями. Со всею своею премудростью, Аѳиняне не довольны, безпокойны и всегда несчастій опасаются. Славяне, въ счастливой простотѣ своей, не разумнѣе ли мудрецовъ, которые любятъ часто химерамъ слѣдовать? Пускай Аѳиняне, какъ хотятъ, толкуютъ; я ставлю простоту и доброправіе выше аѳинской премудрости.

═

ЯВЛЕНІЕ IV.

АЛЕКСАНДРЪ И ПАРМЕНІОНЪ.

Парменіонъ (*съ притворною важностью*). Я посылалъ сказывать Доброславѣ, что тебѣ угодно провести у нее сегоднишній вечеръ: посланный не могъ ее видѣть, ни знать ея волю; а ея служащіе сказали только, что ей послѣ о томъ доложатъ.

Александръ (*подумавъ нѣсколько*). Я виноватъ предъ Доброславою: поручилъ тебѣ ее предувѣдомить, не подумавъ хорошенько, какимъ образомъ то сдѣлать надлежало.... Твое присутствіе нужно въ распоряженіяхъ военныхъ; прочее я самъ распорядить намѣренъ.

(*Выходитъ*).

═

ЯВЛЕНІЕ V.

ПАРМЕНІОНЪ И ПОТАПЬЕВНА.

Парменіонъ. Довольна ли ты, голубка, отвѣтомъ Александровымъ?

Потапьевна (*кланяясь*). Довольна, довольна, родимой; онъ и денегъ мнѣ пожаловалъ, то-то милостивъ!

Парменіонъ (*въ сторону, съ видомъ важнаго сомнѣнія*). Нѣтъ ли у нее съ Доброславою знакомства?... (*Къ Потапьевнѣ*) Знаешь ли ты, голубка, Доброславу?

Потапьевна. Какъ не знать, родимой. И отца и мать ея знаю. Отецъ ея нынѣ здѣсь воеводою. Я часто къ нимъ въ домъ хожу, и Доброславу еще дитятею на рукахъ нашивала. Бывало, какъ увидитъ меня издали, то и кричитъ, кричитъ: Потапьевна! Потапьевна! Потапьевна! Потапьевна! а ужъ нынѣ, родимой, велика, велика выросла. Я и сегодня къ ней забѣгала, принесла кой-чего Милоглядѣ Радимовнѣ. Ты вѣдь знаешь, отецъ мой, Милогляду Радимовну.

Парменіонъ. А кто такая Милогляда Радимовна?

Потапьевна. То Доброславина нянюшка, отецъ мой. Какъ Доброславу взяли къ царю вашему, то и Милогляда Радимовна не хотѣла ее оставить. Она, родимой, мнѣ сватья доводится: дѣда моего невѣстка съ ея дѣдомъ...

Парменіонъ. Мнѣ до родства вашего нужды нѣтъ, а нужно, чтобъ ты Доброславу кой о чемъ поскорѣе увѣдомила. Государь нашъ сегодня вечеромъ къ ней въ гости будетъ.

Потапьевна. Ладно, ладно, родимой, увѣдомлю.

Парменіонъ. Надобно, чтобъ Доброслава при немъ была веселѣе и ни на что бы не жаловалась. Слышишь, Потапьевна?

Потапьевна. Ладно, ладно, родимой. Да отъ нее и за все не услышишь жалобы. Вѣдь воеводскія дѣти, родимой, не какъ мы, простые люди: не скоро свѣдаешь, кручинно имъ, али радостно.

Парменіонъ. Дѣвица должна украшать себя скромностью.

Потапьевна. Ладно, ладно, родимой. У насъ, у Славянъ, и пословица есть: «хорошо быть дѣвкѣ въ кельѣ; скромность дѣвкѣ — ожерелье.»

Парменіонъ. Нѣтъ ли, голубка, ей въ чемъ нужды? я могу ей дать денегъ.

Потапьевна (*подгорюнившись*). Того не смѣю сказать ей, родимой. Вѣдь ты незнакомъ съ нею: она не вѣдь что̀ подумаетъ. Деньги въ нуждѣ мы беремъ отъ своихъ добрыхъ пріятелей, а тебя не знаемъ, родимой. Хотя ты, видится, и добрый человѣкъ, только у насъ есть пословица: «не всегда къ боярамъ деньги идутъ даромъ.»

Парменіонъ. Чѣмъ же ей служить можно?

Потапьевна. Она сама тебѣ лучше скажетъ, родимой, чѣмъ ты ей услужить можешь (*кланяясь*); а на мою простоту не прогнѣвайся. У насъ и пословица есть: «хорошо сказать, какъ-бы не солгать.»

Парменіонъ (*въ сторону*). Вижу, что съ нею говорить много нечего. (*Къ Потапьевнѣ*) Кланяйся ей отъ меня, голубка!

Потапьевна. Ладно, ладно! поклонюсь, родимой; да какъ тебя назвать — не вѣдаю?

Парменіонъ. Меня зовутъ Парменіонъ.

(*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ VI.

Потапьевна (*одна въ затруднительномъ размышленіи*). Не позабыть бы, какъ назвать его, Па... Пара... Парамонъ... Парамонъ: только по отечеству какъ назвать, не вѣдаю... Парамонъ... Парамонъ... авось не забуду... По-своему, по простому я смекаю, кабы боярышня-то съ греческимъ царемъ поладила... то бы цѣлѣе были огороды наши... Кто вѣдаетъ? можа-быть Доброслава и напредь намъ миръ выпроситъ... а худо, худо коли война будетъ... Мнѣ со Власьичемъ лучше тогда бѣжать изъ города... Не доведи Богъ до такой напасти: и головы преклонить будетъ некуды... Пойти-было къ нимъ... Да вотъ и Доброслава и Милогляда Радимовна.

=

ЯВЛЕНІЕ VII.

ДОБРОСЛАВА, МИЛОГЛЯДА И ПОТАПЬЕВНА.

Потапьевна (*кланяясь.*) Здравствуйте, боярышня.

Доброслава. Здорово, Потапьевна.

Потапьевна. Что тебѣ сегодня во снѣ грезилось? Надъ тобою, боярышня, рой вьется!

Доброслава. Я снамъ не вѣрю, Потапьевна, и ничто не могло мнѣ грезиться, потому что я во всю ночь не заснула.

=

Потапьевна. И, моя матушка, да для чего же ты не спала ноченьку? таки бы почивала, да почивала себѣ покойно. О чемъ тебѣ, боярышня, кручиниться? Неужто Греки и тебя обидѣли?

Доброслава. И ты, такъ же, какъ Милогляда, хочешь, я вижу, меня уговаривать, чтобъ я моимъ состояніемъ радовалась, такъ ли?

Потапьевна. Да для чего же, моя матушка, не радоваться, коли Богъ даетъ счастіе? Греческой-атъ бояринъ не спроста со мною долго разговаривалъ.

Доброслава. Какой бояринъ съ тобою разговаривалъ?

Потапьевна. Парамонъ, а какъ по отечеству-то—и не вѣдаю; авось ты его знаешь, моя матушка. Онъ велѣлъ тебѣ кланяться, и не вѣдь какъ просилъ сказать тебѣ, что самъ де царь греческій сегодня ввечеру къ тебѣ въ гости будетъ, и чтобъ ты встрѣтила его поласковѣе.

Доброслава (*утирая платкомъ слезы*). Да ты какъ попала въ греческія посланницы? Давно ли познакомилась съ Греками?

Потапьевна (*пригорюнясь и уныьнымъ голосомъ*). А вотъ какъ, боярышня: они прежде съ моимъ огородомъ познакомились, и правду тебѣ сказать, огородъ пообломали, капусту поизвели и гряды потоптали. . . Горько, горько было, боярышня. (*Плачетъ*). У меня со Власьичемъ только и живота, что въ огородѣ насажено. Какъ быть? поплакала, поплакала, пошла прямо къ царю греческому. Пришла: стоятъ ихъ двое;

я и не знала, которому кланяться. Поклонилась, да не тому, моя матушка, — у меня и сердце замерло... Подумала, какъ разгнѣвается, то и совсѣмъ огородъ отыметъ. Спасибо ему, онъ меня надоумилъ: показалъ мнѣ настоящаго-то главнаго. Тому я низехонько поклонилась и свое горе разсказала. Ну, онъ однако не разгнѣвался: говорилъ, говорилъ, разспрашивалъ, разспрашивалъ, и денегъ пожаловалъ, и капусту вся-дни къ себѣ самой мнѣ приносить велѣлъ и сказалъ: «Ничего де не бойся, Потапьевна.» О чемъ же тебѣ кручиниться, боярышня?

Доброслава. Еще было бы лучше, Потапьевна, когда бы я не была въ залогѣ у Грековъ и когда бы они великодушіе свое не у насъ показывали.

Потапьевна. Да о чемъ тебѣ, боярышня, кручиниться?

Милогляда. Вотъ я не одна говорю тебѣ правду, боярышня: о чемъ тебѣ кручиниться? Пить ли ѣсть ли намъ нечего? цвѣтное ль платье износилося? Слава Богу, всего довольно; и слышишь, боярышня, самъ царь греческій къ намъ въ гости будетъ. Вѣдь Потапьевна правду говоритъ, что надобно принять его поласковѣе.

Доброслава. Я рада принять его ласково, послѣ, какъ онъ приметъ пословъ отъ государя нашего, какъ поставитъ твердый миръ со Славянами и какъ отдастъ меня обратно моимъ родственникамъ.

Потапьевна. Почему знать, боярышня, подъ какою звѣздою ты родилась? Можа-быть ради тебя онъ и не вѣдь что сдѣлаеть?

Доброслава (*съ досадою*). Мнѣ то̀ и прискорбно, что онъ добро дѣлаетъ для меня, а не для справедливости; мнѣ то̀ и прискорбно, для чего онъ не такъ великодушенъ, какъ я его воображала, и что не могу любить и почитать его, какъ бы желала. Какъ ты не разсудишь того, Потапьевна?

Потапьевна (*къ Милоглядѣ, подгорюнившись*). Милогляда Родимовна! растолкуй мнѣ, что̀ такое говоритъ она по-своему?

Милогляда (*въ недоумѣніи*). У нее все по-своему. Слышишь, говоритъ, какъ бы тебѣ сказать, Потапьевна?.. Слышишь, такъ какъ бы... любить его желаетъ, а видѣть не хочетъ.

Потапьевна. И, боярышня, чего ты не затѣваешь! Вѣдь онъ свѣтъ завоевалъ, вѣдь мы всѣ у него подъ властью: и по неволѣ будешь весела, какъ заставитъ.

Доброслава (*съ жаромъ*) Отъ него зависитъ сдѣлать меня довольною, благодарною и веселою, безъ всякаго принужденія Радость не заставляется Скажите ему, что въ теперешнемъ состояніи я не желаю его видѣть.

(*Утираетъ слезы*).

Потапьевна. Все у тебя по-своему, боярышня! Лучше было бы, кабы ты насъ послушала. Знаемъ, что ты любишь себѣ ровню, да какъ же быть, какъ худо приходитъ? Нужда и законъ

перемѣняетъ... Таки-бы повеселѣе, да поласковѣе, да и по рукамъ бы ударили...

Доброслава (*съ нетерпѣніемъ*). Долго ль вамъ вздоръ выдумывать? Оставьте меня плакать.

(*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ VIII.

МИЛОГЛЯДА И ПОТАПЬЕВНА.

Потапьевна (*уныено*). Ну, что ты съ нею сдѣлаешь? горе, горе наше, Милогляда Родимовна!

Милогляда (*уныено*). Какъ быть, какъ быть? ума не приложу, Потапьевна... Вотъ ужъ сколько дней горюетъ, да плачетъ, какъ-будто дѣло дѣлаетъ, боярышня. Только у нее на умѣ, только и рѣчей: пошли да пошли провѣдать, здоровъ ли Русланъ, ея возлюбленный, да относи, да приноси къ нимъ грамотки, да читать, да плакать, да не хотимъ никого видѣть,—да вотъ тебѣ и дѣло все... Греческой-атъ царь терпитъ, терпитъ, да какъ разгнѣвается,— куды мы годимся тогда, Потапьевна?

Милогляда и Потапьевна (*обѣ вмѣстѣ въ отчаяніи*). Пропали наши головушки! (*Обѣ воютъ*). У! у! у! у!..

ЯВЛЕНИЕ IX.

ТѢ ЖЕ И ДОКЛАДИНЪ.

Докладинъ. Милогляда Родимовна, доложи, пожалуй, боярышнѣ, что незнакомый бояринъ отъ царя греческаго приказалъ провѣдать, можно ли ему видѣть боярышню; онъ хочетъ говорить съ нею.

Милогляда (*въ горькомъ недоумѣніи къ Потапьевнѣ*). Съ нею говорить хочетъ!.. Ну что̀ теперь сдѣлаешь, Потапьевна? Она никого видѣть не хочетъ.

Потапьевна (*ухватя себя за бороду, въ глубокомъ размышленіи*). Надо, надо какъ-нибудь пособить дѣлу... Жаль, жаль боярышню... Послушай, Милогляда Родимовна: прими ты здѣсь посланнаго, и скажись Доброславою... Посланный бояринъ ни Доброславы, ни тебя не знаетъ... все равно. Межъ тѣмъ можно поскорѣе сбѣгать къ Руслану... разсказать ему все дѣло... и выпросить отъ него грамотку... въ той грамоткѣ онъ напишетъ къ боярышнѣ, чтобъ она на вечеръ, конечно, допустила къ себѣ царя греческаго... и была бы къ нему поласковѣе... Она во всемъ Руслана послушаетъ, коли онъ къ ней напишетъ.

Милогляда (*ухватя себя за бороду въ глубокомъ недоумѣніи*). Потапьевна, свѣтъ мой, да какъ мнѣ сказаться боярышнею? Ну какъ боя-

ринъ-атъ узнаетъ, что я не боярышня?.. По-барски-то я и говорить не горазда.

Потапьевна. А ты, Милогляда Родимовна, нарядись въ боярышнино платье и говори съ нимъ повѣжливѣе, такъ и будешь походить на боярышню.

Милогляда (*призадумавшись*). Хорошо, Потапьевна; а ты стань при мнѣ, какъ-будто мо[illegible] мамушка, ты мнѣ въ рѣчахъ съ нимъ поможешь... Посмотримъ только, заснула ль боярышня.

Потапьевна. Ладно, ладно, Милогляда Родимовна.

Милогляда (*оборотясь къ Докладину*). Скажи: добро пожаловать.

(Милогляда и Потапьевна уходятъ во внутреннія комнаты Доброславины, а Докладинъ выходитъ въ другую сторону).

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ДѢЙСТВІЯ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

═

ЯВЛЕНІЕ I.

МИЛОГЛЯДА *(въ верхнемъ Доброславиномъ платьѣ, подъ именемъ Доброславы)*. ПОТАПЬЕВНА *подъ именемъ Доброславиной мамы)*.

Милогляда *(оправляясь и оглядываясь вокругъ въ господскомъ платьѣ)*. Не забудь же, Потапьевна что ты будешь при мнѣ стоять, какъ-будто моя мамушка.

Потапьевна. Ладно, ладно, Милогляда Родивовна... *(Осматривая вокругъ Милогляду)*. Стой только чинно, мать моя. *(Посмотрѣвъ къ дверямъ)*. Идетъ, идетъ...

(Обѣ становятся чинно: Милогляда нѣсколько выступя, а Потапьевна позади ея. Между тѣмъ Панфосій входитъ).

═

ЯВЛЕНІЕ II.

ТѢ ЖЕ И ПАНСОФІЙ (*препровождается двумя изъ Александровой свиты служащими, кои держатъ въ рукахъ коробочки съ дарами*).

Пансофій (*подступя къ Милоглядѣ съ важностью и высокопарностью*). Побѣдитель свѣта, солнце Греціи, Александръ Великій, послалъ меня предстать къ лицу лѣпопрекрасной Доброславы, съ дарами отъ его греческой высокомощности, и съ глубокопочтительнымъ отъ него прошеніемъ, да будутъ ей благоугодны искреннодружественныя его посланія (*на дары показывая*).

Милогляда. Я, я Доброслава, мой батюшка; добро пожаловать. А твою милость какъ назвать?

Пансофій (*пожимая плечьми, въ сторону*). Экая дурища! не знаетъ и моего имени. (*Къ Милоглядѣ съ важностью*) Я Пансофій, аѳинскій мудрецъ при особѣ царя и главнаго полководца греческаго.

Милогляда. Слыхала я, мой батюшка, о мудрецахъ греческихъ. Добро пожаловать побесѣдовать съ нами, господинъ мудрецъ греческій.

Пансофій (*съ сторону*). Экая неучь деревенская! (*Къ Милоглядѣ*) Не угодно ли будетъ приказать принять дары, со мною присланные?

Милогляда. Не прогнѣвайся, мой батюшка, господинъ мудрецъ греческой, на наши простые обычаи. Ты съ нами еще не бесѣдовалъ, объ

дѣлѣ не говаривалъ, рѣчей нашихъ не выслушивалъ, — за что̀ же насъ дарами жалуешь?

Пансофій (*въ сторону*). Ну что̀ ты сдѣлаешь съ дурою?

(Дѣлаетъ рукою знакъ принесшимъ дары, чтобъ они вышли)

Потапьевна. Она, мой батюшка, до даровъ не лакома.

Пансофій (*взглянувъ на Потапьевну съ удивленіемъ, къ Милоглядѣ*). Прекрасная Доброслава приказываетъ ли, чтобъ и она со мною въ разговоры входила?

Милогляда. А для чего, мой батюшка, ей съ нами не разговаривать? Это моя мамушка; она всегда со мною бесѣдуетъ.

Пансофій (*пожимая плечами, въ сторону*). Какіе обычаи! (*Къ Милоглядѣ съ насмѣшливою важностью*) Да будетъ въ томъ воля прекрасной Доброславы. Я готовъ, если ей угодно, наслаждаться бесѣдою почтенной ея мамушки.

Милогляда. Позволишь ли, господинъ мудрецъ, хлѣбомъ да солью бить челомъ? Есть у насъ медъ сотовой и медъ сычевой.

Потапьевна. И горшечекъ сметанки про твою милость сыщется.

Пансофій (*въ сторону*). Жалко видѣть ихъ невѣжество!.. (*Къ Милоглядѣ съ тою же важностью*) Прекрасной Доброславы созерцаніе услаждаетъ меня лучше сыты и патоки, и бѣлизна сметаны должна постыдиться предъ лицемъ ея.

Милогляда. Чѣмъ же дорогово гостя подчивать?

Пансофій. Мнѣ дружеская благосклонность надобна.

Милогляда. Я, мой батюшка, съ тобою еще не подружилася. У насъ, у Славянъ, дружба творится по времени, а на первой встрѣчѣ будь доволенъ пріемомъ, да ласкою, господинъ мудрецъ греческой!

Пансофій (*въ сторону*). Попробую, авось-либо совѣты мои ей помогутъ. (*Къ Милоглядѣ*) Послушай, прекрасная Доброслава, у насъ, въ Аѳинахъ, дружба при первой встрѣчѣ изъявляется, и особливо, когда государь нашъ кому дѣлаетъ честь своею дружбою.

Милогляда. И, мой батюшка, господинъ мудрецъ греческой, да какъ же вы, не спознавши людей, на ихъ дружбу сподѣваетесь? Государь вашъ неужто такъ же дѣлаетъ?

Пансофій (*увѣрительно*). Наши особенныя знанія легко разрѣшаютъ всякія неудобства и трудности. Многіе къ намъ, въ Аѳины, пріѣзжаютъ перенимать такія знанія. Совѣтую и тебѣ, прекрасная Доброслава, нашимъ обычаямъ слѣдовать.

Милогляда. Не прогнѣвайся на насъ, батюшка, господинъ мудрецъ греческой: мы вѣдь въ Аѳины не ѣздили и обходимся, какъ умѣемъ, по простымъ славянскимъ обычаямъ.

Потапьевна. Мы, мой батюшка, въ Старую Русу ѣздили: тамъ кое-чего навидѣлись; и мы

людей и люди насъ знали, и хлѣбъ-соль важивали.

Пансофій. Я хочу подать вамъ дружескіе совѣты, какъ надобно принять государя нашего: надобно вамъ знать нѣкоторый образъ аѳинскаго обхожденія. Государь нашъ пылаетъ желаніемъ провести сегоднишній вечеръ съ прекрасною Доброславою.

Милогляда. Добро пожаловать, мой батюшка. Да какъ же у васъ, въ Аѳинахъ-то, обходятся?

Пансофій. Во-первыхъ, у насъ встрѣчаютъ и кланяются по наукѣ танцмейстеровъ.

Милогляда. Не прогнѣвайся, мой батюшка, господинъ мудрецъ греческой, мы кланяться не училися. По-нашему, просто людей встрѣчаемъ, и коли кто добръ, тому охотно кланяемся. У насъ и пословица есть: «по платью гость встрѣчается, по слову провожается».

Пансофій (*въ сторону*). Экая дурища! (*Къ Милоглядѣ*) У насъ, въ Аѳинахъ, женщины стараются всячески забавлять гостей своихъ.

Милогляда. И мы, мой батюшка, съ гостьми забавляемся; и коли гости поразвеселятся, то мы себѣ поемъ, да пляшемъ, да радуемся.

Пансофій (*съ насмѣшливою вѣжливостью*). Я слышалъ, что прекрасная Доброслава превосходитъ здѣсь всѣхъ своими талантами, и желалъ бы услышать пріятное ея пѣніе.

Милогляда. Какъ умѣется, мой батюшка, не прогнѣвайся.

Потапьевна (*толкая Милогляду рукою*). Видишь, онъ хочетъ, чтобъ ты пѣсню спѣла.

Милогляда. Пожалуй, я спою и спляшу, какъ у насъ водится.

Потапьевна. Она и пѣть и плясать горазда, мой батюшка!

Пансофій (*въ сторону*). То-то забавно, какъ она пѣть и плясать станетъ!

(Милогляда выступаетъ на средину; между тѣмъ музыка начинаетъ слѣдующую пѣсню, и Милогляда, подпершись подъ бока, поетъ и пляшетъ; Потапьевна тутъ же припѣваетъ и приплясываетъ; Пансофій въ продолженіе, по временамъ, дѣлаетъ знаки удивленія и пожимаетъ плечами).

ПѢСНЯ.

Изъ-за Русы пріѣзжалъ бѣлокурый молодой,
Ой! люли, люли, люли, бѣлокурый молодой 2.

Бѣлокурый молодой, не женатый, холостой,
Ой! люли, люли, люли, не женатый, холостой 2.

Онъ мнѣ рѣчи говорилъ, кумачомъ меня дарилъ,
Ой! люли, люли, люли, кумачомъ меня дарилъ 2.

Не хочу я кумачу, друга милаго хочу,
Ой! люли, люли, люли, друга милаго хочу 2.

Милогляда. Не прогнѣвайся, мой батюшка, какъ умѣла, такъ и спѣла.

Потапьевна. Такъ ли-то, мой батюшка, у васъ, съ Аѳинахъ, поютъ и пляшутъ?

Пансофій (*съ важнымъ увѣреніемъ*). Не совѣтую вамъ, какъ другъ, показывать свои пляски и пѣсни предъ государемъ нашимъ. У насъ, въ Аѳинахъ, забавы выдумываются съ такимъ искусствомъ, что всѣ другія достоинства часто попираются предъ талантами.

Милогляда. У насъ, мой батюшка, господинъ мудрецъ греческой, такое старинное обыкновеніе, что мы, по нашей простой возможности, въ добрый часъ и сами себѣ забавляемся, и въ томъ просимъ на насъ не прогнѣваться. Да пляшетъ ли вашъ царь греческій?

Пансофій (*въ сторону*). Не пьяна ли она? Вотъ какой вопросъ! (*Къ Милоглядѣ*) Прекрасная Доброслава! разсуди сама, пристало ли плясать государю нашему?

Милогляда. А для чего бы не пристало, мой батюшка? У насъ прежній воевода, бывало, какъ пойдетъ, пойдетъ въ присядку, да присвиснетъ — такъ смотрѣть было любо-дорого!

Пансофій. Поэтому и у васъ забавники бываютъ знатные?

Милогляда. Бываютъ, мой батюшка, коли только другія добрыя дѣла дѣлать умѣютъ. У насъ то не вина, когда кто забавлять умѣетъ и то не стыдно, кто самъ забавляется; а бываетъ у насъ стыдно такому, кто, давши слово, назадъ попятится.

Пансофій (*увѣрительно*).. Прекрасная Доброслава, когда бы ты въ Аѳинахъ побывала, совсѣмъ другой бы свѣтъ увидѣла. Искусство забавлять людей у насъ великой науки требуетъ, и къ тому много надобно разума.

Милогляда. И у насъ, мой батюшка, умные люди веселятся не безъ разума, и забавляются такъ, чтобъ то не было противу добродѣтели.

Пансофій. Прекрасная Доброслава! вашъ напѣвъ, ваши слова и пляски, у насъ, по аѳинскому знанію, были бы нестерпимы. У насъ есть для того особые люди съ талантами. (*Съ высокопарною важностью, такъ, какъ бы читая по книгѣ*) Забавы наши въ театрахъ приводятъ умы въ совершенное забвеніе: тамъ представляются виды, взоръ восхищающіе; музыка и танцы, воображеніе превосходящіе. Къ тому требуются остроумныя сочиненія: разновидныя въ нихъ дѣйствія; соображеніе лицъ дѣйствующихъ; означеніе ихъ характеровъ, ихъ тѣней, ихъ контрастовъ; регулярное стеченіе дѣйствій въ ограниченное время и мѣсто; сплетеніе ихъ во едино дѣйствіе; поражающія зрителей нечаянности, и напослѣдокъ конецъ, какой долженъ, по вкусу аѳинскому, привести всѣхъ въ печаль, ужасъ и содроганіе.

Милогляда (*понявъ послѣднія слова, послѣ многихъ знаковъ недоразумѣнія*). И; мой батюшка, господинъ мудрецъ греческой... Сохрани насъ отъ того Сила Небесная! Почто намъ попустому печалиться? У насъ умные люди забавы

выдумывають не ради печали, а ради добра и веселья, никому не въ обиду.

Пансофій (*съ тою же важностью*). Прекрасная Доброслава, ваша земля закоснѣла въ простыхъ разсужденіяхъ; а у насъ, въ Аѳинахъ, остроуміе всегда находитъ новый образъ бытія человѣческаго; у насъ всякая новость прикрывается плѣнительною пріятностью, и не отягощаемся мы думать о послѣдствіяхъ. Когда бы ты знала, до какого просвѣщенія у насъ, въ Аѳинахъ, достигаетъ разумъ!

Милогляда. Слыхали мы, мой батюшка, что у васъ, въ Греціи, мудрецовъ много; слыхали мы, что у васъ и дураковъ дѣлаютъ умными, и недостойныхъ достойными, и больныхъ здоровыми,— наука чего не дѣлаетъ!

Пансофій (*съ гордою наглостью*). У насъ и умныхъ дураками, и достойныхъ недостойными, и здоровыхъ больными дѣлать умудряются.

Милогляда. Не прогнѣвайся, мой батюшка, господинъ мудрецъ греческой, мы не научились вашимъ мудростямъ. По нашему простому нарѣчію такія мудрости худыми называются. Пускай они у васъ, въ Аѳинахъ, останутся, съ нами ангели-хранители! У насъ хлѣбъ-соль и безъ того водится. Пускай-ко самъ государь вашъ къ намъ пожалуетъ, да съ нами побесѣдуетъ: авось-либо и наше простое разсужденіе ему полюбится. Не во гнѣвъ государю вашему, пускай онъ, безъ подарковъ своихъ, прежде у насъ хлѣба-соли откушаетъ, да нашихъ рѣчей послушаетъ, и коли

захочетъ по правдѣ съ нами жить въ согласіи, то мы тогда и подарки отъ него принимать и милостью его хвалиться будемъ. Прощай; мой батюшко, господинъ мудрецъ греческой, кланяйся отъ насъ его царской милости. Пускай себѣ пожалуетъ къ намъ на вечеръ.

=

ЯВЛЕНІЕ III.

ПАНСОФІЙ *(одинъ, въ глубокомъ размышленіи).*

Пансофій. Она и понятія не имѣетъ о свѣтскихъ приличностяхъ!.. Александръ, вѣрно, съ нею еще не разговаривалъ... Онъ много убавитъ своего къ ней уваженія, когда я разскажу ему о ея разумѣ, поступкахъ и обхожденіи... Тутъ же мнѣ будетъ случай показать мой разумъ на счетъ глупости... Въ Аѳинахъ никогда не дождался бы я такого счастливаго случая... (*Хочетъ идти*). А! вотъ и онъ.

=

ЯВЛЕНІЕ IV.

АЛЕКСАНДРЪ И ПАНСОФІЙ.

Александръ (*входя*). Видѣлъ ли Доброславу?

Пансофій (*пожимая плечами*). Стыдно разсказывать.

Александръ. Почему стыдно?

ПАНСОФІЙ. Она сущая дура.

АЛЕКСАНДРЪ. (*съ удивленіемъ*). Доброслава сущая дура! почему же такъ ты судишь?

ПАНСОФІЙ. По всему; самъ увидишь... сущая дура!

АЛЕКСАНДРЪ. Я ее видѣлъ и говорилъ съ нею. Правда, что она не похожа на аѳинскихъ разумницъ, правда, что въ ней видно особое воспитаніе и доброправіе, незнакомое въ Аѳинахъ, однако, притомъ она не только не дура, а думаю, что она тебя судить умѣетъ лучше, нежели ты ее судишь.

ПАНСОФІЙ (*пожимая плечами, съ видомъ совершеннаго увѣренія*). Да она глядѣть не умѣетъ.

АЛЕКСАНДРЪ (*смотря безпрестанно на Пансофія*). То есть: она смотрѣла на тебя съ сожалѣніемъ.

ПАНСОФІЙ. Поклониться не умѣетъ.

АЛЕКСАНДРЪ. То есть, не по-аѳински, а по-своему кланяется.

ПАНСОФІЙ. Говорить не умѣетъ.

АЛЕКСАНДРЪ. То есть, не переняла у тебя говорить по-гречески.

ПАНСОФІЙ. Разбирать людей не знаетъ.

АЛЕКСАНДРЪ. То есть: не говорила тебѣ нѣкотораго словъ собранія, которое въ Аѳинахъ высочайшею вѣжливостью почитается.

ПАНСОФІЙ. А вотъ что говорила: *передразнивая Милогляду*.. «добро пожаловать, хлѣба-соли откушать, не прогнѣвайся на простоту мою, свой батюшко, господинъ мудрецъ греческой, по

«нашему простому нарѣчію греческія мудрости «худыми называются. Пляшетъ ли вашъ царь гре«ческой по-нашему?» (*Съ прежнею увѣрительностью*). И вотъ Доброславина пѣсня, которую она пѣла со своею мамушкою, и подъ которую обѣ онѣ плясали: «Ой! люли, люли, люли, не «хочу я кумашу, друга милаго хочу.» (*Съ ироническою важностью*). Прекрасная пѣсня! Что надлежитъ до поступковъ, то Доброслава подарки назадъ отослала и приказала объявить тебѣ свою волю, что когда къ ней пожалуешь и удостоишься ея дружескаго воззрѣнія, тогда она и подарки отъ тебя приметъ.

Александръ. Пансофій! ты, вѣрно, обманутъ, и, можетъ быть, такъ, что разговаривалъ ты, вмѣсто Доброславы, съ какою-нибудь огородницею.

Пансофій (*съ твердою увѣрительностью*). Въ Доброславиныхъ покояхъ, самолично съ Доброславою. Она сидѣла въ креслахъ, и позади стояла ея вѣрная мамушка, которая мѣшалась также въ наши рѣчи, и съ Доброславою вмѣстѣ припѣвала и приплясывала. (*Пожимая плечами съ важностію*) Быть можетъ, что Доброслава и мамушка предъ моимъ приходомъ обѣ хмѣльного подпили.

Александръ (*смотря на Пансофія съ неудовольствіемъ*). Быть можетъ, также, что она имѣла причину греческія мудрости называть худыми. Ввечеру нынѣ и самъ у нее буду, и очень любопытенъ тебя тутъ же видѣть. Позволь мнѣ сомнѣваться о твоей премудрости, а между тѣмъ

дай знать славянскимъ посламъ, что сего же вечера, въ покояхъ Доброславы, мною они будутъ приняты и выслушаны. Надѣюсь, что ты исполнишь это дѣло счастливѣе перваго.

(Пансофій дѣлаетъ въ сторону гримасы удивленія, кланяется и отходитъ).

=

ЯВЛЕНІЕ V.

АЛЕКСАНДРЪ *(одинъ)*.

Александръ. Похоже ли то на Доброславу, какъ онъ объ ней мнѣ разсказываетъ!.. По случаю я знаю ее самъ вѣрнѣе всякихъ слуховъ... Аѳинскому мудрецу простые славянскіе нравы кажутся смѣшными; а мнѣ еще болѣе смѣшонъ кажется мудрецъ, который не находитъ, кромѣ Аѳинъ, ничего достойнаго. Вотъ каково самолюбіе ученыхъ Аѳинянъ! Испортивъ нравы свои всевозможными образами, они не могутъ себѣ представить, чтобъ гдѣ-нибудь могли существовать несовмѣстныя съ ними достоинства. Умы и разговоры ихъ заражены такою ко всему человѣческому роду недовѣренностью, что имъ всюду представляются оправдательныя причины ихъ мрачныхъ и унылыхъ воображеній. О, Аристотъ! у Славянъ, подъ скипетромъ праводушія, ученіе твое было бы полезнѣе.

=

ЯВЛЕНИЕ VI.

АЛЕКСАНДРЪ И ВЛАСЬИЧЪ.

Власьичъ (*не знавъ лица Александра и почесывая себѣ голову*). Не у Доброславы ли служишь ты, родимой?

Александръ (*въ сторону*). Это, вѣрно, или мужъ, или братъ огородницынъ. (*Къ Власьичу, притворяясь слугою*). Ты, мой другъ, не ошибся: я служу Доброславѣ. А ты чей служитель?

Власьичъ. Я Власьичъ, огородникъ, мужъ Потапьевнинъ, родимой; а Потапьевна жена моя, доводится сватья Милоглядѣ Радимовнѣ, а Милогляду Радимовну авось ты и самъ знаешь?

Александръ (*въ сторону*). То помнится, служанка Доброславина. (*Къ Власьичу*) Какъ не знать Милогляду Радимовну!

Власьичъ. Не можно ль, родимой, ее ко мнѣ выслать?

Александръ. Можетъ быть, ей нельзя оставить госпожу свою.

Власьичъ. Коли нельзя, родимой, такъ хоть ты отдай ей грамотку; къ кому, она сама вѣдаетъ.

Александръ (*въ сторону*). Это похоже на какую-нибудь тайну. (*Къ Власьичу*) Отъ кого и къ кому? таить нечего.

Власьичъ. Ну, нечего тебѣ и говорить! только пожалуй никому не сказывай, что грамотка

отъ Руслана къ Доброславѣ. Мы боимся, чтобъ царь греческій о томъ не довѣдался.

Александръ (*въ сторону*). Вотъ и тайна обнаружилась! (*Къ Власьичу*) Не бойся, поди себѣ назадъ спокойно.

Власьичъ (*кланяясь*). Ладно, ладно, родимой!

(*Уходитъ*).

=

ЯВЛЕНІЕ VII.

АЛЕКСАНДРЪ (*одинъ въ размышленіи*).

Александръ. Отъ Руслана... къ Доброславѣ!.. съ предосторожностью, чтобъ я о томъ не свѣдалъ!.. Я ничего не запретилъ Доброславѣ... Для чего такая предосторожность? Я не подалъ ей причины ни къ какому непріятельскому противъ меня поступку... и не могу подозрѣвать ея праводушіе... Русланъ, можетъ быть, счастливый смертный, котораго она любитъ... Безъ всякаго другого подозрѣнія, знаю, что переписка съ любовникомъ должна быть осторожна, и не хочу узнавать, о чемъ она къ нему пишетъ; письмо должно быть ей вручено безъ всякаго посторонняго любопытства... Русланъ... Такъ... ничего нѣтъ правосуднѣе, какъ то, что онъ Доброславу любитъ... (*Со вздохомъ*) Благополучный Русланъ, можетъ быть, достоинъ любви ея!

=

ЯВЛЕНІЕ VIII.

АЛЕКСАНДРЪ И ПАНСОФІЙ.

Пансофій. По волѣ твоей, я послалъ повѣстить славянскимъ посламъ, что они сегодня ввечеру, въ присутствіи Доброславы, тобою будутъ выслушаны. (*Съ видомъ важнаго сомнѣнія*) А между тѣмъ встрѣтился мнѣ теперь другого рода посолъ, который отнесъ тайное письмецо къ Доброславѣ... это что-нибудь значитъ... Съ кѣмъ она тайно переписывается, я не могъ свѣдать; знаю только, что Славяне по временамъ у Руслана въ гостяхъ бываютъ... это что-нибудь значитъ... Они его почитаютъ... это что-нибудь значитъ: Онъ же со Славянами письменно сообщается... это что-нибудь значитъ.

Александръ. Послушай, Пансофій, много было бы на свѣтѣ дѣла, если бы пустыя догадки много значили. Безъ всякихъ догадокъ, которое-нибудь изъ двухъ твоихъ примѣчаній должно однако казаться странно: Доброслава, по словамъ твоимъ, выходитъ сущая дура, или сумасбродная дѣвка, и по твоимъ же примѣчаніямъ Доброслава кажется опасна, потому что съ умными людьми сообщается. Разсуди самъ, каково я долженъ думать о твоей аѳинской премудрости?

Пансофій (*съ видомъ ревности и усердія*). Такъ я же и виноватъ за мою добрую службу и за мое усердіе?

АЛЕКСАНДРЪ. Мой другъ, усердіе требуетъ разсужденія, и служба требуетъ справедливости. Никогда я не поручалъ тебѣ инымъ образомъ дружбу мою заслуживать.

ПАНСОФІЙ (*съ увѣреніемъ*). Самъ лучше усмотрѣть изволишь, буде въ вѣрности моей сомнѣваешься.

АЛЕКСАНДРЪ (*съ такимъ же увѣреніемъ*). Сего же вечера, у Доброславы со мною, самъ лучше усмотрѣть изволишь, если сомнѣваешься въ моей вѣрности.

(Уходитъ).

=

ЯВЛЕНІЕ IX.

ПАНСОФІЙ (*одинъ въ глубокомъ размышленіи*).

Вотъ Богъ далъ намъ хорошую красавицу!.. Я же теперь въ дуракахъ!.. За кого?.. за дуру. Да я... я всему учился въ Аѳинахъ... (*Бьетъ себя ладонью по лбу*)... Грекамъ кой-что шепнуть можно... Этотъ посолъ, который носилъ письмецо, также мнѣ пригодится... Да вотъ онъ здѣсь бродитъ.

=

ЯВЛЕНІЕ X.

ПАНСОФІЙ И ВЛАСЬИЧЪ.

ПАНСОФІЙ (*грозно*). Бѣдный, пропащій! не еще ли принесъ ты письмецо къ Доброславѣ?

Власьичъ (*съ торопливостью*). Нѣтъ, нѣтъ, родимой! а только слово молвить хотѣлъ Потапьевнѣ.

Пансофій. Царь нашъ свѣдалъ, отъ кого, къ кому и о чемъ письмо писано, и кто принесъ его.

Власьичъ (*уныено*). Ахти, родимой! пропали мы съ Потапьевной!.. И деньги за капусту у насъ назадъ отымутъ.

Пансофій. А кто такая Потапьевна съ тобою въ согласіи?

Власьичъ. Потапьевна жена моя, родимой. Греческой царь вашъ ее знаетъ и жалуетъ.

Пансофій (*съ видомъ сожалѣнія*). Мнѣ жаль и тебя и Потапьевну, однако можно еще пособить несчастью вашему.

Власьичъ (*низко кланяясь*). Пособи, родимой.

Пансофій. Надобно скорѣе...

Власьичъ (*уныено*). Знаю, знаю, родимой.. скорѣе бѣжать намъ съ Потапьевною... Потапьевна моя завоетъ, какъ увѣдаетъ бѣду свою. Она невѣдь какъ испугается.

Пансофій (*въ сторону*). Онъ глуповатъ, съ нимъ яснѣе говорить надобно. (*Къ Власьичу, съ видомъ дружескаго совѣта*) Послушай, вамъ всѣмъ худо будетъ. Скажи ты Доброславѣ, чтобъ она потихоньку, и какъ можно поскорѣе, съ вами убралась отсюда. Царь нашъ на васъ разгнѣвался, и коли не уйдете, то вамъ худо будетъ.

Власьичъ. Худо, худо, родимой! (*воетъ*) У! у! у! у! пропали наши головушки!.. и куды бѣжать, родимой?... у! у! у! у!

Пансофій. Я вамъ дамъ провожатыхъ: они васъ проводятъ въ доброе мѣсто, гдѣ васъ, вѣрно, не найдутъ. Не бойся, поди только поскорѣе, подговори Доброславу, чтобъ она была готова.

Власьичъ (*уныно*). Пойду, пойду, родимой! (*кланяясь*) Не оставь насъ въ горькой напасти нашей: на тебя вся надежда.

(*Уходитъ*).

=

ЯВЛЕНІЕ XI.

ПАНСОФІЙ (*одинъ*).

Пансофій. Поскорѣе бы только ихъ отсюда отправить. (*Александръ входитъ, и Пансофій продолжаетъ, не видя Александра*) Потомъ... можно будетъ сказать объ нихъ всякую всячину.... а въ нужномъ случаѣ можно и конецъ дѣлу сдѣлать.

=

ЯВЛЕНІЕ XII.

АЛЕКСАНДРЪ И ПАНСОФІЙ.

Александръ (*вслушавшись въ послѣднія слова Пансофіевы*). Я приказалъ ужъ конецъ дѣлу сдѣлать.

Пансофій (*обрадовавшись*). Не правду ль я доносилъ, какова она? Другого отъ нея ждать было нечего.

Александръ. Ошибаешься, Пансофій! не тотъ конецъ дѣлу ты себѣ представляешь. Я желаю, чтобъ ты былъ честнѣе: вотъ прямой конецъ дѣлу.

Пансофій (*пожимая плечами, въ сторону*). Что за причина! (*Къ Александру*) Поэтому Доброслава умна и честна, а я и другіе—мы дураки и бездѣльники?

Александръ. Кого ты мѣшаешь другихъ съ собою? если тѣхъ, которые могли слѣпо вѣрить, то всѣ вы не будете ошибаться, какъ скоро ошибки свои увидите. Я, по случаю, узналъ ихъ во всемъ пространствѣ. Совѣтую тебѣ имѣть больше разсмотрительности. Лучше исправить ошибки, хотя и съ уничтоженіемъ своего самолюбія, нежели продолжать какое-нибудь безчестное дѣло до безконечной глупости. Доброслава соглашается присутствовать въ этой же залѣ при послахъ славянскихъ. Она должна рѣшить ихъ участь. (*Пансофій дѣлаетъ разные знаки недоумѣнія*). Тогда ты увидишь лучше, я ли хочу тебя обманывать, или ты самъ обманываешься.

(*Выходитъ*).

═

ЯВЛЕНІЕ XIII.

ПАНСОФІЙ (*одинъ въ раздумчивости*).

Пансофій. Не могу понять, отъ чего такое о Доброславѣ высокое мнѣніе, и отъ чего къ ней такая довѣренность!.. Влюбился.... Все отъ того... все отъ того.... Посмотримъ, каково-то ему при послахъ будетъ, какъ она по-своему пѣть станетъ.... Чудеса на свѣтѣ!... Чудеса!

(*Уходитъ*).

КОНЕЦЪ ВТОРОГО ДѢЙСТВІЯ.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ.

=

ЯВЛЕНІЕ I.

АЛЕКСАНДРЪ, ПАРМЕНІОНЪ, ПАНСОФІЙ И СВИТА АЛЕКСАНДРОВА.

АЛЕКСАНДРЪ *входитъ съ великолѣпнымъ обрядомъ, въ преслѣдованіи своихъ воиновъ и первыхъ чиновниковъ, садится на правой сторонѣ залы въ креела, возлѣ коихъ поставлены другія, порожнія.* ПАРМЕНІОНЪ *и другіе чиновники становятся по сторонамъ.* ПАНСОФІЙ *между чиновниками въ свитѣ.*

Александръ. Храбрые Греки! оружіе ваше донынѣ было столь благоуспѣшно, что мы нигдѣ не находили ни противоборниковъ, ни оградъ, могущихъ остановить побѣды наши. Слава такихъ побѣдъ принадлежитъ вашему отличному мужеству. Имѣя счастіе быть начальникомъ непобѣдимыхъ войскъ греческихъ, если пріобрѣлъ я имя побѣдителя, то должно признаться торжественно,

что частную въ томъ славу, какъ гражданинъ, отъ васъ заимствую. Долгъ моего званія оставляетъ мнѣ одно только особенное попеченіе соблюдать правосудіе всюду, гдѣ мы найдемъ ему мѣсто. Доброслава требуетъ, чтобъ славянскіе послы были выслушаны. Я не имѣю причинъ думать, чтобъ требованія ея могли быть предосудительны существеннымъ пользамъ Греціи. (*Къ Парменіону*) Увѣдомь Доброславу, что прежде пріема пословъ, я ее сюда ожидаю.

Парменіонъ (*въ недоумѣніи*). Не согласно, кажется, съ формою посольскихъ обрядовъ.

Александръ (*прерывая*). То есть, тебѣ странно кажется, что Доброслава будетъ тутъ же присутствовать, противъ обыкновенныхъ обрядовъ греческихъ. Послушай! ея объ насъ мнѣніе уважаю я больше, нежели всѣ обряды, по какимъ надлежало бы исключить ее изъ моего присутствія. Если она такого уваженія не достойна, то, безъ всякаго отъ другихъ старанія, сама собою привлечетъ себѣ справедливое презрѣніе. Скажи ей, что сюда ее ожидаю. (*Парменіонъ отходитъ; Александръ обращается къ предстоящимъ Грекамъ*) Желаю, чтобъ вы судили безпристрастно, друзьями ли, или непріятелями Славянъ почитать мы должны. Отъ ихъ расположеній должны зависѣть наши съ ними поступки. Постыдно было бы побѣждать оружіемъ народъ, который защищаетъ себя честію и справедливостью.

=

ЯВЛЕНІЕ II.

ТѢ ЖЕ, ДОБРОСЛАВА И ПАРМЕНІОНЪ.

Доброслава (*къ Александру*). Если бъ славѣ побѣдъ твоихъ надъ цѣлымъ свѣтомъ не доставало славянскихъ женщинъ, которыя бы слѣдовали за колесницею побѣдителя, то мое присутствіе принесетъ тебѣ одну только досаду.

(Между тѣмъ Пансофій, увидѣвъ вмѣсто Милогляды Доброславу въ иномъ лицѣ, въ иномъ нарядѣ и съ иною поступью, дѣлаетъ разные знаки удивленія, протираетъ глаза, надѣваетъ большіе очки, смотритъ прилежно и говоритъ въ сторону)

Пансофій. Что за чудеса!

Александръ (*къ Доброславѣ, показывая ей порожнія кресла*). Оставимъ колесницы побѣдителей: здѣсь вамъ будетъ покойнѣе. (*Доброслава садится*). Я не ожидаю, чтобъ славянскіе послы имѣли какую-нибудь причину приводить меня къ другимъ поступкамъ. Доброслава будетъ свидѣтельницею, могу ли я спорить со Славянами въ чести и справедливости. Самое пріятнѣйшее торжество въ моей жизни будетъ то, если, не ошибаясь во мнѣніи моемъ о Славянахъ, могу непостыдно опредѣлить себя въ послѣдователи за колесницею добродѣтели.

Доброслава. У нас добродѣтели не так пышны, чтоб Александръ Великій долженъ былъ включить себя въ число послѣдователей за ихъ колесницами. Онѣ у насъ часто просто пѣшкомъ ходятъ, и принимаютъ къ себѣ только тѣхъ сопутниковъ, которые не устаютъ отъ трудовъ сотоварищества.

Пансофій (*въ сторону*). Что за преображеніе!

Александръ (*со вздохомъ*). А, Доброслава! я чувствую, чѣмъ ты меня обвиняешь. Ты обвиняешь меня роскошью, соединенною съ моимъ званіемъ? ты думаешь, что восточное великолѣпіе, къ каковому воины мои привыкли въ Персіи, затмило во мнѣ чувствія истиннаго бытія человѣческаго? Могу тебя увѣрить, что наружность принадлежитъ только къ моему званію, а сердце мое....

Доброслава (*прерывая*). Не унижая достоинствъ твоего сердца, я нахожу себя однако совершенно жертвою слѣдствій твоего званія: я отдана тебѣ отъ Славянъ....

Александръ (*прерывая*). На то, конечно, чтобъ я не стыдился самъ быть данникомъ. Доброслава! сколь много бы ни чувствовали Славяне важность своего залога, вѣрь, что я, по крайней мѣрѣ, равно съ ними раздѣляю ихъ чувствія.

Доброслава (*въ сторону*). Чего онъ хочетъ?.. (*Къ Александру*) По словамъ твоимъ кажется, что ты не пришелъ покорять землю нашу.

Александръ. Доброслава! несправедливо было бы покорять тѣхъ, кто своими добродѣтелями сами людей покорять удобны.

Пансофій (*протирая себѣ глаза*). Это совсѣмъ другая!

Доброслава (*съ откровенностью*). Конечно, ты имѣлъ случай знать здѣсь Руслана?

Александръ (*съ прискорбіемъ*). Конечно, Доброслава думаетъ, что для своего покоренія Руслана знать надобно.

Доброслава (*съ увѣреніемъ невинности*). Ты самъ увидишь. Онъ будетъ сюда посломъ отъ государя нашего. Я не одна люблю его.... и другіе его любятъ.... и государь нашъ его жалуетъ.

Александръ (*остановясь нѣсколько, въ удивленіи*). Да онъ тебя любитъ ли?

Доброслава. О! вѣрно любитъ: онъ честенъ, справедливъ....

Александръ (*прерывая*). Столько ли справедливъ, чтобъ могъ не почесть меня своимъ непріятелемъ за то, что и я любить тебя не отрицаюсь?

Доброслава (*съ чистосердечіемъ*). Пожалуй люби ... только мнѣ тебя такъ, какъ его, любить не можно.

Александръ. То есть, ты опредѣляешь мнѣ въ твоемъ сердцѣ послѣ Руслана второе мѣсто?

Доброслава. Не второе и не первое, а то мѣсто, которое добродѣтельные люди заслуживаютъ безъ всякаго съ другими сравненія.

Пансофій (*смотря прилежно*). Это другая!

Александръ. Доброслава, я не буду униженъ, если Русланъ то же мѣсто заслуживаетъ. Сердечно желаю, чтобъ онъ исполнилъ свое посольство образомъ, достойнымъ своего счастія..... Вотъ, я вижу, и посолъ къ намъ входитъ.

—

ЯВЛЕНІЕ III.

ТѢ ЖЕ и РУСЛАНЪ *(со свитою главныхъ въ посольствѣ).*

Русланъ (*послѣ обряднаго поклона*). Славянскій царь, государь нашъ, желая тебѣ, именитому царю греческому, здравія и благоденствія, велѣлъ мнѣ, царскому послу своему, видѣть ясныя очи твои и дружелюбно тебѣ кланяться, а притомъ сказать тебѣ отъ царя государя нашего, что, буде ты желаешь пребывать съ нами въ мирѣ и согласіи, то царь государь нашъ радъ будетъ твоему дружелюбію, и тебя и войска твои отпуститъ изъ земли своей съ честію. Буде же ты хочешь съ нами ратовать, то бы ты на царя государя нашего не прогнѣвался: мы Славяне, люди ратные, всегда носимъ луки и стрѣлы на защиту земли своей.

Александръ. Я радъ дружелюбію народовъ, которые умѣютъ быть достойны дружества. Прежде отвѣта моего вамъ, позвольте мнѣ, по моему обыкновенію, разспросить васъ о вашихъ славянскихъ нравахъ, законахъ и обычаяхъ, и предварительно сказать вамъ, что охотно соблю-

даю я миръ съ добрыми народами; но воюю съ такими, которые сами на себя навлекаютъ непріятельскія дѣйствія. Такъ ли царь государь вашъ думаетъ?

Русланъ. Какъ ты говоришь намъ, такъ царь государь нашъ дѣлаетъ; и крѣпко воюетъ со всѣми своими непріятелями.

Александръ. Какими средствами во нравахъ вашихъ умѣриваются военныя склонности?

Русланъ. Прилежаніемъ къ полезнымъ трудамъ, отъ которыхъ, безъ кроволитной военной добычи, всегда имѣемъ мы плоды вѣрные.

Александръ. Что же у васъ дѣлаютъ тѣ, которые къ полезнымъ трудамъ не имѣютъ прилежанія?

Русланъ. Тѣмъ бываетъ у насъ стыдно.

Александръ. А тѣ, которые стыда не имѣютъ?

Русланъ. Въ нашей землѣ не родятся безстыдные; а если бы когда и родились, то ихъ въ познаніи стыда мы воспитываемъ.

Александръ. Поэтому у васъ не бываетъ ни преступленій, ни наказаній и многія несчастія другихъ народовъ вамъ не вѣдомы?

Русланъ. Добро и худо вмѣстѣ вездѣ бываетъ; вездѣ родятся люди благоразумные и безтолковые; и у насъ бываютъ люди несчастные, когда сами не хотятъ быть благополучными; но у насъ такихъ исправляютъ часто кроткими образами, не поставляя ихъ глупостей имъ въ преступленія.

Александръ. Я желалъ бы собрать книги ваши, въ которыхъ вы такія хорошія правила почерпаете.

Русланъ. У насъ книгъ немного; мы пишемъ только то, что̀ можетъ питать добрыя расположенія сердецъ и разумовъ. У насъ главныя добродѣтели, безъ письма и безъ книгъ, сохраняются въ безпрестанныхъ человѣческихъ дѣйствіяхъ; писать о томъ мы не тратимъ времени.

Александръ. Кто же, однако, ваши писатели?

Русланъ. Мы всѣ писатели.

Александръ. А когда у васъ всѣ пишутъ, то писатели должны быть въ презрѣніи.

Русланъ. По тому самому, что всѣ пишутъ, они у насъ въ почтеніи. Мы не презираемъ людей за то, что они ревнительны къ исполненію общихъ всѣмъ должностей.

Александръ. Однако у васъ, чаятельно, какъ и у другихъ, люди пишутъ часто и не дѣло, когда другого ремесла не знаютъ.

Русланъ. У насъ постыдно такое ремесло, чтобъ врать или повирать для своего прокормленія. Богъ насъ не на то создалъ. А хотя иногда у насъ и вранье пишется, однако вранье за дѣло не почитается.

Александръ. Гдѣ же вы находите столько судей, чтобъ у васъ всюду дѣло отъ вранья справедливо было отличаемо?

Русланъ. Они у насъ вездѣ находятся, потому что люди у насъ вездѣ воспитываются такъ, чтобъ вначалѣ имѣли о вещахъ прямое понятіе и здравое разсужденіе.

Александръ. Кто вкоренилъ въ нравахъ вашихъ такія добрыя правила?

Русланъ. Была у насъ добрая и умная государыня, которая лучшія правила греческихъ мудрецовъ вашихъ Славянамъ въ законъ поставила. Она имѣла разумъ благотворительнаго созиданія: украсила жилища наши многими зданіями и умы наши многими свободными наученіями; распространила границы своихъ областей не столько силою оружія, сколько дѣйствіями своего о подданныхъ попеченія; возвысила цѣну человѣчества, не по мѣрѣ особенныхъ и частныхъ предъубѣжденій, но по мѣрѣ достоинствъ и заслугъ вообще, свойственныхъ народу Славянскому. Она, для настоящаго и будущаго племенъ нашихъ спокойствія, много собственнымъ своимъ покоемъ жертвовала; а потому Славяне учредили праздновать каждыя двадцать пять лѣтъ ея царствованія, съ торжественнымъ возобновленіемъ всѣхъ спасительныхъ ея учрежденій, на тотъ конецъ, чтобъ они никогда не ослабѣвали въ памяти потомковъ нашихъ.

Александръ. Я охотно бы желалъ въ вашемъ праздникѣ также участвовать.

Русланъ. Сегодня должно быть отправлено торжество наше; но тебя мы къ тому приглашать не можемъ, пока не услышимъ къ царю государю нашему отъ тебя отвѣтовъ дружескихъ.

Александръ. Вы ихъ теперь услышите. Донесите государю вашему, что я искренно желаю ему здравія и благоденствія, равно желаю сохранять

со Славянами миръ и доброе согласіе. (*Къ Парменіону*) Прочти имъ заготовленную грамату.

Парменіонъ (*вынимаетъ грамату и читаетъ*). «Александръ, царь греческій, именитому народу «Славянскому желаетъ радоватися; и, въ воздаяніе за его добродѣтели, постановляетъ съ нимъ «миръ и доброе согласіе, которое съ внутреннимъ ихъ благополучіемъ, безъ сомнѣнія, пребудетъ столь долговременно, доколѣ добродѣтели сего народа не измѣнятся. Они суть надежнѣйшіе споручники возможнаго счастія человѣческаго. Желаетъ же, чтобы Славянскіе «потомки спокойствіе свое пріобрѣли всегда тѣмъ «же образомъ.» (*Парменіонъ подноситъ грамату Александру для подписанія*).

Александръ (*подписавъ грамату и отдавая ее Руслану*). Вотъ удостовѣреніе народу вашему! Но я не все еще исполнилъ. Знаю, что Доброслава любитъ Руслана, и что Русланъ любитъ Доброславу. (*Къ Руслану и Доброславѣ*) Отпустите мнѣ невинную вамъ досаду, если могъ я быть содѣтелемъ вашей разлуки и безпокойства вашего. Доброслава! ты имѣешь теперь всю свободу слѣдовать твоей справедливой склонности.

Доброслава (*съ восхищеніемъ*). Правосудіе, достойное Александра Великаго!

Русланъ (*съ радостью*). Ты побѣждаешь сердца наши!

Александръ. Оставляю родственникамъ вашимъ довершить ваше сочетаніе. Надѣюсь, что

и меня вспоминать будете не инако, какъ въ числѣ друзей вашихъ.

Доброслава. Жалѣю, что ты не родился гражданиномъ между нами; состояніе Славянина, конечно, не было бы тебѣ противно.

Александръ (*со вздохомъ*). А! не напоминай мнѣ моего бремени, какое, для чести отечества, носить я долженъ... Между вами нахожу мою отраду: позволите ли мнѣ быть участникомъ въ празднествѣ вашемъ? Я бы желалъ, чтобъ здѣсь и теперь вы его препроводили, со всѣми обрядами по вашему обычаю.

Русланъ. Если то̀ тебѣ угодно, собраніе Славянъ сюда пригласить можно.

Александръ. Доброслава и Русланъ лучше всѣхъ удобны привлечь сюда собраніе и учредить забавы, къ общему удовольствію. (*Доброслава встаетъ*). Отпуская васъ, я съ вами не разлучаюсь мыслями. Минуты вашего отсутствія употреблю для другихъ распоряженій, какія отъ меня зависятъ.

(Доброслава и Русланъ откланивается, выходятъ со Славянскою свитою. Александръ также встаетъ послѣ, и кресла выносятся.)

═

ЯВЛЕНІЕ IV.

АЛЕКСАНДРЪ, ПАРМЕНІОНЪ, ПАНСОФІЙ И ДРУГІЕ ГРЕКИ.

Александръ (*выходя на средину, съ чувствительностью самъ къ себѣ*). Я ли, я ли забуду Аристотовы наставленія?... Я ли неправосуденъ буду?.. (*Къ Парменіону*). Они любятъ и имѣютъ причину любить другъ друга. Недостойно было бы моего имени разрушать справедливое людей благополучіе.

Парменіонъ. Я предвидѣлъ, что награды твои скоро кончатся.

Александръ. Я имѣю одну, которой никто меня лишить не можетъ и которая никакими обстоятельствами не измѣняется: утѣшеніе благотворить достоинствамъ всѣ другія награды превосходитъ въ моихъ чувствіяхъ. Вотъ моя награда! (*Показываетъ на свое сердце. Парменіонъ безмолвно уклоняетъ голову. Александръ, обратясь къ Пансофію*) Пансофій! что теперь скажешь?

Пансофій (*въ замѣшательствѣ*). То вѣрно.. то вѣрно была другая, подставная... Кто нибудь ее на смѣхъ подставилъ... Не худо однако... съ тою и съ другою... разстаться поскорѣе, какъ кажется...

Александръ. Послушай Пансофій: тѣ, которые легко обманываются, не найдутъ себѣ въ

томъ выгоды; а было бы лучше, когда бы о вещахъ судили они справедливѣе: тѣмъ избавили бы себя и другихъ отъ лишнихъ неудовольствій. Кто только захочетъ чаще вопрошать собственную свою безпристрастную ощутительность, то она, лучше всего, поступки свои съ собою согласить удобна. (*Къ чиновникамъ*) Объявите Грекамъ постановленный миръ со Славянами. Намъ должно отличаться вначалѣ правосудіемъ. Если спросятъ въ Греціи, какія отъ Славянъ принесли мы корысти, то пріобрѣтеніе добрыхъ друзей я въ главную корысть поставляю. Довольно намъ военныхъ добычъ отъ тѣхъ народовъ, у которыхъ богатства и избытки производятъ только несчастія. Греція равной судьбѣ можетъ подвергнуться, если язва народной развратности поселится въ ея областяхъ. Я ничего болѣе вамъ сказать не могу объ общихъ нашихъ должностяхъ. Желаю только, чтобъ въ празднествѣ Славянъ вы нашли и ваше собственное. (*Чиновники, поклонясь, отходятъ, кромѣ Пансофія*). Божество да отвратитъ отъ насъ развратность съ ея бѣдствіями! Благополучны тѣ народы, которыхъ умы всегда къ справедливому и полезному направляются.

=

ЯВЛЕНІЕ V.

АЛЕКСАНДРЪ, ПАНСОФІЙ И ПОТАПЬЕВНА.

Пансофій (*увидя идущую Потапьевну*). Вотъ, вотъ ея мамушка! Она точно позади ее стояла.

Александръ (*съ удивленіемъ*). Это Доброславина мамушка?

Потапьевна (*Подошедъ къ Александру, пригорюнившись и кланяясь*). Не смѣю докучать, отецъ родимой! (*Увидя Пансофія, который глядитъ на нее пристально*) Ну! пропала моя головушка!

Александръ. Давно ли ты у Доброславы въ мамушкахъ?

Потапьевна (*съ робостію кланяясь*). Виновата, отецъ мой!.. Вотъ какъ было... Милогляда Радимовна и я боялись, чтобъ ты не прогнѣвался на боярышню за то, что она его милость (*показывая на Пансофія*) къ себѣ допустить не позволила... Жаль, жаль было боярышню!.. Мы двое, плачучи, взгадали, чтобъ Милогляда Радимовна говорила съ нимъ, будто боярышня... а я тутъ же бы стояла, будто ея мамушка.

Александръ (*съ усмѣшкою*). А онъ явился къ вамъ, будто мудрецъ греческій? Такъ ли?

Потапьевна. Его милость назвалъ себя мудрецомъ греческимъ; а кто онъ таковъ, мы не вѣдаемъ: не прогнѣвайся ты на простоту нашу (*кланяется*).

Пансофій (*пожимая плечами*). Я не виноватъ въ томъ, что меня обманули.

Александръ. Я тебя въ томъ и не обвиняю.

Потапьевна (*низко кланяясь*). Виновата, отецъ мой!

Александръ. Вина твоя происходитъ, однако, отъ добраго намѣренія—спасти боярышню. Успокойся, Потапьевна! я отнюдь не сердитъ на Доброславу, и она теперь въ полной свободѣ.

Потапьевна (*ободрясь*). Отецъ родимой! обрадуй тебя самого Сила Небесная! Мы отъ тебя никакого худа не видѣли и ни о чемъ бы не горевали, кабы только цѣлы были огороды наши.

Александръ. А каковъ теперь огородъ твой, Потапьевна?

Потапьевна. Поймали ихъ, отецъ родимой.

Александръ. Кого поймали, Потапьевна?

Потапьевна. А тѣхъ, что огородъ-атъ истоптали.

Александръ. Кто-то они именно?

Потапьевна (*пригорюнившись*). Изъ обоза твоего ослы чудесили.

Александръ (*съ усмѣшкою*). Я тутъ ничего не могу сдѣлать, Потапьевна. Скотамъ нѣтъ уставовъ; а совѣтую тебѣ огородъ укрѣплять получше. Ослы не только гряды твои, а тебя и меня обижать станутъ, если мы отъ нихъ не загородимся.

Потапьевна. Вѣстимо, отецъ мой; не прогнѣвайся ты на простоту мою. Власьичу покучусь, чтобъ онъ загородилъ горазже.

Александръ. Чтобъ ты больше успокоилась, то посмотри ты, съ Милоглядою Радимовною, на свою боярышню, въ сегоднишнемъ славянскомъ праздникѣ: она тамъ будетъ.

Потапьевна. Намъ туда пройти трудно, отецъ родимой.

Александръ. По старому знакомству, онъ васъ проводитъ (*Дѣлаетъ знакъ Пансофію проводить Потапьевну*).

Потапьевна (*кланяясь*). Обрадуй тебя Сила Небесная! (*Пансофій и Потапьевна выходятъ*).

═

ЯВЛЕНІЕ VI.

АЛЕКСАНДРЪ (*одинъ*).

Славянскій праздникъ, и мое въ немъ присутствіе, безъ сомнѣнія, будутъ критиковать Аѳиняне Такой праздникъ предпочитаю я однако многимъ аѳинскимъ зрѣлищамъ. Учредители ихъ, соображаясь съ разумомъ Аѳинянъ, принуждены, въ безпрестанныхъ трудностяхъ, прибѣгать часто къ плачевнымъ дѣйствіямъ, для одной только новости. Забавы и вкусы Славянъ, какъ кажется, не терпятъ затруднительныхъ выдумокъ. Надѣюсь найти въ нихъ ту простоту и то невинное удовольствіе, какое, безъ дальнихъ замысловъ, на всѣхъ распространяется. А вотъ и праздникъ ихъ показывается.

—

ЯВЛЕНІЕ VII.

НАЧАЛО БАЛЕТА.

Вдругъ открывается, при звукѣ приличной къ случаю музыки, большая зала, великолѣпно украшенная, посреди которой воздвигнута пирамида; на ней большими литерами написано: ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ ЛѢТЪ. *Изъ внутренности пирамиды выходитъ Геній Времени, подноситъ Александру пальмовую вѣтвь и показываетъ ему, въ устроенномъ на правой сторонѣ амфитеатрѣ, главное мѣсто для зрѣнія. Въ то же время, изъ внутренняго большого входа выходятъ чиновники Александровы, присоединяются къ своему государю, за нимъ слѣдуютъ и по его сторонамъ въ амфитеатрѣ помѣщаются. Геній между тѣмъ вызываетъ съ другой стороны труппу Славянъ и Славянокъ, которые начнутъ праздникъ плясками вокругъ Генія.*

=

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Послѣ пляски славянской, выступитъ съ той же стороны знаменитыхъ Славянъ собраніе, предводимое Русланомъ и Доброславою, и обшедъ вокругъ пирамиду, въ торжественномъ обрядѣ, каждый изъ нихъ вѣнокъ къ ней привѣситъ. Между тѣмъ, со стороны передней части залы, выйдутъ хоры Славянъ и на обѣихъ сторонахъ поютъ слѣдующее:

ХОРЪ.

Слава Всевышнему на небеси, слава!
Доброй Монархинѣ честь на землѣ, слава!
Царскому дому добро и хвала, слава!
Слава боярамъ за добры дѣла, слава!
Слава тому, кто живетъ на добро, слава!
Доброму слава и честь и добро, слава!

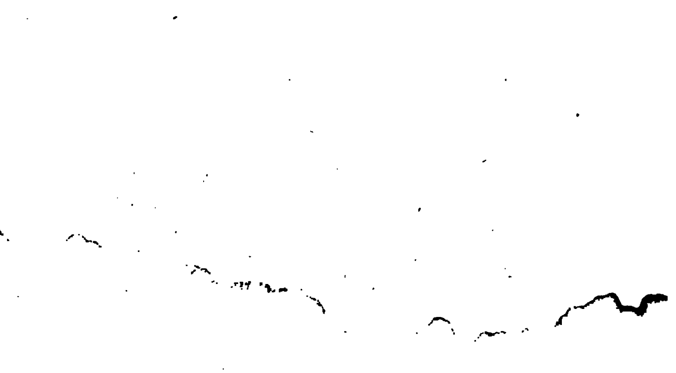
(Послѣдній стихъ повторяютъ).

Собраніе Славянъ, обшедъ пирамиду, садится по мѣстамъ, на возвышеніи во внутренней части залы.

═

ЯВЛЕНІЕ IX И ПОСЛѢДНЕЕ.

Когда собраніе знаменитыхъ Славянъ во внутренности театра помѣстится, какъ выше сказано. тогда слетаетъ съ облакъ Время, любуется пирамидою и низлагаетъ свою косу къ ея подножію. Наконецъ, выйдетъ труппа Геніевъ Времени, неся въ рукахъ гирлянды. Геніи, послѣ удивленія и нѣкоторыхъ танцовъ вокругъ пирамиды, гирляндами сцѣпляются, и въ видѣ постояннаго удовольствія останавливаются, вмѣстѣ со Временемъ, въ неподвижности.

РАДОСТЬ ДУШЕНЬКИ,

ЛИРИЧЕСКАЯ КОМЕДІЯ,

ПОСЛѢДУЕМАЯ БАЛЕТОМЪ

ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ.

ПРЕДСТАВЛЕНА ВЪ ПЕРВЫЙ РАЗЪ, ВЪ ПРИСУТСТВІИ ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, НА ПРИДВОРНОМЪ ТЕАТРѢ, ОКТЯБРЯ 12 ДНЯ 1786 ГОДА.

ДѢЙСТВУЮЩІЕ.

Амуръ.
Душенька.
Момъ.
Бахусъ.
Силенъ.
Мидасъ.
Зефиръ.
Хоръ Зефировъ.
Хоръ Нимфъ.

=

Дѣйствіе въ залѣ волшебныхъ чертоговъ Амуровыхъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

МОМЪ И БАХУСЪ.

Момъ. Уфъ!.. усталъ... съ ногъ сбился, кромѣ Амура, ни для кого бы того не сдѣлалъ. Нельзя отказать ему: до него всякому случается нуждица.

Бахусъ. Я здѣсь новопріѣзжій. Ничего не знаю; обо всемъ долженъ спрашивать. Что у васъ за хлопоты?

Момъ. Видишь домъ? знаешь, чей? Все у насъ было порядочно, пока не загрустилась въ домѣ Душенька. Ужъ третій день, какъ никто не видалъ улыбки на лицѣ ея. Амуръ отъ печали съ ума сходитъ; ни чѣмъ не можетъ развеселить Душеньку. Просто тебѣ сказать: она здѣсь вдругъ сдѣлалась какъ Несмѣяна царевна: ни чѣмъ забавляться не хочетъ.

Бахусъ. А чего хочетъ, сама не вѣдаетъ?

Момъ. И, братецъ, какую ты пустошь городишь! У ней чего-нибудь недостаетъ. Она хочетъ быть довольна: того и хочетъ.

Бахусъ (*пожимая плечами*). У нее недостатокъ! Безсмертные и смертные, со всего свѣта собраны забавлять ее.

Момъ Не забавляется она великолѣпными собраніями.

Бахусъ. Чтò жъ она говоритъ?

Момъ. Говоритъ, что ей скучно.

Бахусъ. Я бы сшилъ ей модное платьице: увидѣлъ бы ты, какъ бы она и смѣялась и радовалась.

Момъ. Представляли ей, братецъ, пріѣзжую изъ дальнихъ краевъ славную портниху, съ разными платьями.

Бахусъ. Неужели-то не улыбнулась Душенька?

Момъ. Нѣтъ.

Бахусъ. Чтò жъ она сказала?

Момъ. Сказала, что слишкомъ много труда для нее принимаютъ, и надѣла прежнее свое платьице.

Бахусъ. Дура, братецъ! ни въ чемъ толку не знаетъ.

Момъ. Ну, чтò ты сдѣлаешь? Таковъ вкусъ у Амура: выбралъ себѣ такую, что не все ей угодно бываетъ.

═

ЯВЛЕНІЕ II.

МОМЪ, БАХУСЪ И АМУРЪ.

Амуръ (*въ печальной задумчивости, никого не видя и говоря самъ съ собою*). Вотъ божество! вотъ владычество! Люди думаютъ, что я всѣхъ счастливѣе, а я всѣхъ несчастнѣе... Третій день не видалъ я улыбки на лицѣ ея... все употребляю къ ея удовольствію, а она стала еще грустнѣе.

АРІЯ.

АМУРЪ.

Пускай, кто хочетъ, ищетъ славы,
Въ заботахъ пышности пустой;
А я ищу моей забавы,
Плѣняясь Душенькой одной.

Ея прискорбностью смущаюсь,
Ея весельемъ наслаждаюсь,
Ея печаль мой духъ томитъ,
Усмѣшка счастье мнѣ даритъ.

Пускай, кто хочетъ, ищетъ славы
Въ заботахъ пышности пустой;
А я ищу моей забавы,
Плѣняясь Душенькой одной.

Амуръ (*увидя Мома и Бахуса*). Другъ мой Момъ, не ошибся ли я въ словѣ, когда просилъ, тебя развеселить Душеньку? Можетъ быть, я, забывшись, сказалъ, вмѣсто развеселить, опечалить.

Момъ. Нѣтъ. Ты такъ часто всѣмъ твердилъ стараться развеселить ее, что мы никакъ не могли разумѣть худа, хотя бы ты и промолвился. И намъ всѣмъ было бы веселѣе, когда бы вы съ нею были веселы.

Амуръ. Какъ вы ее забавляли?

Момъ. Да мы чего не дѣлали! Марсъ передъ нею скакалъ сорòкою

Амуръ. Это подлинно смѣшно, какъ Марсъ скакалъ сорòкою, и она не улыбнулась?

Момъ. Нѣтъ.

Амуръ. Чтò жъ она сказала?

Момъ. Сказала ему: вѣдь ты не сорòка и потомъ отвернулась.

Амуръ. А другіе боги?

Момъ. Чего не дѣлали! Нептунъ на трезубчатой своей острогѣ верхомъ ѣздилъ; Меркурій шемелою макъ толокъ, и многіе боги черезъ голову кувыркались.

Амуръ. Чтò она сказала?

Момъ. Поморщилась и перестать просила.

Амуръ. Она любитъ забавы умныя.

Момъ. Мы ее нарядами, балетами и концертами забавляли.

Амуръ. Чтò жъ она сказала?

Момъ. Сказала: смотрѣть грустно Мы, потомъ и новыя театральныя представленія выдумывали.

Амуръ. Чтò она сказала?

Момъ. Крѣпко зѣвать стала. Мы-было и разныя игры затѣяли.

Амуръ. Чтò она сказала?

Момъ. Просила освободить ее отъ игоръ нашихъ.

Амуръ. Старый Силенъ явился также показать свое усердіе. Авось-либо, говоритъ, увидя фигуру мою, улыбнется Душенька.

Бахусъ. О! о! онъ старый шутникъ и забавникъ. У него на пиру всѣ бывали веселы.

ЯВЛЕНІЕ III.

ТѢ ЖЕ и СИЛЕНЪ.

Силенъ. Амуръ, Амуръ! я и позабылъ у тебя спросить, какъ-бишь титулуютъ Душеньку? Вѣдь она не богиня: что она? принцесса ли, дюшесса ли, княгиня ли, графиня ли, сіятельство ли, или превосходительство ли, или, просто, ея благородіе? Какъ величать, не знаю.

Амуръ. Ни принцесса, ни дюшесса, ни княгиня, ни графиня; пожалуй, называй ее сколько можно простѣе.

Силенъ. Какъ же величать ее, не знаю право.

АРІЯ.

МОМЪ.

Ни принцесса.
Ни дюшесса.

СИЛЕНЪ.

Ни принцесса,
Ни дюшесса.

МОМЪ.

Ни княгиня,
Ни графиня.

СИЛЕНЪ.

Ни княгиня,
Ни графиня.

МОМЪ. БАХУСЪ.

(*Вмѣстѣ*).

То-то чудо! Что за чудо!
То-то чудо! Что за чудо!

СИЛЕНЪ, МОМЪ, БАХУСЪ, АМУРЪ.

(*Всѣ четверо*).

Ни принцесса!
Ни дюшесса!
Ни княгиня!
Ни графиня!
Что за чудо!
Что за чудо!
Что за чудо!
Что за чудо!

Все ей грустно,
Все не вкусно,
Все не нравно,
Не забавно.
Все ль здѣсь худо?
Что за чудо!
Что за чудо!
Что за чудо!

Амуръ. Подумайте и посовѣтуйтесь хорошенько, я васъ однихъ оставлю.

Силенъ. Прикажи-тка принести сюда столъ, да напитки. За столомъ всякое дѣло веселѣе начинается. Не худо, кабы и она, сударушка, какъ

ее назвать, не знаю, къ намъ пожаловала; хватила бы добрую чару, такъ вотъ бы и заплясала!

Амуръ. Братцы! до вина она не охотница. Нельзя ли придумать, какъ развеселить ее просто? Вы себѣ лучше одни, на свободѣ, празднуйте, и сами себѣ, чего хотите, спрашивайте. (*Уходитъ*).

—

ЯВЛЕНІЕ IV.

ТѢ ЖЕ (*кромѣ Амура*).

Силенъ (*кричитъ*). Столъ! напитковъ! (*тотчасъ является столъ съ напитками*). Вѣдь намъ не умереть съ печали для того, что Душенька запечалилась... сядемъ-ка, да попьемъ... За столомъ лучше посовѣтуемъ. (*Садятся*). Нальемъ-ка по бокалу, да старинную пѣсню затянемъ. (*Поютъ всѣ трое, между тѣмъ какъ наливаютъ*).

ПѢСНЯ.

Другъ за другомъ,
Всѣ мы кругомъ,
За досугомъ,
Станемъ лить,
Лить, да пить.

(*Выпиваютъ по бокалу, начинаютъ опять ту же пѣсню, и опять наливаютъ и поютъ*).

Бахусъ. Какъ бы, чѣмъ бы развеселить душеньку?

Силенъ. У насъ въ старину бывало не долго развеселить компанію. Бывало, мы такія штуки выдумывали, что отъ смѣху животики надсаживали! Ха, ха, ха, ха! (*Всѣ трое хохочутъ*).

Бахусъ. Бывало, ради смѣху, женили и замужъ выдавали! Ха, ха, ха, ха! (*Всѣ трое хохочутъ*).

Силенъ. Ужъ какъ же это было весело! Ха, ха, ха, ха! (*Всѣ трое хохочутъ*).

Момъ. Бывало, на свадьбахъ чего не дѣлали! Ха, ха, ха, ха! (*Всѣ трое хохочутъ*).

Силенъ. Бывало, дураковъ дурачили! Ха, ха, ха, ха! (*Всѣ трое хохочутъ*).

Бахусъ. Бывало, и умнымъ тутъ же доставалось. Ха, ха, ха, ха! (*Всѣ трое хохочутъ*).

Силенъ. Ужъ какъ же это было весело! Ха, ха, ха, ха! (*Всѣ трое хохочутъ*).

Момъ. Бывало, и малые ребята тутъ же хохотали. Ха, ха, ха, ха! (*Всѣ трое хохочутъ*).

Силенъ. Ужъ какъ же это было весело! Ха, ха, ха, ха! (*Всѣ трое хохочутъ*).

Бахусъ. Бывало, стариковъ нянюшки въ люлькахъ качали. Ха, ха, ха, ха! (*Всѣ трое хохочутъ*).

Силенъ. Ужъ какъ же это было весело! Ха, ха, ха, ха! (*Всѣ трое хохочутъ*).

Момъ. Бывало, и Мидасъ съ нами балагуривалъ. Ха, ха, ха, ха! (*Всѣ трое хохочутъ*).

ЯВЛЕНІЕ V.

ТѢ ЖЕ И МИДАСЪ *(послѣдній съ долгими ослиными ушами).*

Мидасъ *(подслушавъ послѣднія слова).* Ужъ какъ же это было весело! И ги, ги, ги, ги! го, го, го, го! *(Всѣ четверо хохочутъ долго).*

АРІЯ.

МИДАСЪ.

Ужъ какъ же было то смѣшно!
И ги, ги, ги! го, го, го, го!

МОМЪ, СИЛЕНЪ И БАХУСЪ.

Ужъ какъ смѣялись мы тогда;
Ха, ха, ха, ха, ха, ха, ха, ха, ха!

МИДАСЪ, МОМЪ, СИЛЕНЪ, БАХУСЪ.

(Всѣ вмѣстѣ).

Ужъ какъ же было то смѣшно!
И ги, ги, ги! го, го, го, го!

Ужъ какъ смѣялись мы тогда!
Ха, ха, ха, ха, ха, ха, ха, ха!

Силенъ. Мидасъ! садись, наливай бокалъ, да пей да пой. *(Между тѣмъ какъ Мидасъ пьетъ, другіе вновь зачинаютъ пѣть застольную пѣсню;*

Мидасъ пристаетъ тутъ же, и нескладнымъ голосомъ всѣхъ замѣшиваетъ. Момъ и Бахусъ трясутъ головами съ досадою, и всѣ вдругъ унимаются).

Мидасъ. У васъ очень весело: что у васъ праздникъ, что ли?

Бахусъ. Праздновали бы мы лучше, когда бы Душенька была веселѣе; да то худо, что она загрустилась.

Мидасъ. Вотъ тебѣ хлопоты, что Душенька загрустилась! а мнѣ что̀ до того нужды? Было бы мнѣ хорошо, да весело.

Момъ. Повѣрь мнѣ, Мидасъ, что никто одинъ собою счастливъ не бываетъ; благополучіе наше всегда другъ отъ друга мы заимствуемъ.

(Силенъ и Бахусъ, между разговорами Мома съ Мидасомъ, часто наливаютъ и пьютъ. Силенъ, по временамъ, затягиваетъ пѣсню пьянымъ голосомъ).

Мидасъ. Я не тѣшить ее сюда явился, а лучше было бы, для политическихъ резоновъ и благоприличностей между богами, когда бы...

Момъ (*перерывая*). Когда бы Мидасъ объ нихъ не разсуждалъ, было бы гораздо благоприличнѣе. Да кто тебя вмѣшалъ въ разборъ резоновъ и благоприличностей?

Мидасъ. Я самъ вмѣшался.

Момъ. Показать, что ты судишь о томъ криво.

Мидасъ. Я вѣдь не одинъ моего мнѣнія.

Момъ. То есть, множествомъ легковѣрныхъ головъ хочешь прикрыть стыдъ твоихъ бредней;

какъ-будто сто, иль тысяча бредней могутъ составить что нибудь разсудительное. Да что тебѣ Душенька сдѣлала?

Мидасъ. Разумѣю я, какъ она говорила съ наперсникою о глупыхъ и худыхъ обычаяхъ.

Момъ. То есть, ты думаешь, что она не могла говорить о глупыхъ обычаяхъ, кромѣ какъ о твоихъ. Вѣрь мнѣ, что ихъ на свѣтѣ много; а если бы и подлинно о твоихъ говорила, вѣрь, что всѣ другіе говорили объ нихъ больше.

Мидасъ. Пускай другіе говорятъ, да она не должна никому доносить о моихъ обычаяхъ.

Момъ. Пустое говоришь. Нынѣ боги и смертные всѣ такъ свободны и откровенны, что никому ничего доносить не остается. Каждый самъ ремесло свое выказываетъ. Душенька разсуждаетъ о обычаяхъ съ тѣми, кто объ нихъ разсуждать любитъ, и твоимъ только, а не другимъ, она охотно сообщаетъ свои разсужденія, никому вреда не дѣлая.

Мидасъ. Да она уже и тѣмъ безпокойна, что за нее вступаются.

Момъ. Она и сама за себя первая вступится. Каждый имѣетъ свою свободу. Ты берешь себѣ волю осуждать другихъ неправильно, а они пользуются волею то примѣтить.

Мидасъ. Да, да! дай-ка ей здѣсь всякую волю, увидишь...

Момъ. Почему тебѣ такъ страшна ея воля? И кто тебѣ такой вздоръ сказывалъ, что она всякую волю здѣсь брать хочетъ?

Мидасъ. Есть люди, которые то смѣкнули.

Момъ. Разумѣю, что есть люди, которые бреднями и ложными страхами легко наполняютъ себѣ и другимъ головы.

Мидасъ. Каково жъ намъ сносить, когда почитаютъ насъ бредней слагателями?

Момъ. Отъ васъ зависитъ не слагать бредней; тогда никто не будетъ почитать васъ бредней слагателями.

Мидасъ. Да это все она выводитъ: что ты говоришь, это она; и что ты думаешь, это все она.

Момъ. Что жъ бы ты думалъ съ нею сдѣлать надобно?

Мидасъ. Сурово поступать—жалко; а довольно не сообщаться съ нею, не приписывать ей ни передъ кѣмъ достоинства, не смотрѣть ни на какія ея желанія и нужды и потомъ ее ничѣмъ баловать не надобно.

Момъ. То есть, что ты, стыдясь показать надъ нею низкое жестокосердіе, великодушно опредѣляешь ее къ ничтожности, и оставляешь ей въ награду общее презрѣніе?

Мидасъ. А что она за высочайшая рѣдкость въ свѣтѣ?

Момъ. Не будучи высочайшею рѣдкостью, на ряду съ другими, каждый, имѣетъ какое нибудь принадлежащее ему право.

Мидасъ. Такъ толкуешь, какъ-будто ты съ Амуромъ вмѣстѣ влюбленъ въ нее безъ памяти.

Момъ. А ты такъ толкуешь, какъ-будто кто

нибудь на смѣхъ вложилъ тебѣ въ голову объ ней самыя странныя понятія. Да говаривалъ ли ты когда нибудь съ Душенькою?

Мидасъ. И не желалъ говорить съ нею.

Момъ. По крайней мѣрѣ, видалъ ли ты ее?

Мидасъ. Что̀ въ томъ нужды, что видалъ или не видалъ? Я ее знаю.

Момъ. Да почему жъ ты ее знаешь?

Мидасъ (*вынимая изъ кармана портретъ*). А вотъ портретъ ея мнѣ дали. (*Показывая портретъ съ ослиными ушами*). Посмотри самъ, хороша ли? И подписано: «портретъ Душенькинъ».

Момъ. Мидасъ, Мидасъ! по этому портрету ты самъ Душенька: это твой портретъ. (*Даетъ посмотрѣть Бахусу и Силену*). Посмотрите. Ха, ха, ха, ха!

Бахусъ. Это его портретъ, и уши точь-въ-точь. Ха, ха, ха, ха!

Силенъ. Кто нибудь тебя дурачилъ, и на смѣхъ дурацкой портретъ далъ тебѣ вмѣсто портрета Душенькина. Ха, ха, ха, ха!

Мидасъ. Ба! ба! ба! ба! то не Душенькинъ портретъ, надо мною подшутили.

Момъ, Бахусъ, Силенъ (*вмѣстѣ*).

Точно, точно подшутили. Ха, ха, ха, ха! (*Всѣ трое хохочутъ.*)

Арія.

Ба! ба! ба! ба! подшутили:
То не Душенькинъ портретъ.

МОМЪ, БАХУСЪ, СИЛЕНЪ (*вмѣстѣ*).

Точно, точно подшутили:
То не Душенькинъ портретъ.

МИДАСЪ.

И на смѣхъ меня вздутили,
У меня съ ней ссоры нѣтъ.

МОМЪ, БАХУСЪ, СИЛЕНЪ (*вмѣстѣ*).

И на смѣхъ тебя вздутили,
У тебя съ ней ссоры нѣтъ.

МИДАСЪ, МОМЪ, БАХУСЪ, СИЛЕНЪ.

(*Всѣ вмѣстѣ*).

Ба! ба! ба! ба! подшутили,
То не Душенькинъ портретъ:
Точно, точно подшутили:
То не Душенькинъ портретъ;

И на смѣхъ меня вздутили,
У меня съ ней ссоры нѣтъ.
И на смѣхъ тебя вздутили,
У тебя съ ней ссоры нѣтъ.

Момъ. Чтобъ ты вѣдалъ объ Душенькѣ, я тебѣ прочту надпись къ ея портрету. (*Вынимаетъ изъ кармана и читаетъ*).

«Во всѣхъ ты Душенька нарядахъ хороша:
«Пастушкою ль сидишь ты возлѣ шалаша,

«По образу ли какой царицы ты одѣта,
«Вездѣ ты, Душенька, вездѣ ты чудо свѣта.
«И только ты одна прекраснѣе портрета.»

Мидасъ. Я слыхалъ, что добродушіе такъ описываютъ, не ужто Душенька то же, что добродушіе?

Момъ. Не знаю; только знаю, что Амуръ любитъ Душеньку не меньше, какъ и добродушіе.

Мидасъ. А! а! ну, такъ выпьемъ по бакалу, да заправду подумаемъ. чѣмъ развеселить Душеньку.

Бахусъ. Всѣ мы поохмѣлѣли... лучше намъ... проспаться, и въ трезвомъ умѣ посовѣтовать.

Силенъ. А я такъ безъ вина не могу порядочно мыслить: мнѣ-то какъ же быть?

Момъ. Да и намъ какъ же быть? Мы пьяные не можемъ порядочно мыслить.

Мидасъ. А всего покойнѣе ни пьяньымъ, ни трезвымъ не мыслить.

Момъ. Какъ же согласить насъ можно? Иной любитъ мыслить пьяный, другой любитъ мыслить трезвый, а третій никогда не любитъ мыслить.

АРІЯ.

(Всѣ четверо). Что же дѣлать? какъ же быть?
Бахусъ. Напилися неосторожно,
Пьяными мыслить невозможно.
(Всѣ четверо) Что же дѣлать? какъ же быть?
Силенъ. Я люблю вино не ложно,
Трезвымъ быть мнѣ не возможно.
(Всѣ четверо). Что же дѣлать? какъ же быть?

Мидасъ. Выпьемъ, выпьемъ неотложно,
Все равно и все возможно.
(Всѣ четверо). Чтò же дѣлать? какъ же быть?
Момъ. Напились неосторожно.
Какъ же мыслить намъ возможно?
Кто насъ можетъ согласить?
(Всѣ четверо): Чтò же дѣлать? какъ же быть?
Чтò же дѣлать? какъ же быть?

Момъ А! вотъ Амуръ. Онъ лучше рѣшитъ споръ нашъ.

(Встаютъ, и столъ исчезаетъ).

═

ЯВЛЕНІЕ VI.

ТѢ ЖЕ и АМУРЪ.

Амуръ. Чтò такое нашлось въ совѣтѣ затруднительное? О чемъ вы спорите?

Силенъ. Я говорю... лучше... попить.

Бахусъ. А я совѣтую... проспаться.

Момъ. И я то же.

Мидасъ. А по мнѣ, такъ все равно.

Силенъ (*къ Амуру*). Да будетъ ли къ намъ Душенька?

Амуръ. Нѣтъ, не будетъ.

Мидасъ. Она вѣдь здѣсь?

Амуръ. Здѣсь.

Силенъ. Ну, такъ мы къ ней... пойдемъ въ гости... пора намъ къ ней идти.

Мидасъ. Пора, пора!

Амуръ. Постойте, постойте, братцы. Она проситъ васъ пожаловать къ ней въ другое время.

Силенъ. А теперь для чего не можно? Что жъ она сказала?

Амуръ. Сказала, что лучше вамъ отдохнуть отъ трудовъ вашихъ, вы устали.

Мидасъ. Такъ, такъ правда... правда такъ... у меня гортань устала.

Бахусъ. Лучше, братцы, отдохнуть.

Силенъ. Отдохнуть, да пососнуть... (*Къ Амуру*). Такъ ли Душенька сказала?

Амуръ. Точно такъ она сказала.

АРІЯ.

МИДАСЪ.

У меня гортань устала.

БАХУСЪ.

Лучше, братцы, отдохнуть.

СИЛЕНЪ.

Отдохнуть, да пососнуть.

БАХУСЪ.

Лучше, братцы, отдохнуть.

АМУРЪ, МОМЪ, БАХУСЪ, СИЛЕНЪ, МИДАСЪ.

(Вмѣстѣ).

Такъ, такъ, Душенька сказала,
Лучше, братцы, отдохнуть.
Такъ, такъ, лучше отдохнуть.
Такъ, такъ Душенька сказала.

(Всѣ уходятъ, кромѣ Амура).

═

ЯВЛЕНІЕ VII.

АМУРЪ *(одинъ).*

Они пожаловали ко мнѣ только попить, да пошумѣть... Правда, что отъ боговъ многаго требовать было бы несправедливо... Они прежде хотятъ сами утѣшаться, а потомъ утѣшать другихъ... Думаю, Душенька тѣмъ самымъ недовольна, что слишкомъ много людей для ея утѣшенія безпокоятся... Можетъ быть, какая нибудь безделка гораздо болѣе бы ее утѣшила... Нѣкогда она прельщалась розою, которую я самъ ей сорвалъ... послѣ я думалъ угодить ей лучше драгоцѣнными подарками. Зефиръ, принесши отъ меня къ ней бриллiантовую розу, по новой модѣ сдѣланную, не примѣтилъ на лицѣ ея ни малаго удовольствія... Она сказала ему, что лучше любитъ розу простую, безъ всѣхъ украшеній... Зефиръ!

(Зефиръ тотчасъ входитъ).

═

ЯВЛЕНІЕ VIII.

АМУРЪ И ЗЕФИРЪ.

Зефиръ. Архитекторы пришли съ планами дома для Душеньки.

Амуръ. Пускай ей покажутъ.

Зефиръ. Шталмейстеры явились доложить, что цуги и новомодныя кареты для нея готовы.

Амуръ. Пускай ей доложатъ.

Зефиръ. Кухмистеры пришли спрашивать, какой столъ для нея прикажете.

Амуръ. Пускай у нее спросятъ.

Зефиръ. Портнихи дожидаются свѣдать, какое платье ей выберете.

Амуръ. Пускай ей покажутъ... Прежде всего сорви здѣсь розу, отнеси отъ меня къ Душенькѣ, и скажи мнѣ послѣ, какъ она ее приметъ.

(Зефиръ уходитъ).

=

ЯВЛЕНІЕ IX.

АМУРЪ *(одинъ)*.

Блескъ и шумъ великолѣпія всегда соединенъ съ безпокойствомъ другихъ и съ безпокойствомъ

собственнымъ... Она часто говорила, что хочетъ быть счастлива безъ пышности... часто просила освободить ее отъ всего блистающаго...

АРІЯ.

АМУРЪ.

Она мнѣ часто то твердила,
И то вчера твердила вновь;
Ея устами говорила
Сама любовь, сама любовь.

Что пышность только взоръ прельщаетъ,
Но въ томъ утѣхи нѣтъ прямой;
Что счастье только тотъ вкушаетъ,
Кто счастливъ сладкой тишиной.

Она мнѣ часто то твердила,
И то вчера твердила вновь;
Ея устами говорила
Сама любовь, сама любовь.

ЯВЛЕНІЕ X.

АМУРЪ, БАХУСЪ и СИЛЕНЪ.

Амуръ. Я думалъ, что вы пошли успокоиться.

Бахусъ. Мы воротились... затѣмъ, что дорогою... опять заспорили.

Силенъ. Заспорили о томъ, отъ чего загрустилась... Душенька.

Амуръ. Можетъ быть, отъ того, что вы много пустого болтаете.

Бахусъ. Я говорю... я говорю... что она загрустилась отъ печали.

Силенъ. А я говорю... что она печальна отъ грусти.

Амуръ. На что̀ вамъ о томъ вѣдать?

Бахусъ. Не одни мы желаемъ о томъ вѣдать... во всемъ домѣ твоемъ сдѣлалось смятеніе. Боги... богини... Зефиры... Нимфы ни о чемъ другомъ не говорятъ, ни о чемъ другомъ не толкуютъ... отъ чего грустно Душенькѣ?

Амуръ (*съ досадою*). Отъ того, что вы всѣ другъ другу много пустого болтаете. (*Въ сторону*). Послушавъ ихъ, не трудно причину отгадывать.

Силенъ. Ну! такъ полно же, Бахусъ, болтать... отдохнуть лучше...

Бахусъ. Такъ, такъ Душенька сказала.

(*Силенъ и Бахусъ уходятъ*).

═

ЯВЛЕНІЕ XI.

АМУРЪ (*одинъ*).

Думаю, что, побывъ съ ними долго, я бы и самъ заразился страстію слабоязычія... къ счастію моему, они заблагоразсудили меня оставить... А! вотъ Зефиръ, съ отвѣтомъ Душеньки...

═

ЯВЛЕНІЕ XII.

АМУРЪ и ЗЕФИРЪ.

Амуръ (*къ Зефиру*). Какъ она приняла розу?
Зефиръ. Разсмѣялась.
Амуръ. Что жъ сказала?
Зефиръ. Она сама скажетъ.

—

ЯВЛЕНІЕ XIII и послѣднее.

ТѢ ЖЕ и ДУШЕНЬКА.

Душенька (*держа розу, поетъ слѣдующую арію. Между тѣмъ вдругъ открывается пространная и прилично украшенная галерея. Зефиры и Нимфы, по сторонамъ, составляютъ два хора*).

АРІЯ.

ДУШЕНЬКА (*къ Амуру*).

Минута радость помрачаетъ,
И рушитъ счастье иногда;
Часами роза увядаетъ,
Но въ сердцѣ будешь ты всегда.

(*Подавая розу Амуру*)

Приколи самъ.

ХОРЪ.

Не пурпуръ розу возвышаетъ,
Но той прекраснѣй въ свѣтѣ нѣтъ,
Котора сердце утѣшаетъ,
Которую любовь даетъ.

ДУШЕНЬКА (*къ Амуру*).

Твоей любовью все живится,
Она веселье всѣхъ творитъ.

АМУРЪ (*къ Душенькѣ*).

Тобою радость всѣхъ вершится,
Твой взоръ утѣхи всѣмъ даритъ.

ХОРЪ.

Не пурпуръ розу возвышаетъ,
Но той прекраснѣй въ свѣтѣ нѣтъ,
Котора сердце утѣшаетъ,
Которую любовь даетъ.

(Представленіе кончится приличнымъ балетомъ.)

СЕЛЬСКІЙ ПРАЗДНИКЪ,

ТЕАТРАЛЬНОЕ ПАСТУШЬЕ ПРЕДСТАВЛЕНІЕ,

ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ.

ДѢЙСТВУЮЩІЕ:

Альвіанъ, селянинъ, отецъ Вивеи, Раисы и Калисты.

Вивея, }
Раиса, } пастушки, дочери Альвіановы.
Калиста, }

Эрастъ, пастухъ, }
Филонида, пастушка, } дѣти сосѣда пріятеля.

Труппа пастуховъ и пастушекъ,

Хоръ пѣвцовъ и музыкантовъ.

Дѣйствіе въ садовомъ павильонѣ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Театръ представляетъ открытый въ саду, со многими входами, павильонъ. По сторонамъ павильона видъ рощей. На правой сторонѣ въ павильонѣ столъ съ письменными приборами. На лѣвой другой столъ, для женскихъ рукодѣлій; у каждаго стола по стулу.

ВИВЕЯ *(одна)*.

(За рукодѣльнымъ столикомъ сидя, сплетаетъ изъ цвѣтовъ шифръ Альвіановъ. Между тѣмъ, прислушиваясь при всякомъ малѣйшемъ шумѣ, по временамъ говоритъ):

Такъ хорошо будетъ... (*Держа нѣсколько времени передъ собою шифръ, имъ любуется*). Слышется, идетъ. . Ахъ нѣтъ! (*Со вздохомъ*). Это вѣтерокъ повѣялъ и шумятъ деревья .. пора однако быть ему... А! родитель, родитель!... Какъ пріятно имѣть людей милыхъ, и какъ тяжело не быть съ ними!.. Какой день отнимаетъ у насъ звѣрь проклятый!.. День батюшкина рожденія, — день, который готовились мы наполнить

безпрестанными увеселеніями! .. (*Прислушивается*). А! родитель!... Ему и съ медвѣдями сражаться надобно, чтобъ охранить стада наши и обезпечить наше благосостояніе!... Сердце бьется, какъ скоро представлю себѣ страхъ этого медвѣдя.... (*Плачетъ*). Кто знаетъ, будетъ ли ему удача?... Для чего бы такъ долго онъ не воротился?... А! родитель, родитель!... (*Прислушивается*). Идетъ кто-то со стороны улицы,... это, вѣрно, Филонида.... пора и ей придти ко мнѣ на помощь.... это, вѣрно, она.,.. двадцать разъ ее поцалую.... Филонида! (*Встаетъ и идетъ съ распростертыми руками встрѣтить Филониду, и вдругъ видитъ передъ собою вошедшаго ближними дверями Эраста, останавливается и отступаетъ назадъ въ стыдливомъ удивленіи*).

=

ЯВЛЕНІЕ II.

ВИВЕЯ и ЭРАСТЪ.

Вивея. Это ты, Эрастъ!... Я думала встрѣтить Филониду!...

Эрастъ. Я разслушалъ, при входѣ, что милая Вивея двадцать разъ Филониду цаловать готовилась. О! когда бы ошибка продолжалась, такъ, чтобъ я могъ долѣе казаться тебѣ моей сестрою, о! какъ былъ бы я тогда благополученъ!

Вивея. Знаю, знаю, Эрастъ. Ты подъѣзжаешь съ городскими ласковыми словами; а мы въ деревнѣ обходимся просто. Лучше было бы, когда бы ты пошелъ на медвѣдя съ батюшкою. Медвѣдь много сдѣлалъ намъ урону въ стадѣ. Кто знаетъ? Батюшка, можетъ быть, въ трудностяхъ и въ опасностяхъ. И тебѣ не стыдно думать тогда о поцалуяхъ? И тебѣ не стыдно не помогать моему батюшкѣ?

Эрастъ (*съ жаромъ*). А! Вивея, милая Вивея! еслибъ ты знала, какъ я далеко не заслужилъ твоихъ укоръ? Родителю твоему, когда онъ шелъ на звѣря, я вызывался идти съ нимъ вмѣстѣ. Радъ былъ случаю служить ему на пользу. Его воля была не взять меня съ собою, для чего, не знаю. Готовъ я и теперь искать его, чтобы тебя успокоить. А хотя и не найду его, знаю, что неподалеку здѣсь ходитъ свирѣпая волчица, которая также много вреда стадамъ подѣлала. Не буду щадить себя; и когда не возвращусь благополученъ, могу ли жаловаться на волчицу, которая, можетъ быть, ничего другого не дѣлаетъ, какъ только подражаетъ другихъ жестокосердію.

Вивея. Вотъ, вотъ опять замысловатыя слова сказочныхъ рыцарей. Я не волчица, и на смерть тебя не посылаю... (*Съ нѣжностью*). Можешь остаться, когда батюшка тебя у насъ оставитъ.

Эрастъ. А, Вивея, сколь былъ бы я счастливъ!

Вивея (*съ жаромъ*). Я не словъ требую. Довольно наслышалась, какъ мужчины не щадятъ

словъ, когда хотятъ ловить женщинъ, и, не будучи жестокосердою, вашей братьи не всегда вѣрю.

Эрастъ. А, Вивея! слова не виновны, когда изображаютъ сердечныя наши чувствія.

Вивея. Такъ вотъ лучше всякихъ словъ будетъ, когда ты пойдешь поскорѣй сказать сестрамъ моимъ, что я ихъ здѣсь ожидаю. Батюшку надобно ждать всякую минуту, а мы еще не собрались, какъ должно, его встрѣтить.

Эрастъ. Всегда доказывать тебѣ дѣломъ.... готовъ.... охотно принимаю условіе (*Уходитъ со скоростью*).

ЯВЛЕНІЕ III.

ВИВЕЯ (*одна*).

Этотъ пастухъ приводитъ меня въ затрудненіе рѣшить, что̀ я чувствую. Онъ не похожъ на обманщиковъ. Онъ заслуживаетъ.... что? По малой мѣрѣ, сожалѣніе, если судьба не наградитъ его лучше. Батюшки все нѣтъ доколѣ.... когда же батюшка не будетъ передъ вечеромъ, то заготовлю къ нему письмецо.... отправлю Эраста искать его.... Неизвѣстность меня мучитъ.... А! вотъ бумага и чернила; до прихода сестеръ написать успѣю.... (*Садится и пишетъ.*)

Не докончивъ письма, видитъ, что идутъ сестры, оставляетъ письмо на столѣ, встаетъ и идетъ къ сестрамъ своимъ, говоря въ сторону) Могу кончить послѣ.

═

ЯВЛЕНІЕ IV.

ВИВЕЯ, РАИСА, КАЛИСТА и ФИЛОНИДА.

Вивея, Раиса и Калиста. (*Всѣ три вмѣстѣ*) Батюшки долго нѣту.

Вивея. Не слыхали ль вы чего объ немъ, сестрицы?

Раиса и Калиста (*вмѣстѣ*). Не слыхала ль ты чего объ немъ, Вивея?

Вивея (*съ горестью*). По сію минуту я ничего объ немъ не знаю.

Раиса и Калиста (*вмѣстѣ*). Ахъ, и мы ничего не слыхали!

Вивея. Давно пора быть ему. Моя работа вся готова.

Раиса. И мы также свою подѣлали. Покажи, Вивея, что ты сработала!

Вивея (*показывая шифръ*). Я выплела изъ незабудочекъ шифръ его имени. Шифръ этотъ выставимъ на пьедесталъ посреди павильона.— А ваша, сестрицы, работа?...

Раиса (*показывая гирланды*). Я сработала гирланды, чѣмъ убрать пьедесталъ, на которомъ шифръ поставимъ.

Калиста (*показывая букетъ*). А я заготовила букетъ, который поставимъ въ вазѣ передъ шифромъ.

Вивея. Надобно, сестрицы, поспѣшить все приготовить.

Раиса и Калиста (*вмѣстѣ*). Все, все готово.

(*Раиса и Калиста вносятъ пьедесталъ и потомъ все поспѣшно убираютъ его, на срединѣ павильона, и выходятъ опять на сцену*).

Вивея. О, когда бы онъ скорѣе возвратился!

Раиса. Онъ собою лучше всего украсилъ бы нашъ праздникъ.

Калиста. Придетъ теперь, сестрицы, приготовить у себя батюшкѣ ужинъ; а здѣсь оставимъ на вѣстяхъ Филониду, увѣдомить насъ, когда батюшка близъ сада появится.

(*Вивея, Раиса и Калиста уходятъ*).

=

ЯВЛЕНІЕ V.

ФИЛОНИДА (*одна*).

Онѣ меня одну на скуку оставили. Быть одной ничего нѣтъ скучнѣе.... Братецъ мой, какъ вижу, вьется вокругъ Вивеи и объ сестрѣ своей не думаетъ.... Ему было бы приличнѣе теперь быть со мною.... А, да вотъ онъ.

ЯВЛЕНІЕ VI.

ФИЛОНИДА и ЭРАСТЪ.

Филонида. Братецъ! ты пришелъ кстати. Мнѣ много съ тобою говорить надобно. Не слыхалъ ли ты какихъ вѣстей объ Альвіанѣ?

Эрастъ. А вотъ, что объ немъ свѣдалъ: всѣ сосѣди, услышавъ, что Альвіанъ пошелъ на истребленіе лихого медвѣдя, тотчасъ за нимъ въ слѣдъ съ ружьями и съ копьями отправились и обѣщались не возвращаться, не угомоня звѣря. Видно, что медвѣдь не скоро дается въ руки. Никто еще въ село не возвратился.

Филонида. Вивея безъ ума плачетъ.

Эрастъ. Ахъ, сестрица! я, кажется, еще больше полюбилъ Вивею, если можно полюбить ее больше.

Филонида. Ты, какъ мнѣ кажется, слишкомъ ею занимаешься. Я не могу, Эрастъ, одобрить никакой твоей пустой привязанности.

Эрастъ. То есть, сестрица, ты мнѣ сказать хочешь, что сердце ея другимъ занято. (*Съ великимъ чувствіемъ*) Если то такъ, ты ничего больше горестнаго мнѣ сказать не можешь.

Филонида. Я тебѣ не говорю, что сердце ея другимъ занято. А если бы то и случилось....

Эрастъ. А, Филонида! я осудилъ бы самъ себя въ число людей ненавистныхъ, если бы не примышлялъ ей всѣхъ возможныхъ благополучій.

какихъ не могъ бы принесть ей собою.... таково великодушно мое объ ней разсужденіе, таково!... Однако, чувствую, что сердце мое измѣняетъ моему великодушію.... Тщетно много разъ искалъ я моего прежняго спокойствія въ удаленіи отъ глазъ ея.... въ нихъ, сестрица, нахожу я и спокойствіе, и жизнь мою.... А въ какихъ словахъ скажу ей?...

Филонида. Неужели я должна говорить ей о томъ, когда ты самъ не говоришь ни слова?

Эрастъ (*ставъ на колѣна у ногъ Филониды*). А, Филонида! ты, безъ сомнѣнія, свободно ей говорить можешь.... (*Съ жаромъ цалуя у Филониды руки*). Мнѣ она не дала никакого права изъявлять ей любовь мою.... Знаю, что она можетъ инымъ образомъ составить себѣ счастіе.... Она любитъ зависимость отъ отца своего.... я все это знаю и чувствую.... если бы ты вѣдала, сколько я мучусь.... (*Опять цалуетъ Филонидины руки. Тутъ появляется изъ дальняго входа Видея, видитъ Эраста у ногъ женщины, которую издали и съ тылу узнать не можетъ, пожимаетъ плечами, кладетъ перстъ на уста и, не бывъ ими примѣчена, тихо назадъ возвращается*).

Филонида. Встань, братецъ! (*Эрастъ встаетъ*). Кто знаетъ?... Видеѣ, можетъ быть, еще пріятнѣе будетъ, чтобъ ты упадалъ передъ ея ногами. Ты можешь самъ изъясниться съ нею, если не на словахъ, то вотъ бумага и чернила на столикѣ. (*Въ сторону*) Кто надъ нимъ не сжалится! (*Къ Эрасту*) Ты можешь описать ей твои чув-

ства. А я, съ моей стороны, пойду, сколько могу, стараться, чтобъ ты не попустому тратилъ любовь свою.

(Уходитъ).

=

ЯВЛЕНІЕ VII.

ЭРАСТЪ *(одинъ, съ движеніями горести, повторяетъ слова Филониды).*

Вотъ бумага и чернила: можешь описать ей твои чувства! Могу, конечно!... любовь моя къ Вивеѣ непостыдна!... (*Идетъ къ столу, садится, беретъ бумагу, находитъ написанныя строки, на столѣ оставленныя, узнаетъ руку Вивеи*). Ба! это рука Вивеина!... Я любопытенъ.... (*Хочетъ читать и останавливается*). Нѣтъ.... я не имѣю права, безъ ея позволенія, читать ея бумагу.... однако.... бумага не запечатана.... и положена, можетъ быть, нарочно для прочтенія.... она мнѣ этого не позволяла и не запрещала.... (*Беретъ письмо и читаетъ, не вѣдая, что оно къ Альвіану писано*).

«Когда бъ ты вѣдалъ, какую наноситъ горесть «долгое твое отсутствіе, конечно, поспѣшилъ бы, «все оставя, подать мнѣ отраду...»

(*Тутъ продолжаетъ читать дрожащимъ голосомъ и съ дрожащими руками*).

«Чье сердце можетъ столько трепетать и же-«лать твоего присутствія? Поспѣши, поспѣши «скорѣе!...»

(*Дѣлаетъ движенія отчаянности*).

А, Боже!.. Такъ, такъ!.. Другой нашелъ дорогу къ ея сердцу!.. Она другого любитъ со всею нѣжностью страстной любовницы!.. Такъ, такъ!.. Она давно давала мнѣ то видѣть своимъ холоднымъ со мною обращеніемъ!.. (*Опомнясь*). Почто, однако, теряю я разсудокъ?.. Не имѣетъ ли она права любить кого хочетъ?... (*Кладетъ бумагу на прежнее мѣсто. Страстно*) Я долженъ удалиться отъ глазъ ея; прилично ли мнѣ примѣшивать къ спокойствію и удовольствію Вивеи, къ празднеству всего дома, видъ отчаяннаго и страждущаго?... Удалюсь.... конечно, не буду никого здѣсь обезпокоивать моимъ унылымъ присутствіемъ. (*Увидя Вивею, хочетъ идти и останавливается*).

=

ЯВЛЕНІЕ VIII.

ЭРАСТЪ и ВИВЕЯ.

Вивея (*поспѣшно вошедъ, не говоря и не смотря на Эраста, беретъ со стола бумагу*).

Эрастъ (*въ сторону, унылымъ голосомъ*). Такъ!.. Вижу!.. Конечно, такъ!.. Вивея...

Вивея (*слыша голосъ и взглянувъ на Эраста съ нѣкоторою горделивостью*) Я не помѣха ни чьимъ здѣсь изъясненіямъ. (*Поспѣшно уходитъ.*)

=

ЯВЛЕНІЕ IX.

ЭРАСТЪ (*одинъ съ унылостью*).

Такъ! точно такъ!. Она мнѣ ясно даетъ знать, что я, конечно, мѣшаю здѣсь ея съ кѣмъ нибудь свиданію!... А, Вивея!... Ты укорять меня тѣмъ не будешь. (*Хочетъ идти*).

=

ЯВЛЕНІЕ X.

ЭРАСТЪ и ФИЛОНИДА.

Филонида (*находя Эраста въ скорбномъ видѣ и скоро отъ нее идущаго*). Братецъ, братецъ! что́ съ тобою сдѣлалось?... (*Хватаетъ его за руку*). Не пущу!.. Я хочу вѣдать....

Эрастъ (*скорбно*). А, Филонида!... Оставь меня!.. Я горестенъ до крайности! Я надолго и, можетъ быть, навсегда разстанусь съ вами!.. Жизнь мнѣ тягостна!.. Прости, сестрица!.. (*Вырывается изъ рукъ и уходитъ*).

=

ЯВЛЕНІЕ XI.

ФИЛОНИДА *(одна, повторяя слова Эрастовы).*

Жизнь мнѣ тягостна! прости, сестрица!.. Что это знатитъ?.. Что нибудь необычайное приключилось... Не постигло ли какое несчастіе Альвіана?... Видѣла я теперь Вивею, тоже въ слезахъ горестныхъ!... Есть какая нибудь скрытая причина ея тревоги,... Вивея не принимаетъ никакихъ утѣшительныхъ словъ отъ друзей своихъ!.. Называетъ всѣхъ мужчинъ хитрыми и жестокими обманщиками!... Не понимаю, кто бы могъ имѣть съ нею такое жестокосердіе; вѣрно, она подозрѣваетъ тайность худыхъ извѣстій объ Альвіанѣ, и легко быть можетъ, что всѣ отъ нея ихъ скрыть стараются... Слышу, идутъ и говорятъ... авось-либо Альвіанъ....

═

ЯВЛЕНІЕ XII.

ФИЛОНИДА, ВИВЕЯ, РАИСА и КАЛИСТА.

(Послѣднія три вбѣгаютъ, прибѣгавши, и говорятъ вмѣстѣ).

Батюшка, батюшка прибылъ! — Батюшка близко! батюшка идетъ!...

═

ЯВЛЕНІЕ XIII.

ВИВЕЯ, РАИСА, КАЛИСТА, ФИЛОНИДА, АЛЬВІАНЪ и ЭРАСТЪ.

Вивея, Раиса и Калиста (*встрѣчая отца всѣ вмѣстѣ*). А, родитель! какъ мы тебя ждали!.. Какъ ты насъ обрадовалъ!

Альвіанъ. Здорово, здорово, дѣти! (*цѣлуетъ одну за другою*). Здорово, Филонида! (*цѣлуя также Филониду*). Спасибо, что дѣтей не оставила. (*Вивея подставляетъ стулъ, Альвіанъ садится, и всѣ, становясь вокругъ его, прилежно и радостно на него смотрятъ. Альвіанъ продолжаетъ*) А я сегодня сдѣлалъ два добрыхъ дѣла: убилъ медвѣдя и поймалъ въ полѣ Эраста.

Вивея, Раиса, Калиста и Филонида.

(*Всѣ вмѣстѣ*).

Какъ Эраста?...

Альвіанъ. Эрастъ хотѣлъ-было насъ оставить и прощался со мною надолго. Говоритъ, что необходимыя дѣла заставляютъ его хлопотать въ городѣ. Насилу я его уговорилъ провесть сегодняшній вечеръ съ нами.

Вивея (*съ нѣкоторою усмѣшкою*). Я не знала городскихъ хлопотъ Эрастовыхъ, и его дума-

ла-было послать съ письмомъ къ тебѣ, родитель мой, если бы ты еще нѣсколько умедлилъ насъ обрадовать.

Эрастъ (*вслушавшись въ послѣднія слова, съ радостнымъ видомъ и съ торопливостью*). Вивея писала къ Альвіану! (*Въ сторону*). Ахъ, какъ я ошибся!...

Альвіанъ. Вотъ чему удивился! что Вивея ко мнѣ писала. Ха, ха, ха, ха! (*Къ Эрасту*) Она у меня читать и писать горазда. Скажи же ты намъ, какія у тебя хлопоты есть въ городѣ? Не могу ли и я тебѣ быть въ томъ пригоденъ, другъ мой!

Эрастъ (*съ радостнымъ лицемъ*). Я всегда имѣлъ надежду на помощь благодѣтельнаго Альвіана.

Филонида (*улыбаясь*). Братъ мой сегодня, валяясь у ногъ моихъ, просилъ и у меня помощи въ городскихъ хлопотахъ своихъ. Я, поистиннѣ, чѣмъ помочь, не знаю.

Вивея (*вслушавшись въ слова Филониды, въ сторону*). Передъ Филонидою! Ахъ, Боже! какъ я ошиблась!... (*Съ веселымъ лицемъ къ Филонидѣ*) Видно, хлопоты его не малы, когда у ногъ валялся... (*Къ Эрасту*) Мнѣ кажется, Эрастъ ничего не потеряетъ, когда съ нами останется.

Альвіанъ. Оставайся-ка, братъ, съ нами. (*Эрастъ цалуетъ у Вивеи руку*).

Вивея. Позволь, родитель мой, сосѣднимъ нашимъ подругамъ и пріятелямъ изъявить здѣсь, въ день твоего рожденія, ихъ радостное усердіе.

Альвіанъ. Буди по волѣ твоей.

=

ЯВЛЕНІЕ XIV И ПОСЛѢДНЕЕ.

АЛЬВІАНЪ *садится тогда къ сторонѣ зрителямъ:* ВИВЕЯ, РАИСА, КАЛИСТА, ФИЛОНИДА, ЭРАСТЪ *и еще нѣсколько пастуховъ и пастушекъ составляютъ хороводъ вокругъ шифра Альвіанова. Между тѣмъ хоръ пѣвцовъ поетъ слѣдующія слова съ музыкою:*

Подъ щедрою Судебъ рукой
Да длятся дни благополучны!
Да длятся счастье и покой,
Со Альвіаномъ неразлучны!

Гдѣ чада добраго отца
Въ немъ зрятъ себѣ отца и друга,
Окружныхъ радостей творца
Согласно хвалитъ вся округа, —

Подъ щедрою Судебъ рукой,
Да длятся дни благополучны!
Да длятся счастье и покой
Со Альвіаномъ неразлучны!

ТЕАТРАЛЬНОЕ
ПРЕДСТАВЛЕНІЕ,

НА ПОСЛОВИЦУ:

НЕ ВСЯКАГО ДѢЛО СУДИТЬ И РЯДИТЬ, А ВСЯКАГО ДѢЛО ДОБРУ ПОСОБИТЬ.

ДѢЙСТВУЮЩІЕ:

Заботинъ.
Добродумовъ, дядя Заботина.
Сидоръ, слуга Заботина.

Дѣйствіе въ домѣ Заботина.

ЯВЛЕНІЕ I.

ЗАБОТИНЪ и ДОБРОДУМОВЪ.

Заботинъ. Худо, худо! изъ рукъ вонъ, худо!.. Какъ жить? какъ быть? О, хо, хо, хохъ!

Добродумовъ. Да о чемъ ты, племянникъ, такъ крушишься и думаешь?

Заботинъ. Какъ не думать, какъ не думать, дядюшка! Жена родила: мнѣ Богъ даровалъ дочь... и поневолѣ подумаешь... О, хо, хо, хохъ!

Добродумовъ. Другъ мой! да вѣдь ты на то женился, чтобы у тебя дѣти были. Когда жена родитъ, то всякой радуется, а не печалится.

Заботинъ. Да не то, дядюшка!

Добродумовъ. Да что жъ такое? жена ли опасно больна, или дитя нездорово?

Заботинъ. Нѣтъ, дядюшка, слава Богу, жена не въ опасности и дитя здорово, какъ водится. Я не о томъ сокрушаюсь!

Добродумовъ. Да о чемъ же?

Заботинъ. Вѣдь дитя вскормить надобно. О, хо, хо, хохъ!

Добродумовъ. Я знаю, что вскормить надобно; да развѣ ты обнищалъ такъ, что дѣтей воспитать не въ состояніи?

Заботинъ. Не то, дядюшка; ну, да какъ дитя-то выростетъ?

Добродумовъ. И вѣдомо выростетъ.

Заботинъ. Ну, да какъ дитя выростетъ, да пути въ немъ не будетъ?

Добродумовъ. Развѣ ты имѣешь совершенное предчувствіе, что въ дочери твоей пути не будетъ?

Заботинъ. Да не то, дядюшка; хотя въ дочери моей и путь будетъ; ну, да какъ ей въ нынѣшнемъ свѣтѣ не испортиться?

Добродумовъ. Можетъ быть, и не испортится; а хотя испортится, то послѣ поправится.

Заботинъ. Да не то, дядюшка; вѣдь ее и замужъ выдать надобно. О, хо, хо, хохъ!

Добродумовъ. Ты увидишь, что когда ты ее выдашь замужъ, то она не будетъ жаловаться.

Заботинъ. Да не то, дядюшка; вѣдь каковъ мужъ будетъ.

Добродумовъ. Да вѣдь ты за худого ее не выдашь!

Заботинъ. Хорошъ или худъ, какъ узнаешь? Вѣдь въ него не влѣзешь.

Добродумовъ. О всякомъ человѣкѣ у добрыхъ людей разспросить можно.

Заботинъ. Да вѣдь и про хорошаго худо говорятъ, и про худого иногда хорошо сказываютъ.

Добродумовъ. Ну, такъ старайся узнавать людей самъ, когда на слова другихъ не полагаешься.

Заботинъ. До того ли мнѣ въ моихъ заботахъ? Вы знаете, сколько хлопотъ у меня на шеѣ. О, хо, хо, хохъ!

Добродумовъ. Иныя хлопоты и оставить можно. Знаешь пословицу: Буде колесы исправно вертятся, телѣга сама де-скать ѣдетъ.

Заботинъ. Хорошо оставить иныя хлопоты, когда кто-нибудь другой объ насъ заботится. А какъ всякъ думаетъ о себѣ прежде?

Добродумовъ. И вѣдомо, братецъ, всякъ думаетъ о себѣ прежде. А кто о себѣ не думаетъ, тотъ ни себѣ, ни другимъ годенъ не бываетъ.

Заботинъ. Да не то дядюшка; все интересъ проклятый! О, хо, хо, хохъ!

Добродумовъ. Интересъ, можетъ быть, и не проклятый. Всѣ наши дѣла основаны на взаимности; повсюду Природа гласный, или безгласный договоръ сдѣлала, чтобъ люди одинъ другому были полезны.

Заботинъ. Да не то, дядюшка; всѣ испортились: всѣ хотятъ взаимности.

Добродумовъ. Развѣ ты желаешь лучше, чтобъ одни безчестно чужими трудами жили, а другіе бы глупо на тунеядцевъ работали? Въ такомъ расположеніи нѣтъ ни правосудія, ни удобности.

Заботинъ. Да не то, дядюшка; всѣ хотятъ равняться.

Добродумовъ. Точно такъ, другъ мой, Природа насъ сдѣлала. Мы оставляемъ спокойно людямъ разность въ платьяхъ и во всякихъ наружностяхъ; а всѣ хотимъ одинаково быть спокойны и благополучны въ своихъ убѣжищахъ.

Заботинъ. Да не то, дядюшка; всѣ нынѣ умничаютъ и не въ свое дѣло вступаются.

Добродумовъ. Не то ли, напримѣръ, когда кто все охуждаетъ, а самъ ничего не дѣлаетъ?

Заботинъ. Ну, хорошо ли, когда кто самъ ничего не дѣлаетъ, а все охуждаетъ! О, хо, хо, хохъ!

=

ЯВЛЕНІЕ II.

ТѢ ЖЕ и СИДОРЪ.

Сидоръ (*къ Заботину*). Барыня приказала, сударь, сказать вамъ, что дитя изъ колыбели упало.

Заботинъ. Вотъ, дядюшка, вы говорите, что дѣти родятся на радость! Каково отцу, какъ дочь изъ колыбели упала? О, хо, хо, хохъ! (*Добродумовъ, не говоря, н отчасъ выходитъ со слугою, а Заботинъ одинъ продолжаетъ:*). Вотъ теперь, вѣрно, или руку, или ногу вывихнула, и будетъ калѣкою... А я всегда твердилъ дѣтей беречь, чтобъ они изъ колыбели не падали... Куда годится теперь дитя безрукое или без-

ногое?... А я всегда твердилъ, чтобъ няня за дитятею крѣпко смотрѣла... Вотъ есть чему радоваться, какъ дѣти изъ колыбели падаютъ! О, хо, хо, хохъ!

=

ЯВЛЕНІЕ III.

ЗАБОТИНЪ и ДОБРОДУМОВЪ.

Добродумовъ. Не печалься, братецъ; дочь твоя не ушиблась. Только, правда, что колыбель худо привѣшена.

Заботинъ. Вотъ!... А я всегда твердилъ, чтобъ колыбель хорошенько привѣшивали.

Добродумовъ. Я приказалъ ужъ колыбель не вѣшать, а поставить на мѣсто: висячія колыбели всегда опасны.

Заботинъ. Вѣрно, и жена испугалась и перетревожилась. Вотъ какая радость! О, хо, хо, хохъ!

Добродумовъ. Ей ужъ сдѣлана помощь: она жалѣетъ только, что тебя не видитъ.

Заботинъ. До того ли мнѣ въ моихъ заботахъ? Вы видите, что мнѣ есть о чемъ думать! О. хо. хо, хохъ!

Добродумовъ. Правду тебѣ сказать, если ты придешь къ ней только охать, то заботы твои не принесутъ ей радости.

Заботинъ. Таково-то, дядюшка! какая радость печальному?

Добродумовъ. Да ты, братецъ, перестань попустому ахать, да жаловаться. Мы въ жизни всегда окружены приключеніями; однако, по временамъ, имѣемъ также радости. Приключенія приходятъ къ намъ сами, а радости доставляемъ себѣ мы почти всегда трудами и попеченіями.

Заботинъ. Легко то сказать, трудами и попеченіями. Да каково-то мнѣ. О, хо, хо, хохъ!

Добродумовъ. Станемъ оба нѣсколько времени пещись о дѣлахъ, по твоему обычаю, и посмотримъ, сколько свѣтъ отъ того лучше будетъ.

Заботинъ. О, хо, хо, хохъ!

Добродумовъ (*передразнивая Заботина*). О, хо, хо, хохъ!

ЯВЛЕНІЕ IV.

ТѢ ЖЕ и СИДОРЪ.

Сидоръ (*къ Заботину*). Несчастіе, сударь, сдѣлалось: въ загородномъ вашемъ домѣ кладовая ваша выгорѣла.

Заботинъ. Вотъ радость! О, хо, хо, хохъ!

Добродумовъ (*также*). О, хо, хо, хохъ!

Заботинъ (*къ Сидору*). Да отъ него она выгорѣла? сказывай.

Сидоръ. Отъ огня, сударь.

Заботинъ Вотъ радость! О, хо, хо, хохъ!

Добродумовъ (*также*). О, хо, хо, хохъ!

Заботинъ. Я всегда твердилъ противъ огня брать предосторожности; для чего же не тушили?

Сидоръ. Вы въ инструкціи вашей людямъ своимъ строго написали, ни въ какомъ случаѣ до вашей кладовой не дотрогиваться. Они не смѣли преступить вашего приказанія.

Заботинъ. А они и оставили горѣть добро господское?

Сидоръ. Оставили, по собственной волѣ вашей.

Заботинъ (*въ негодованіи*). Лучше бы они добро мое растащить допустили, то, по малой мѣрѣ, оно бы кому-нибудь досталось, а теперь все чортъ взялъ! О, хо, хо, хохъ!

Добродумовъ (*также*). О, хо, хо, хохъ!

Сидоръ. Добро ваше однако не погорѣло: люди дядюшки вашего, по сосѣдству, прибѣжали и успѣли сундуки вытаскать.

Заботинъ. Ну, спасибо имъ! Вотъ какъ добрые люди дѣлаютъ, не какъ мои людишки. О, хо, хо, хохъ!

Добродумовъ. О, хо, хо, хохъ!

Сидоръ. Не гнѣвайтесь; люди вашего дядюшки имѣли отъ него другое приказаніе, а именно: въ случаѣ нужды, не оставить домъ вашъ всякою помощію; потому они въ кладовую вашу и войти осмѣлились.

Добродумовъ (*къ Заботину*). Что же не охаешь?

Заботинъ. Вижу, что оханьемъ дѣла не исправишь, и что на всякое худое есть лекарство.

Добродумовъ. Справедливо было бы охать, если бы все добро на свѣтѣ заключено было въ кладовой твоей. Не охай, поѣзжай лучше распорядить дѣйствительнымъ образомъ дѣла твои.

Заботинъ. Только, дядюшка, много худого встрѣчается, къ неудовольствію.

Добродумовъ. Я это знаю; да надобно стараться дѣлать, сколько можно, изъ худого доброе.

Заботинъ. Отъ заботъ умъ теряется.

Добродумовъ. Отъ заботъ умъ раждается, когда кто пріобыкнетъ къ дѣйствію, а не къ бездѣйствію.

Заботинъ. Только, дядюшка, иные пріобыкаютъ къ худымъ дѣйствіямъ.

Добродумовъ. Другъ мой, не забывай пословицу: «Не всякаго дѣло судить и рядить, а всякаго дѣло добру пособить».

ТЕАТРАЛЬНОЕ

ПРЕДСТАВЛЕНІЕ,

НА ПОСЛОВИЦУ:

СЕРДЦЕМЪ ДѢЛУ НЕ ПОМОЖЕШЬ.

ДѢЙСТВУЮЩІЕ.

Сисой Исаичъ Крутонравовъ.
Василиса, ключница Крутонравова.
Анфиногенъ Игнатьичъ Разсуждаевъ, пріятель Крутонравова.

Дѣйствіе въ домѣ Крутонравова.

ЯВЛЕНІЕ I.

Театръ представляетъ комнату, въ которой Крутонравовъ пишетъ.

КРУТОНРАВОВЪ (*пишетъ съ разными движеніями неудовольствія и, почувствовавъ на лицѣ муху, сердится.*)

Ни на часъ нѣтъ покоя!... То дѣла, то люди, то мухи не даютъ отдыха!. (*Сгоняя съ лица муху, бьетъ себя по лицу*). Я избилъ себѣ лице! Какъ можно дѣло дѣлать?... Способа нѣтъ жить въ покоѣ!

═

ЯВЛЕНІЕ II.

КРУТОНРАВОВЪ и ВАСИЛИСА.

ВАСИЛИСА (*подошедъ тихо и выждавъ, пока Крутонравовъ оглянется, подаетъ письмо*). Письмо съ почты принесли, сударь!

Крутонравовъ (*въ гнѣвѣ*). Вотъ!... тутъ и письма приходятъ!.. (*Пожимая плечами*). Да оставь меня въ покоѣ!

Василиса. Я вошла, сударь, только письмо подать.

Крутонравовъ. Да отъ кого, отъ кого письмо?

Василиса. Не знаю, сударь; письмо принесъ человѣкъ съ почты и проситъ десять копѣекъ.

Крутонравовъ (*пожимая плечами*). Вотъ, плати пожалуй по десяти копѣекъ за всякой вздоръ съ почты... Вѣрно, какой-нибудь вздоръ безъ дѣла... (*Продолжаетъ писать, потомъ, взглянувъ на Василису*). Да ты что тутъ какъ столбъ уставилась?

Василиса. Вы, сударь, письма еще не взяли.

Крутонравовъ. Всё-таки письмо съ почты!... Да что за человѣкъ принесъ его?

Василиса. Почтальонъ, сударь.

Крутонравовъ. Да ты зачѣмъ принимала?

Василиса. Затѣмъ, сударь, что на ваше имя надписано.

Крутонравовъ (*пожимая плечами*). Ни на часъ нѣтъ покоя!... Можетъ быть, письмо не ко мнѣ.... къ другому. Подай сюда, я самъ прочту надпись. (*Беретъ письмо и читаетъ:*) «Его бла-«городію, милостивому государю моему, Сисою «Исаичу Крутонравову, въ его домѣ.» (*Остановясь и пожимая плечами*). Вѣрно, какое-нибудь пустое поздравленіе, а дѣла нѣтъ ни на полушку. (*Къ Василисѣ*). Это, вѣрно, отъ купца Куничкина?

Василиса. Не знаю, сударь.

Крутонравовъ. Верно онъ денегъ проситъ?

Василиса. Не знаю, сударь.

Крутонравовъ (*въ гневе*). Да пожалуй спроси, отъ кого именно.

Василиса. Я спрашивала, сударь, у почтальона, отъ кого, не знаетъ.

Крутонравовъ (*пожимая плечами*). Любопытенъ я ведать, отъ кого бы то было!.. (*Продолжаетъ писать, не взявъ письма, потомъ, оглянувшись, къ Василисе*). Ну, что ты привязалась?

Василиса. Вы, сударь, письма еще не взяли.

Крутонравовъ. Ни на минуту нетъ покоя!... Хотелъ бы я однако ведать, отъ кого это... (*Къ Василисе*). Да оставь письмо на столе и отойди отсюда.

Василиса. Подателю, сударь, десять копеекъ заплатить надобно.

Крутонравовъ (*пожимая плечами*). Вотъ какая важность!... Письмо назадъ отдать можно... Отдай назадъ; слышишь ли?

Василиса. Можетъ быть, писано къ вамъ что-нибудь нужное; не разсудите ли за благо, прочесть прежде.

Крутонравовъ (*беретъ письмо*). Любопытенъ я ведать, что въ немъ написано... Верно, вздоръ... (*Раскрывъ пакетъ, читаетъ внизу письма имя, отъ кого писано:*) «Всепокорнейшій слуга Анисимъ Докучаевъ. Отъ 1-го Апреля..» (*Остановясь*). Ну, верно, вздоръ!... Чему быть дельному

отъ Докучаева? (*Бросаетъ письмо на столъ и принимается писать попрежнему*).

Василиса. Подателю, сударь, десять копѣекъ заплатить надобно.

Крутонравовъ. Долго ль меня мучить? Отдай, отдай ему письмо назадъ; слышишь ли?

Василиса. Вѣдь онъ, вѣрно, станетъ говорить, сударь, что письмо къ вамъ надписано; что вы же его и распечатали, и хоть письмо назадъ возьметъ, а десять копѣекъ также будетъ требовать.

Крутонравовъ (*пожимая плечами*). Не даютъ ничего дѣлать!.. Посмотрю, посмотрю... что-то Докучаевъ ко мнѣ пишетъ... (*Беретъ и читаетъ неудовольственнымъ голосомъ*:) «Милостивый го-«сударь мой, Сисой Исаичъ! Не могу преминуть «васъ увѣдомить...» (*Остановясь съ сердцемъ*). Ну, о чемъ, ну, о чемъ Докучаевъ можетъ меня увѣдомить?.. Ну, что онъ мнѣ сказать можетъ?.. Вѣрно, вздоръ!.. (*Бросаетъ письмо на столъ и начинаетъ писать попрежнему*).

Василиса. Почтальона, сударь, отпустить надобно.

Крутонравовъ (*съ сердцемъ*). Не мучь меня... пожалуй себѣ отпусти его.

Василиса. Да денегъ, сударь, десять копѣекъ дать надобно.

Крутонравовъ. Да за что̀ дать? за что̀ дать?.. Я не читалъ письма Докучаева.

Василиса. Такъ не изволите ли, сударь, прочесть, да отпустить подателя?

Крутонравовъ (*пожимая плечами*). Безпрестанно терзаютъ досадами!.. Посмотрю, о чемъ Докучаевъ можетъ меня увѣдомить! (*Беретъ письмо и опять читаетъ:*) «Милостивый государь мой, Сисой Исаичъ! Не могу преминуть «васъ увѣдомить, что я, по благости Создателя, «нахожусь еще въ живыхъ...» (*Остановясь*). Вотъ! я зналъ прежде, что какой-нибудь вздоръ тутъ написанъ. Находится въ живыхъ!.. Ну, что мнѣ до того нужды, живъ ли онъ или умеръ?.. Хотя бы о томъ онъ не сказывалъ, я знаю, что мертвые не пишутъ... (*Бросаетъ письмо и вновь писать принимается*).

Василиса. Почтальонъ, сударь, дожидается.

Крутонравовъ (*въ нетерпѣливости*). Ну, чего, ну, чего онъ дожидается?.. Скажи ему, чтобъ не дожидался

Василиса. Дожидается конца, сударь, какъ вы письмо прочесть изволите.

Крутонравовъ. Знаю, что дожидается десяти копѣекъ; да за что̀ дать? Я не прочелъ письма Докучаева.

Василиса. Такъ до конца прочесть, сударь, не изволите ли?

Крутонравовъ. Да что̀ читать?.. Что̀ читать?.. Я напередъ знаю, что тамъ вздоръ написанъ... Посмотрю, посмотрю далѣе... (*Беретъ письмо и вновь читаетъ:*) «Милостивый государь мой, Сисой Исаичъ! Не могу преминуть васъ увѣдомить, «что я, по благости Создателя, нахожусь еще въ «живыхъ. Съ ѣздокомъ Куропаткинымъ послалъ

я вамъ, милостивый государь мой...» (*Останавливается и кладетъ письмо. Въ сторону*). А, а! знаю, прислалъ, вѣрно, ко мнѣ, возовъ десять хлѣба... это не худо, не худо... (*Къ Василисѣ*). Отдай, отдай десять копѣекъ почтальону и отпусти его. (*Шаритъ у себя въ карманѣ*). Я ему за это благодаренъ.

Василиса. Вы, сударь, еще дочитать не изволили; можетъ быть, и другое что̀ посылаетъ.

Крутонравовъ. Ну, что, ну, что другое онъ послать можетъ?.. Посмотрю, посмотрю.... (*Беретъ письмо и вновь читать начинаетъ*:) «Милостивый государь мой, Сисой Исаичъ! Не могу преминуть васъ увѣдомить, что я, по благости Создателя, нахожусь еще въ живыхъ. Съ ѣздокомъ Куропаткинымъ послалъ я къ вамъ, милостивый государь мой, всепокорнѣйшее о неоставленіи меня прошеніе....» (*Останавливается и бросаетъ письмо*). Вотъ что!.. вотъ тебѣ дѣло!.. о̀ неоставленіи его прошеніе!... (*Пожимая плечами*) Какъ будто нужное что писано!

Василиса. Можетъ быть, онъ проситъ васъ, сударь, о какой-нибудь крайней надобности.

Крутонравовъ. Какой, какой быть надобности?.. Да ты что̀ за него стараешься?

Василиса. Я докладываю только для того, чтобъ вы письмо дочитать изволили.

Крутонравовъ. Да что̀, да что̀ читать?.. Посмотрю, посмотрю, чего онъ проситъ. (*Беретъ письмо и вновь читать начинаетъ*). «Милостивый «государь мой, Сисой Исаичъ! Не могу преми-

«нуть васъ увѣдомить, что я, по благости Созда«теля, нахожусь еще въ живыхъ. Съ ѣздокомъ «Куропаткинымъ послалъ я къ вамъ, милости«вый государь мой, мое всепокорнѣйшее о не«оставленіи меня прошеніе. Находясь въ бѣдно«сти, не имѣю свободнаго куска хлѣба...» (*Останавливается и кладетъ письмо*). Вотъ какое дѣло!.. я думалъ, что онъ хлѣбъ ко мнѣ посылаетъ, а онъ самъ у меня хлѣба проситъ!.. (*Пожимая плечами*). Не даютъ дѣла дѣлать такіе вздоры. (*Опять писать принимается*).

Василиса. Теперь ужъ вы, сударь, до конца дочитали, и можно отпустить подателя.

Крутонравовъ (*пожимая плечами*). Такъ!.. у нихъ только и на умѣ письмо, да податель, да десять копѣекъ!... (*Къ Василисѣ*). За что̀, за что̀ дать?... я еще не все дочиталъ.

Василиса. Чаятельно, сударь, ужъ немного дочесть осталось.

Крутонравовъ. Ни много, ни мало, да вотъ сколько времени вздорами меня промучили!. Посмотрю, посмотрю однако, что̀ онъ тамъ еще навралъ. (*Беретъ письмо и вновь читаетъ*:) «Ми«лостивый государь мой, Сисой Исаичъ! Не мо«гу преминуть васъ увѣдомить, что я, по благо«сти Создателя, нахожусь еще въ живыхъ. Съ «ѣздокомъ Куропаткинымъ послалъ я къ вамъ, «милостивый государь мой, всепокорнѣйшее о «неоставленіи меня прошеніе. Находясь въ бѣд«ности, не имѣю свободнаго куска хлѣба. Жела«ніе всегда служить вамъ...» (*Останавливается и*

кладетъ письмо). Какая, какая мнѣ нужда въ его желаніи?.. Ну, чѣмъ онъ мнѣ служить можетъ?.. много такихъ просителей... мнѣ и безъ нихъ есть о чемъ думать.. (*Опять писать принимается*).

Василиса. Десять копѣекъ однако, сударь, заплатить надобно.

Крутонравовъ. За что̀, за что̀ десять копѣекъ?.. Десять копѣекъ за глупое желаніе Докучаева!.. Я ни полушки за то дать не намѣренъ.

Василиса. Вы, кажется, еще не все прочесть изволили. Можетъ быть, желаніе его вамъ будетъ и не тягостно.

Крутонравовъ. Да чѣмъ, да чѣмъ онъ служить можетъ?.. Посмотрю, посмотрю, что̀ онъ наконецъ пишетъ. (*Беретъ письмо и снова читать начинаетъ:*) «Милостивый государь мой, «Сисой Исаичъ! Не могу преминуть васъ увѣдо«мить, что я, по благости Создателя, нахожусь «еще въ живыхъ. Съ ѣздокомъ Куропаткинымъ «послалъ я къ вамъ, милостивый государь мой, «всепокорнѣйшее о неоставленіи меня прошеніе. «Находясь въ бѣдности, не имѣю свободнаго ку«ска хлѣба. Желаніе всегда служить вамъ, обна«деживаетъ меня, что вы не отринете услугъ «моихъ въ деревнѣ вашей, дабы я могъ изъявить «вамъ мою благодарность; ибо есмь съ нелице«мѣрнымъ почтеніемъ вашъ....» (*Останавливаясь и держа въ рукѣ письмо*). «Вашъ!..» да!.. знаю я вашу братію, чужихъ деревень распорядителей!..

ЯВЛЕНIЕ III.

ТѢ ЖЕ и РАЗСУЖДАЕВЪ.

Разсуждаевъ. Здравствуй, Сисой Исаичъ.

Крутонравовъ. Ба! Анфиногенъ Игнатьичъ! Здравствуй. Ты мнѣ не помѣха: ты, вѣрно, будешь моего мнѣнія.

Разсуждаевъ. Не знаю, буду ль я твоего мнѣнія. Что ты такъ насмуренъ?

Крутонравовъ. Какъ, братецъ, не быть насмурну?.. Не даютъ ни на минуту покою. Лишь только примусь за дѣло, то и лѣзутъ ко мнѣ со всякими вздорами. Разсуди, вотъ принесли письмо отъ Докучаева.

Разсуждаевъ. Это, кажется, помѣха не велика, принесли письмо отъ Докучаева.

Крутонравовъ. Послушай пожалуй, что пишетъ: я тебѣ прочту письмо его. (*Читаетъ, взглядывая часто на Разсуждаева*). «Милостивый государь мой, Сисой Исаичъ! Не могу преминуть васъ увѣдомить, что я, по благости Создателя, нахожусь еще въ живыхъ. Съ ѣздокомъ «Куропаткинымъ послалъ я къ вамъ, милостивый «государь мой, всепокорнѣйшее о неоставленiи «меня прошенiе. Находясь въ бѣдности, не имѣю «свободнаго куска хлѣба. Желанiе всегда служить вамъ обнадеживаетъ меня, что вы не отринете услугъ моихъ въ деревнѣ вашей, дабы «я могъ изъявить вамъ мою благодарность; ибо

«есмь съ нелицемѣрнымъ почтеніемъ». (*Остановясь и смотря пристально на Разсуждаева.*) Изъявить свою благодарность! съ нелицемѣрнымъ почтеніемъ!... Разсуди, пожалуй, какъ ты о такомъ почтеніи думаешь?

Разсуждаевъ. Другъ мой, я тутъ досады тебѣ не вижу.

Крутонравовъ. Да мнѣ то досадно, что меня письмомъ столько времени мучили.

Разсуждаевъ. На что же, другъ мой, бездѣлицами столько мучиться? Несчастный человѣкъ проситъ у тебя помощи, чтобъ не быть неблагодарнымъ тунеядцемъ, предлагаетъ тебѣ свои услуги. Дѣло, кажется, не подвержено сомнѣнію, и задуматься не о чемъ, коль скоро ты знаешь его способности.

Крутонравовъ. Да я бы слова не сказалъ, когда бы мнѣ не мѣшали дѣлать. (*Вынимаетъ десять копѣекъ и отдаетъ Василисѣ*). Поди, поди отдай десять копѣекъ, да оставь меня въ покоѣ.

Разсуждаевъ. Что же ты рѣшился сдѣлать Докучаеву.

Крутонравовъ. Думаю... думаю дать ему въ деревнѣ должность смотрѣть, чтобъ хорошенько хлѣбъ вѣяли.

Разсуждаевъ. Чтобъ онъ могъ смотрѣть за хлѣбомъ, между тѣмъ однако ему хлѣбъ надобенъ.

Крутонравовъ. Правда, правда, безъ хлѣба жить не можно. Подумавъ, и тотчасъ это пере-

думалъ. Сдѣлаю такъ, что онъ будетъ доволенъ. (*Вдругъ разсердясь*). Да мнѣ только то досадно, когда мѣшаютъ другому дѣлу: не могу не сердиться.

Разсуждаевъ. Другъ мой, сердцемъ дѣлу не поможешь.

ТЕАТРАЛЬНОЕ
ПРЕДСТАВЛЕНІЕ,
НА ПОСЛОВИЦУ:
СВОИ НЕ ЧУЖІЕ.

ДѢЙСТВУЮЩІЕ.

Шерешперовъ, отставной капитанъ.
Писулинъ, богатый дворянинъ.
Миротворовъ, хозяинъ постоялаго дома.

Дѣйствіе въ Клину, въ постояломъ домѣ

ЯВЛЕНІЕ I.

Театръ представляетъ большую комнату, куда Миротворовъ вводитъ Шерсшперова для ночлега, показывая ему уголъ комнаты.

Миротворовъ. Тутъ вамъ будетъ очень покойно. Вотъ въ этомъ углу извольте располагать все по вашей волѣ.

Шерешперовъ. Для чего же въ этомъ углу, а не во всей комнатѣ?

Миротворовъ (*въ затрудненіи*). Не прогнѣвайтесь.... въ другомъ углу клопы водятся.

Шерешперовъ. Я военный человѣкъ, привыкъ спать иногда и съ клопами.

Миротворовъ. Не прогнѣвайтесь... тамъ тараканы ползаютъ.

Шерешперовъ Нужды нѣтъ, я не боюсь таракановъ.

Миротворовъ. Не прогнѣвайтесь... тамъ щель есть, и крѣпко несетъ съ надворья.

Шерешперовъ. Это самая бездѣлица. Я бывалъ въ походахъ и привыкъ ко всякой нуждѣ.

Миротворовъ. Не прогнѣвайтесь.... правду вамъ сказать... тотъ уголъ занятъ.

Шерешперовъ. Какъ, занятъ?

Миротворовъ. Господинъ Писулинъ, я чаю, вы его знать изволите, проѣздомъ здѣсь ночевать будетъ. Не во гнѣвъ вашему благородію, этотъ уголъ ассигнованъ для его милости Писулина.

Шерешперовъ (*съ хвастливою пышностью*). Писулинъ!.. Писулинъ!.. Ну такъ бы ты и говорилъ прямо. Я его знаю: знаю, что Писулинъ хуже клоповъ и таракановъ.... да я умѣю такихъ людей заставлять быть спокойными.

Миротворовъ. Онъ человѣкъ добрый, ваше благородіе: отъ него безпокойства вы имѣть не будете.

Шерешперовъ. О! я въ томъ увѣренъ, что мнѣ онъ безпокойства не сдѣлаетъ; только желалъ бы лучше, чтобъ господинъ Писулинъ ассигновалъ себѣ квартиру не со мною, а индѣ.

Миротворовъ. Онъ истинно человѣкъ добрый, и объ васъ всегда говоритъ съ похвалою.

Шерешперовъ. Съ похвалою, съ похвалою!.. Желалъ бы я вѣдать, какъ бы онъ безъ похвалы упоминалъ мое имя!.. Какъ же онъ обо мнѣ отзывается?.

Миротворовъ. Говоритъ, сударь, что такихъ храбрыхъ людей, какъ вы, со свѣчкою искать надобно.

Шерешперовъ. Да знаетъ ли онъ, что̀ такое храбрость?

Миротворовъ. Какъ о томъ не знать, сударь; а хотя бы кто и не зналъ, такъ отъ васъ о томъ увѣдаетъ.

Шерешперовъ. Ну, ну, быть такъ, пускай онъ здѣсь въ своемъ углу переночуетъ; только скажи господину Писулину, когда захочетъ писать ночью, чтобъ онъ не расхаживалъ по комнатѣ, а сидѣлъ бы тихо съ тараканами въ углу своемъ: я хочу уснуть покойно.

Миротворовъ. Пойду теперь напередъ встрѣтить господина Писулина, и его, какъ должно, предувѣдомлю, чтобъ онъ не причинилъ вамъ какого-нибудь безпокойства нечаянно.

(*Выходитъ*).

=

ЯВЛЕНІЕ II.

ШЕРЕШПЕРОВЪ (*одинъ, бодро расхаживая*).

Желалъ бы я видѣть, какъ бы могъ Писулинъ тѣснить меня гдѣ бы то ни было!.. Писулинъ!.. Писулинъ! (*Между тѣмъ, услышавъ стукъ, взглядываетъ на двери, уходитъ за поставленныя въ углу ширмы, взглядываетъ оттуда нѣсколько времени, и не видя никого въ комнатѣ, опять*

выходитъ). Писулинъ!.. Писулинъ!.. посмотрѣлъ бы я, какъ онъ обширно расположится здѣсь въ комнатѣ!.. (*Между тѣмъ ширмы свои передвигаетъ ближе къ порогу*). Писулинъ!.. Писулинъ!.. увидимъ, какъ-то онъ со мною обходиться будетъ! (*Между тѣмъ, услышавъ новый стукъ, бросается къ сторонѣ и потихоньку, оборачиваясь, смотритъ по временамъ на вшедшаго въ комнату Писулина.*)

=

ЯВЛЕНІЕ III.

ПИСУЛИНЪ и ШЕРЕШПЕРОВЪ.

Писулинъ (*входя и не видя Шерешперова*). Сказали, что Шерешперовъ тутъ же ночуетъ... Ну, да пусть ночуетъ.... (*Скидываетъ съ себя епанчу, бросаетъ къ ширмамъ, потомъ садится въ кресла на срединѣ*). Уфъ! утомился отъ дороги!.. (*Вынимаетъ изъ кармана пакетъ*). Хозяинъ подалъ мнѣ пакетъ писемъ... Слишкомъ много въ немъ набито... прочту не теперь, а отдохнувши. (*Бросаетъ пакетъ въ сторону, и нечаянно попадаетъ имъ въ Шерешперова, который, испугавшись, высоко припрыгиваетъ. Писулинъ, услышавъ тогда стукъ, взглядываетъ нечаянно на Шерешперова*). Ба! да вотъ и Шерешперовъ.

Не прогнѣвайся, я не видавши пакетъ въ тебя бросилъ... (*Шерешперовъ тогда оправляется, и бодро выступаетъ нѣсколько поближе*).

Писулинъ. Что жъ ты не сядешь?

Шерешперовъ (*взглянувъ господственно*). А тебѣ что̀ до того нужды? (*Беретъ стулъ, садится и смотритъ пристально на Писулина*).

Писулинъ (*съ удивленіемъ*). Нужды никакой нѣтъ... какъ изволишь... хотя сиди, хотя стой себѣ, какъ тебѣ угодно.

Шерешперовъ (*надѣвая шляпу*). Мнѣ сидѣть угодно.

Писулинъ (*вѣжливо*). Я вамъ въ томъ не мѣшаю.

Шерешперовъ (*подвигаясь съ стуломъ*). Хотя бы ты и мѣшалъ, то мнѣ все равно.

Писулинъ (*вѣжливѣе*). Военнымъ людямъ покой надобенъ.

Шерешперовъ (*подвигаясь*). Я... я не лежачій дворянинъ... могу безпокоиться, не охая.

Писулинъ (*вѣжливѣе*). Знакъ храбраго человѣка.

Шерешперовъ (*придвигаясь*) Я.. я конечно не трусъ.

Писулинъ (*вѣжливѣе*). Хотя бы вы ко мнѣ и не придвигались, я въ томъ увѣренъ.

Шерешперовъ (*придвигаясь*). Я хочу съ вами поближе видѣться.

Писулинъ (*съ безпокойною вѣжливостью*) На что же такъ близко придвигаетесь?

Шерешперовъ (*придвигаясь*). Ты мнѣ въ томъ не укажешь.

Писулинъ (*съ жаромъ*). Прошу близко не наѣзжать.

Шерешперовъ. Вѣдай, что я Шерешперовъ.

Писулинъ (*съ важностью гнѣва*). Вѣдай же, что я Писулинъ.

Шерешперовъ (*бодрясь*). Я много знаю вашу братью, Писулиныхъ.

Писулинъ (*надѣвая шляпу*). Я также видалъ вашу братью, Шерешперовыхъ.

Шерешперовъ (*встаетъ и вынимаетъ шпагу*). Я тебѣ покажу себя!

Писулинъ (*вскакиваетъ и вынимаетъ также шпагу*). Тебя поучить надобно!

Шерешперовъ (*становясь въ позитуру*). Посмотримъ.

Писулинъ (*становясь также въ позитуру*). Кому удастся. (*Оба послѣ каждой рѣчи крѣпко ногами топаютъ, и другъ отъ друга далѣе отпрыгиваютъ съ дрожаніемъ*).

Шерешперовъ (*отпрыгивая*) Нутка, нутка осмѣлься подступить ближе.

Писулинъ (*отпрыгивая*). Отвѣдай сунуться.

Шерешперовъ (*отпрыгивая*). Трусъ, господинъ Писулинъ.

Писулинъ (*отпрыгивая*). Трусишь, господинъ Шерешперовъ.

Шерешперовъ. Меня такъ поносить!..

Писулин. Меня так ругать! (*Оба крепко топают ногами. Миротворов, услышав стук, входит с торопливостию и становится по средине*).

=

ЯВЛЕНИЕ IV.

ТѢ ЖЕ и МИРОТВОРОВЪ.

Миротворовъ. Прошу остановиться на минуту.

Шерешперовъ (*топая*). Не мѣшай мнѣ положить его на мѣстѣ.

Писулинъ (*топая*). Не мѣшай мнѣ нанизать его на шпагу.

Миротворовъ. Нѣсколько словъ только прошу выслушать.

Шерешперовъ (*вкладывая въ ножны шпагу*). Тебя только послушаю.

Писулинъ (*вкладывая также въ ножны шпагу*). Для тебя, для тебя только останавливаюсь.

Шерешперовъ. Ты спасаешь жизнь его.

Писулинъ. Если бъ ты не помѣшалъ, далъ бы я ему...

Миротворовъ (*взявъ обоихъ за руки*) Пожалуйте, пожалуйте, скажите, за что вы сначала другъ на друга разгнѣвались?

Шерешперовъ. Вначалѣ у насъ никакой ссоры не было.

Писулинъ. Мы были только въ одномъ покоѣ.

Миротворовъ. За это гнѣваться не за что, что были въ одномъ покоѣ!

Шерешперовъ. Я стоялъ.

Писулинъ. А я сидѣлъ.

Миротворовъ. И за это гнѣваться не за что.

Шерешперовъ. Онъ сталъ говорить со мною.

Писулинъ. А онъ сталъ отвѣчать.

Миротворовъ. И за это гнѣваться не за что.

Шерешперовъ. Да онъ грубо говоритъ со мною.

Писулинъ Да онъ невѣжливо отвѣчаетъ.

Миротворовъ Обойдитесь лучше вѣжливо, такъ и драться будетъ не за что. Не правда ли?

Шерешперовъ. Да онъ меня трусомъ почитаетъ.

Писулинъ. Да онъ думаетъ, что я передъ нимъ дрожать буду.

Миротворовъ. Послушайте: покажите свою храбрость лучше противу отечественныхъ непріятелей. Невѣрные сосѣди съ нами войну начинаютъ: тамъ вы себѣ прямую честь заслужите.

Шерешперовъ (*укротясь*) Я знаю, что свои не чужіе.

Писулинъ (*къ Шерешперову*). Ну, давно бы ты такъ сказалъ.

Шерешперовъ (*къ Писулину*). Я тебѣ не врагъ, только ты самъ кобенишься.

Писулинъ (*къ Шерешперову*). И я тебѣ не злодѣй, только ты самъ на задоръ лѣзешь.

Миротворовъ. Помиритесь, да обоймитесь: такъ и всѣ бѣси въ воду.

Шерешперовъ (*протягивая руку*). Такъ ли, господинъ Писулинъ?

Писулинъ (*подавая руку*). Такъ ли, господинъ Шерешперовъ?

(*Давъ другъ другу руки, обнимаются*).

Миротворовъ Бранясь и ссорясь, всегда помнить надобно, что свои не чужіе.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗОБРАЖЕНІЕ

РОССІИ.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗОБРАЖЕНІЕ

РОССІИ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

РОССІИ.

ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ,

ВЕЛИКОЙ ГОСУДАРЫНѢ

ИМПЕРАТРИЦѢ

ЕКАТЕРИНѢ АЛЕКСѢЕВНѢ,

САМОДЕРЖИЦѢ ВСЕРОССІЙСКОЙ,

И ПРОЧАЯ, И ПРОЧАЯ, И ПРОЧАЯ.

ВСЕМИЛОСТИВѢЙШАЯ ГОСУДАРЫНЯ!

Историческое сочиненіе мое получитъ первое достоинство отъ славныхъ происшествій, каковыми Россія возвышается подъ счастливымъ владѣніемъ Вашего Императорскаго Величества: Вамъ, Всемилостивѣйшая Государыня, и приношу оное, въ достодолжную жертву. Счастливъ буду, если у-

достоюсь тѣмъ Вашего благоволенія. Есмь со всеглубочайшимъ почитаніемъ

Вашего Императорскаго Величества

всеподданнѣйшій рабъ,

Ипполитъ Богдановичъ

ПРЕДИСЛОВІЕ

ОТЪ СОЧИНИТЕЛЯ.

Многіе любители *Россійской* Исторіи давно желали имѣть оную въ нѣкоторомъ сокращеніи: поколику свойственно людямъ желаніе получать легчайшимъ образомъ нужныя свѣдѣнія и отвергать все то, что̀ безполезно обременяетъ память ихъ. Въ семъ видѣ издаю въ свѣтъ мое сочиненіе, основанное на разныхъ россійскихъ и чужестранныхъ писателяхъ, при которомъ я взялъ вольность оставить многія околичности пространныхъ лѣтописей.

Въ счастливомъ вѣкѣ, въ коемъ Россіяне обращаютъ свой разумъ къ наиважнѣйшимъ и наиполезнѣйшимъ предметамъ, странно было бы изслѣдованіе, когда, какъ и гдѣ «быша прузи мнози, дожди мнози, знаменія въ солнцѣ, въ лунѣ и въ звѣздахъ;» гдѣ брали «Россіяне колеса, вышедъ на берегъ подъ Царемъ-Градомъ, и какъ поставили на тѣ колеса флотъ свой, и какъ привезлись на водяныхъ судахъ по сухому пути къ городу;» и для чего не хотѣли туда пѣшкомъ дойти; чѣмъ провинились «древлянскіе послы, которымъ велѣно было ночевать на рѣкѣ въ лодьяхъ, а на другой день придворнымъ нести ихъ съ лодьями на головахъ, и послѣ бросить въ глубокую яму, и какъ они тамъ кричали;» за что, гдѣ, и какъ «убили варварскаго князя, именуемаго Темира, варвары его сродники;» и прочихъ, тому подобныхъ повѣстей, каковыя каждый лѣтописатель изображалъ, распространялъ, или сокращалъ, по мѣрѣ своего о вещахъ понятія.

Оставляя же всѣ невѣроятныя или маловажныя описанія и сокращая лѣтопись, стараюсь я распространить Исторію болѣе по порядку послѣдствій,

нежели по порядку чиселъ; изыскать причины бывшихъ великихъ перемѣнъ въ Россіи, ея возвышеній и упадковъ; описать свойства государей, управлявшихъ ею; ихъ побѣды, завоеванія, союзы съ державами, законы и образы правленія; нравы и обычаи Россіянъ въ разныхъ вѣкахъ; возобновить и возвеличить память славныхъ людей, споспѣшествовавшихъ общему благу; представить во всемъ пространствѣ ихъ добродѣтели; изобразить заблужденія и пороки съ ихъ бѣдствіями; напослѣдокъ, вывесть изъ Исторіи добрые примѣры, полезныя правила и нужныя свѣдѣнія. Въ томъ же видѣ, чтобъ сократить, сколь можно, мою книгу, я не прилагаю изъясненій на разныя мѣста историческія, изъ коихъ я долженъ выводить необходимыя послѣдствія: поколику сіи изъясненія сами собою легко представляются каждому благоразумному читателю; не дѣлаю также ссылокъ на писателей, принимаемыхъ въ основаніе: ибо всѣ таковыя ссылки находятся уже въ Россійской Исторіи трудолюбиваго и почтеннаго нашего времени историка, Князя *Михайла Михайловича Щербатова.* А кому угодно будетъ потребовать отъ

меня какихъ-нибудь нужныхъ къ моей книгѣ изъясненій, я охотно готовъ отвѣтствовать таковымъ любителямъ Исторіи. Съ благодарностію же приму всякое примѣчаніе, если я, не имѣя у себя многихъ чужестранныхъ о Россіи писателей, пропустилъ что-нибудь важное. Таковыя примѣчанія въ слѣдующихъ частяхъ не премину особо припечатать.

Что̀ надлежитъ до слога въ моей книгѣ, то хотя я стараюсь дать ему древняго нашего языка важность, свойственную лицамъ и вещамъ, представляющимся въ Россійской Исторіи, но не вовсе убѣгаю употребленія словъ нынѣшнихъ: ибо, почитая высокое славено-россійское витійство умершихъ, не ставлю за маловажное соглашаться съ простонарѣчіемъ живыхъ людей.

—

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗОБРАЖЕНИЕ

СЛАВЯНЪ

И ВЪ ПОСЛѢДСТВІИ

РОССІЯНЪ.

═

СЛАВЯНЕ.

Слава, какъ видно, была въ древности особымъ божествомъ Славянъ, кои отъ нея заимствовали, по справедливости, свое имя. Хотя Исторія отдаленныхъ вѣковъ смѣшенно представляетъ намъ Азію и Европу, населяемую иногда раздѣленными поколѣніями отъ единаго народа, иногда же совокупленными отъ разныхъ странъ, то подъ разными, то подъ общими именованіями; хотя начала, происхожденія, преселенія, смѣшенія, раздѣленія и войны многихъ народовъ кажутся быть покрыты мракомъ едва извѣстной древности: имѣемъ мы, однако, свидѣтельства, удостовѣряющія насъ въ неложномъ ихъ существованіи. Бездна вѣковъ, поглотившая бытіе не только многихъ частныхъ народовъ, но и самыхъ

великихъ имперій, оставила намъ признаки и историческія повѣствованія, на которыхъ мы утверждаемся.

Изъ сего необъятнаго пространства Исторіи, которой подробности не всегда вѣроятны и мало нужны для свѣдѣнія, не безполезно было бы произвесть вѣрное поколѣніе народовъ отъ перваго нашего родоначальника по время, когда Славяне, и напослѣдокъ Россіяне, кажется, какъ-будто остановили раздѣленіе племенъ, соединенныхъ въ своемъ началѣ; но великость предпріятія, сверхъ того, что требуетъ долгаго времени и многихъ недостающихъ мнѣ способовъ, отдалила бы меня отъ краткости моего примѣчанія, касающагося только до Славянъ, или Россіянъ.

Древность всѣхъ первоначальныхъ племенъ и языковъ имѣла свои степени, и Славяне долженствовали испытать общую всѣмъ превратность. Исторія являетъ, что народы Славенскіе стали быть болѣе извѣстны въ первомъ вѣкѣ по Рождествѣ Христовѣ. Они разсѣяны были въ сей пространной азіятской и европейской части, которая называлась *Сарматіею*, почему и языкъ ихъ называли тогда вообще сарматскимъ, между тѣмъ, какъ различно называли его по именованіямъ частныхъ народовъ, тотъ же языкъ имѣвшихъ.

Въ послѣдствіи Славяне (Славены, Славоны), Русы (Россы, Россіяне), Венды, Богемцы, Поляки, Чехи, Болгары, Сербы, Далматы, Моравцы и многіе другіе, донынѣ славенскимъ или

происходящимъ отъ него языкомъ отличающіеся народы, часто соединенными, а иногда и особенными силами потрясали Востокъ и Западъ. Нѣкоторые изъ помянутыхъ народовъ основали славныя государства въ Азіи и Европѣ, и послѣдовавшіе ихъ роды ставятъ себѣ въ честь происходить отъ таковаго корня.

Между прочими областями, Славяне и городъ Славенскъ, находившійся неподалеку отъ нынѣшняго Новагорода, являются давнѣе извѣстны. Сей послѣдній знаемъ былъ въ пятомъ вѣкѣ; древность же города Славенска простирается до временъ апостольскихъ; и по самой неизвѣстности его начала, о давнемъ бытіи его сомнѣваться не можно. Вскорѣ по Христѣ Святый Апостолъ Андрей Первозванный, проповѣдуя Евангеліе и водрузивъ Крестъ на горѣ, гдѣ нынѣ Кіевъ, былъ потомъ у Славянъ въ Славенскѣ. Видны еще и нынѣ развалины древняго сего города. *

* Различіе, какое является въ письменныхъ и печатныхъ книгахъ, то есть: въ иныхъ *Славенскъ*, въ другихъ *Словенскъ*, тамъ *Славяне*, а индѣ *Словяне*, не дѣлаетъ различія въ разумѣніи: ибо *Новгородцы*, по старому своему нарѣчію, донынѣ легко произносятъ и пишутъ *о* тамъ, гдѣ должно писать *а*. Сверхъ того, *Словянъ* названіе, будто бы производное отъ *Слова*, кажется быть столь же неестественно, какъ бы производное отъ *слуха* или *видѣнія*. Весь міръ населенъ народами *словесными*, *слышащими* и *видящими*, но не всѣ имѣютъ славу, какую пріобрѣли *Россіяне*: я въ томъ ссылаюсь на всѣхъ народовъ.

Равнымъ образомъ *Славенія* (*Славонія*), нынѣ подъ австрійскимъ владѣніемъ, заключающаяся между рѣками Дунаемъ, Савою и Дравою, была главною отчизною Славенъ южныхъ и имѣла своихъ государей.

Можетъ быть, чуждой славы завистники, безсильны будучи спорить противъ дѣлъ, захотятъ умствованіемъ лишать Славянъ по малой мѣрѣ имени, имъ свойственнаго. Скажутъ они, что не такъ называли ихъ сосѣди, ими воюемые; но доказательно, что не воюемые сосѣди и не сами себя Славяне такъ назвали. Сосѣди и подданные прикладывали имя *Славы* государямъ, въ воздаяніе ихъ благотвореній къ людямъ и заслугъ къ отечеству, а по государямъ и народы ихъ принимали сходственное наименованіе. Многія области, въ войнѣ и въ мирѣ, нерѣдко бывъ удивляемы, милуемы, спасаемы и покровительствуемы побѣдоносными ихъ силами, могли называть Славянъ столь же правдиво всѣми именами, какія удивленіе, почтеніе и благодарность внушить могутъ.

Подобно сему, въ древней *Греціи* названіе *Ираклій* (*Геркулесъ*), составленное изъ греческаго *Ἥρα*, значущаго нѣкоторое божество, и другого слова *κλέος*, значущаго *славу* или *хвалу*, давалось славнымъ людямъ; а потому и потомки Ираклієвы, или, можно сказать, цѣлые народы, отъ него произшедшіе, назывались Ираклиды (Гераклиды.)

Писатели древностей производятъ Славянъ отъ

Скиѳовъ, а нѣкоторые ведутъ ихъ отъ народовъ еще болѣе древнихъ, и даже отъ *Мосоха*, одного изъ дѣтей *Афетовыхъ*. Предки Славянъ во всѣхъ полагаемыхъ ихъ происхожденіяхъ отличались всегда любленіемъ нѣкоторой Славы и твердыми обычаями, кои служили имъ вмѣсто законовъ. По свойственному же несчастію всѣхъ храбрыхъ народовъ, они, торжествуя надъ внѣшними непріятелями, нерѣдко вели и междоусобныя войны, кои препинали ихъ общему благосостоянію; и сіе, конечно, было главною причиною поздняго Славянъ распространенія.

Славный народъ дѣлами возгремѣлъ въ свѣтѣ приличнымъ ему именемъ, подъ управленіемъ государей славянскихъ, въ шестомъ вѣкѣ, въ царство Юстиніана Великаго. Владѣтели разныхъ племенъ древняго сего народа, хотя не назывались всѣ *славянскими*, но, сохраняя нѣкоторымъ образомъ общественное ихъ титло, придавали къ собственнымъ именамъ своимъ единозначущія окончанія, и назывались «Святославы, Изяславы, Владиславы, Премиславы, Венцеславы, Мечиславы» и проч.

То же видно въ свойственныхъ сему народу припѣвахъ, каковые донынѣ еще слышатся въ остаткахъ нѣкоторыхъ древнихъ славянскихъ пѣсней, въ конхъ припѣвается всегда *Слава*.

Таковые припѣвы, если бы и не были въ древности, то приличны нынѣ въ Россіи, покровительствуемой Божествомъ, господствующимъ надъ Славою. Обожаемую нами Обладательницу называютъ:

человѣчество Милосердою, *истина* Правосудною, *законы* Премудрою, *науки* Великою, *подданные* Матерію Отечества; все же купно и весь свѣтъ присоединяютъ къ Екатеринѣ, толь многоименитой, древнее, нынѣ вновь оправданное нареченіе *Славной*. Владѣніе сей Монархини представляетъ намъ въ Россіи толь рѣдкія произшествія, что оныя во множество вѣковъ не только не могли содѣлаться, но и казались невозможными. И такъ, я необходимо долженъ буду, сокративъ предслѣдующія произшествія, примѣтить наиболѣе вѣкъ знаменитый многоразличными образами,— вѣкъ, преславный мудрыми уставами, преднаписующими счастіе въ Россіи родовъ будущихъ.

Сіе краткое начертаніе да послужитъ зрѣлымъ возрастамъ пріятнымъ воспоминовеніемъ; юнымъ же да подастъ нужныя познанія о своемъ отечествѣ, да вселитъ въ нихъ охоту къ пространнѣйшему пріобрѣтенію таковыхъ познаній, и да питается въ сердцахъ ихъ любовь къ истинной *Славѣ*, счастливо предводившей отцовъ нашихъ!

КIЕВЪ.

Первыя степени начинающейся Россiи не имѣли блеска въ ученой республикѣ, и покрыты обыкновенною темнотою древности; ибо до девятаго вѣка не было еще у Славянъ письменъ, кои они тогда отъ Грековъ приняли Чужестранные же писатели упоминали о Славянахъ только по случаямъ, когда народы сiи имѣли какое-нибудь сношенiе съ другими народами; слѣдственно и не могли чужестранные писать объ нихъ съ такою непрерывною подробностью, какая требуется для составленiя порядочной Исторiи. Годы по Рож. Христ.

Испытательная истина отверзаетъ себѣ путь медленнымъ шествiемъ, открываетъ сквозь завѣсу времени основанiе *Кiева*, но еще не расторгаетъ сiю преграду, погружающую во мракѣ послѣдованiе нѣсколькихъ вѣковъ въ семъ древ- 430.
немъ городѣ. Въ началѣ пятаго вѣка представляется намъ пришествiе изъ нѣкоторыхъ степей трехъ братьевъ, князей: *Кiя*, *Щека* и *Хорева* съ сестрою ихъ *Либедью* къ *Днѣпру*, въ то мѣсто, гдѣ Святый Апостолъ Андрей Первозванный оставилъ знаменiе. Тутъ они поселились и построили себѣ города, которые, по именамъ своимъ, назвали: *Кiй* создалъ городъ *Кiевъ*, столицу древнихъ князей *Кiевскихъ*; *Щекъ* основалъ не-

подалеку городъ *Щековицу*; *Хоревъ* построилъ *Хоревицу* (*Вышгородъ*), а сестра ихъ *Либедь* сорудила *Либединъ* на рѣкѣ, названной ея же именемъ. Пришедшіе съ сими князьями подвластные имъ владѣтели: *Радимъ*, *Вятка*, *Дулебъ*, произвели именованія *Радимичей*, *Вятчанъ*, *Дулебянъ* нынѣ (*Лучанъ*) и другихъ подобныхъ сему народовъ.

Донынѣ не открыто еще вѣрныхъ свидѣтельствъ, по которымъ бы можно было вести послѣдованіе частной Кіевской и купно Россійской Исторіи, до временъ Руриковыхъ. Но должно сказать здѣсь вообще о Славянскихъ народахъ, что они, прежде и послѣ основанія *Кіева*, время отъ времени распространяясь въ Азіи и Европѣ, жили по разнымъ мѣстамъ въ великомъ раздѣленіи. Частыя ихъ войны, иногда съ греческими императорами, иногда съ западными государями, а иногда съ сосѣдственными и единоплеменными областями, притомъ образъ дикой тогдашнихъ народовъ жизни, содѣлывали ихъ переселенія и перемѣны весьма обыкновенными. Они возвышались, упадали и исчезали по мѣрѣ успѣха или несчастія въ военныхъ ихъ предпріятіяхъ. Большею же частію они соединялись подъ именемъ *Сарматовъ*, *Славянъ*, *Болгаровъ*, *Богемцовъ*, *Поляковъ и Венгровъ*. *

---

* Нѣкоторыя описанія о сихъ древнихъ народахъ изданы уже на *россійскомъ* языкѣ тщательными особами: *Россійская Исторія Князя Михаила Михайловича Щербатова*, *Историческіе Мѣсяцесловы* 1776 и 1777 годовъ.

Во второй половинѣ девятаго вѣка является новый свѣтъ въ Исторіи, открывающій уже непрерывное послѣдованіе россійскихъ государей. Сія эпоха будетъ началомъ моего пространнѣйшаго примѣчанія о *Россіи*, подъ разными владѣніями.

—

КНЯЖЕНІЕ НОВГОРОДСКОЕ.

РУРИКЪ.

Рурикъ, *Синеусъ* и *Труворъ*, три брата князья, призваны *Славянами* отъ *Варягъ-Россовъ* изъ областей, лежащихъ на берегахъ Варяжскаго (Балтійскаго) моря, на Великое Княженіе Ново- 862.
городское, по совѣту *Гостомысла*, одного изъ главныхъ въ Новѣгородѣ. Сіи три брата, раздѣливъ между собою владѣніе, построили себѣ три столичныхъ города: *Рурикъ* на *Ладожскомъ озерѣ*, что нынѣ именуется *Старая Ладога*; *Синеусъ* на *Бѣлѣ-Озерѣ*, а *Труворъ* построилъ *Изборскъ*, неподалеку отъ *Пскова*.

Новгородцы, привыкшіе до сего времени къ нѣкоторому республиканскому правленію, положили въ условіи съ сими князьями, чтобъ они защищали границы отъ внѣшнихъ непріятелей, но власть ихъ внутри областей ограничили. Таковое

условіе не могло сообразоваться съ государственнымъ управленіемъ, и верховная власть вскорѣ нашла себѣ непріятелей. Призванные князья, распространяя границы своихъ владѣній и имѣя подъ предводительствомъ силы, имѣли способы часто отступать отъ помянутыхъ условій. А какъ сіе противно было народному своеволію, то отъ того произошелъ въ Новгородѣ бунтъ; но оный вскорѣ былъ прекращенъ: начальникъ бунтовщиковъ, именуемый *Вадимъ*, убитъ, и Новогородцы приведены въ послушаніе.

Синеусъ и Труворъ, не долго княживъ, кончили жизнь; и какъ они не имѣли дѣтей, то по
865. смерти ихъ всѣ *Славено-Россійскія* области достались въ единодержавство Рурику, отъ котораго велись великіе князья и цари россійскіе безпрерывнымъ порядкомъ 736 лѣтъ, до кончины царя Ѳеодора Іоанновича, послѣдняго изъ сего рода.

Рурикъ, для удобности въ правленіи, раздѣлилъ пространныя свои владѣнія на разныя области, кои имѣли свои города, и народы сихъ областей имѣли особыя именованія, какъ-то: въ Новѣгородѣ Славяне, на Бѣлѣ-Озерѣ Весь, въ Полоцкѣ Кривичи, въ Ростовѣ Мери, въ Муромѣ Муромцы и проч.

При таковомъ раздѣленіи царствовало, однако, нѣкоторое единодушіе. Благостроительная власть совокупляла во едино разныя общества славянскихъ поколѣній; и сіе соединеніе болѣе, нежели военныя предпріятія, содержало въ страхѣ строп-

тивыхъ сосѣдей, кои, въ дикости своей, не признавали другого права, кромѣ права сильнаго.

Во время же, какъ благоразуміе, осторожность и храбрость Рюриковы претворяли безпорядокъ во благоустройство, необузданность въ послушаніе, пустыни въ города и селенія, въ Кіевѣ княжили *Оскольдъ* и *Диръ*. Идолослуженіе и дикость нравовъ тогдашнихъ народовъ славянскихъ содѣлывали ихъ непримиримыми и наслѣдственными врагами императорамъ греческимъ. Оскольдъ и Диръ, побужденные примѣрами предковъ и храбростію Славянъ, своихъ подданныхъ, ходили также войною подъ Константинополь. Но императоръ Михаилъ III, тогда царствовавшій, принудилъ ихъ совершенною своею побѣдою, съ малымъ спасшимся числомъ, вспять возвратиться. 866.

Каждый себѣ представить можетъ преимущества, каковыя имѣлъ надъ сими князьями Рурикъ въ благоустроенномъ своемъ владѣніи. Сей государь, по семнадцатилѣтнемъ княженіи, при кончинѣ, препоручилъ воспитаніе малолѣтнаго своего сына, *Игоря*, и государственное правленіе, до его возраста, сроднику своему, *Олегу*.

Около сихъ временъ *Константинъ* (онъ же *Кириллъ*) *Солунскій* и *Меѳодій*, учители церковные, посланные изъ Константинополя, принесли въ *Моравію* сочиненныя ими *славянскія* письмена и перевели нѣкоторыя церковныя книги съ греческаго языка на славянскій; ибо тогда въ Моравіи и въ другихъ областяхъ находившіеся Славяне частію приняли уже Святое Крещеніе

—

КНЯЖЕНІЕ КІЕВСКОЕ И НОВОГОРОДСКОЕ.

ОЛЕГЪ.

Олегъ, воспитатель *Игоревъ* и правитель княженія по смерти Руриковой, объѣхалъ области, во власть ему ввѣренныя. На мѣстѣ же, гдѣ три
880. рѣки: *Москва*, *Яуза* и *Неглинная* соединяются, основалъ малый городокъ, который назвалъ, по имени главной рѣки, *Москвою*, и далъ во управленіе одному изъ своихъ сродниковъ.

Когда, напослѣдокъ, Олегъ утвердилъ власть свою въ Новѣгородѣ и въ окрестныхъ областяхъ, то началъ мыслить о ихъ распространеніи. Извѣстіе о разбитіи *Оскольда* и *Дира* подъ Константинополемъ, гдѣ сіи князья истощили всѣ свои силы, подало ему случай къ произведенію въ дѣйство своего намѣренія. Олегъ, взявъ съ собою малолѣтнаго Игоря, пошелъ войною къ
881. Кіеву. Идучи же внизъ по Днѣпру, взялъ Смоленскъ (нынѣ намѣстничество) и въ немъ оставилъ вѣрныхъ людей для управленія. Потомъ, убивъ подъ Кіевомъ Оскольда и Дира и овладѣвъ
883. городомъ, присовокупилъ къ Игореву Новгородскому княженію южную Россію. Онъ перенесъ столицу изъ Новагорода въ Кіевъ, и съ того времени россійскіе князья назывались *Кіевскими* и *Новгородскими*.

Олегъ, по примѣру Рурикову, поставилъ въ городахъ новаго княженія правителями бояръ своихъ; притомъ принудилъ Древлянъ, Сѣверянъ и Радимичей давать себѣ дань, которую послѣдніе изъ сихъ давали прежде *Козарамъ* (нѣкоторому азіятскому народу).

Сей мудрый правитель, женивъ потомъ воспитаннаго имъ Игоря на славной Ольгѣ, правнукѣ 904.
Гостомысловой, и оставивъ его въ Кіевѣ, пошелъ войною на Константинополь. Славено-Россійскіе народы, знаемые тогда Грекамъ подъ общимъ именемъ обитателей *Великой Скиѳіи*, составили, подъ предводительствомъ Олеговымъ, сильное войско. Варяги, Славяне, Чудь, Кривичи, Мери, Поляне, Сѣверяне, Древляне, Радимичи, Вятчане, Хорваты, Дулебяне и Тиверцы являются въ совокупленіи и послушны единому начальнику. Они, въ числѣ восмидесяти тысячъ, пускаются на многихъ судахъ внизъ Днѣпромъ, а потомъ Чернымъ Моремъ, къ Константинополю, разоряютъ на пути города, побиваютъ сопротивныя имъ силы, берутъ великое число плѣнниковъ и уже достигаютъ до пролива, раздѣляющаго Европу съ Азіею подъ стѣнами Константинопольскими. Тщетно Греки заграждаютъ судамъ путь протяженною чрезъ проливъ желѣзною цѣпью: Олегъ повелѣваетъ войску своему сойти на берегъ, ломитъ всѣ преграды и подступаетъ къ 907.
городу.

Царствовавшіе тогда императоры, *Левъ* и *Александръ*, толико устрашены были симъ нечаян-

нымъ подступленіемъ, что не укоснили просить у Олега мира, обѣщавая давать ему дань Олегъ склонился на предложеніе и отступилъ нѣсколько отъ города, но не прежде, какъ по истребованіи отъ императоровъ соглашенія дать нѣкоторую дань деньгами на каждаго его воина. Потомъ отправилъ въ Константинополь пословъ, для поставленія съ Имперіею мирныхъ и коммерческихъ договоровъ.

Греки, въ страхѣ и недоумѣніи, соглашались на все, что̀ Олегъ имъ ни предписывалъ, и обѣщали, между прочимъ, давать впредь дань на нѣкоторые города Славено-Россійскіе, а именно: на Кіевъ, Черниговъ, Переславль (что̀ на Клещинѣ Озерѣ), Ростовъ, Любичъ и прочіе, находившіеся въ управленіи князей, подвластныхъ Кіевскому княженію.

По заключеніи договоровъ, Олегъ имѣлъ свиданіе съ императорами, и предъ отшествіемъ изъ Константинополя, поставилъ тамъ на воротахъ *Галатскихъ*, на вѣчную память своей славы, щитъ Игоревъ, на которомъ изображенъ былъ конный воинъ.

Олегъ, чрезъ нѣсколько времени по возвращеніи своемъ въ Кіевъ, разсудилъ заблаго послать еще пословъ въ Константинополь, для вторичныхъ договоровъ съ Имперіею, поколику первые, постановленные въ страхѣ и торопости, долженствовали быть недостаточны; слѣдственно производили нѣкоторыя несогласія.

Сіи вторичные договоры, болѣе взаимные, не-

жели первые, были съ обѣихъ сторонъ непринужденно подписаны и утверждены клятвами; въ заключенiе чего Греки цаловали крестъ, а Кiев- 912.
ляне, по закону идолопоклонниковъ, клялись оружiемъ и богами *Перуномъ* и *Волосомъ*.

Императоры, въ знакъ дружелюбiя своего къ Олегу и Игорю, почтили пословъ ихъ многими дарами, повелѣли казать имъ находящiяся въ Константинополѣ драгоцѣнности; особливо же повелѣли дать видѣть благолѣпiе церквей и священныхъ утварей, съ изъясненiемъ имъ притомъ *Христiанскаго* закона, дабы привлечь ихъ къ оному; потомъ съ великою честiю ихъ отпустили.

Храбрый и благоразумный Олегъ, правившiй *Россiею* со славою тридцать четыре года, получилъ нечаянную смерть отъ мертвой головной лошадиной кости, которую онъ, идучи мимо, толкнулъ ногою и тутъ въ ногу былъ ужаленъ змѣею, изскочившею изнутри сей головы, гдѣ она таилась.

—

ИГОРЬ.

Едва Олегъ кончилъ жизнь и Игорь вступилъ въ наслѣдственное княженiе, какъ покоренные Олегомъ народы начали помышлять о возвраще- 913.
нiи прежней своей вольности. Повиновенiе, произведенное въ нихъ мужествомъ и благоразумiемъ сего искуснаго правителя, уступило мѣсто не-

обузданному своеволію; ибо не вѣдали они еще качествъ новаго князя. Древляне, первые взбунтовавъ, отказали давать дань; но Игорь, не остав-
914 ляя имъ времени усилиться, вскорѣ смирилъ ихъ оружіемъ и наложилъ на нихъ дань болѣе прежней.

Въ то же время *Свенельдъ*, воевода Игоревъ, покорилъ Угличей и взялъ *Пересѣчень*, ихъ городъ, по тщетномъ его защищеніи.

Печенѣги (нѣкоторый азіятскій народъ), бродя по разнымъ странамъ, вошли тогда въ Россію и угрожали ей опустошеніемъ. Игорь сперва не разсудилъ заблаго воевать со скитающимися людьми, коихъ побѣда не могла быть много полезна, и сдѣлалъ съ ними миръ; но черезъ пять
920. лѣтъ принужденъ былъ употребить противу нихъ силу оружія, которая привела ихъ въ покорство.

А какъ не задолго передъ симъ Греки претерпѣли великіе уроны въ войнѣ съ Болгарами, то Игорь, дабы воспользоваться симъ случаемъ, предпринялъ напасть на ослабленную Имперію, хотя тогда Болгары согласны были съ Греками.

Кіевскій князь отправляется водою со многочисленными силами, пристаетъ къ берегамъ имперіи; Понтъ, Ираклію, Пафлагонію и всю Никомидію плѣняетъ, разоряетъ, опустошаетъ. Но передъ симъ Болгары увѣдомили заблаговременно Грековъ о наступленіи и о числѣ непріятелей. Греческіе полки успѣли собраться, встрѣтить и окружить Игоря, такъ что онъ, по неудачномъ сраженіи, принужденъ былъ возвратиться въ отечество. Тамъ онъ набираетъ новое войско, при-

совокупляетъ къ себѣ Варяговъ и Печенѣговъ, и идетъ паки на имперію съ бо̀льшими силами.

Греки, получа о томъ извѣстіе и вѣдая храбрость войскъ Игоревыхъ, посылаютъ къ нему 924. пословъ, съ предложеніемъ мира и сугубой дани передъ тою, какую они давали Олегу.

Игорь удовольствовался, не извлекая меча, сею побѣдою и, взявъ съ Грековъ дань, возвратился славно въ Кіевъ; Печенѣгамъ же повелѣлъ напасть на Болгаръ.

Нужно было, однако, утвердить миръ съ Греческою Имперіею: ради того Игорь посылалъ пословъ въ Константинополь, для возобновленія мирныхъ договоровъ, постановленныхъ Олегомъ, и къ тому прибавлены были новые, въ которыхъ, между прочимъ, отъ стороны царствова̀вшихъ тогда императоровъ обѣщано: «чтобъ имъ не «нанимать въ службу свою войскъ славено-рос«сійскихъ, безъ дозволенія князей ихъ». Греческіе императоры взаимно присылали пословъ къ Игорю, для утвержденія сихъ договоровъ клятвами въ ненарушимой силѣ, которая часто была нарушена.

Игорь, въ мирѣ со всѣми сосѣдами, наслаждался уже подъ старость лѣтъ плодами своего мужества. Спокойство и тишина царствовали во всѣхъ его областяхъ. Но особая милость и награжденіе отъ него *Свенельду*, побѣдителю Угличей, привели къ зависти другихъ вельможъ. Война, часто государству вредная, полезна всегда полководцамъ, ищущимъ особенной своей ко-

рысти въ истребленіи человѣчества. Сіи вельможи непрестанно побуждали Игоря къ брани противу Древлянъ, представляя ему, что онъ можетъ принудить ихъ платить дань еще большую. Князь послѣдовалъ, наконецъ, ихъ совѣту. Древляне вострепетали отъ силы его оружія и дали ему дань усугубленную; но онъ, не удовольствовавшись тѣмъ, требовалъ еще новой дани.

Тщетно *Малдисъ* (Малъ), князь древлянскій, посылалъ къ нему съ представленіемъ, коль несправедливы его требованія, кои, впрочемъ, не были уже подкрѣплены довольными силами: ибо Игорь отпустилъ большую часть войскъ назадъ съ данью. Не взирая на то, онъ отважился съ малымъ числомъ напасть на древлянскія селенія. И когда подступилъ уже подъ главный ихъ городъ *Коростенъ* (Искорестъ), то Древляне, видя его почти безъ войскъ, вышли оттуда во многочисленности, окружили, убили и погребли его
945. подъ городомъ.

Симъ образомъ безмѣрно отважный государь кончилъ жизнь, шестидесяти-восьми лѣтъ отъ роду, княживъ, по кончинѣ Олеговой, тридцать два года.

—

СВЯТАЯ ОЛЬГА

(въ крещеніи Елена).

По убіеніи Игоря отъ Древлянъ, супруга его, великая княгиня Ольга, въ малолѣтство сына своего, Святослава, вступила въ Кіевское и Новогородское княженіе; первая изъ женскаго пола въ Россіи народомъ управляла, но съ толикою славою, что казалось, какъ-бы она прообразовала могущество и счастіе россійскаго скипетра въ рукахъ ея пола. 945.

Древляне имѣли наглость присылать къ ней разныя посольства, съ предложеніемъ, и даже съ угрозами и принужденіемъ, чтобъ она вышла замужъ за князя ихъ, *Малдиса*; а чрезъ то древлянскій князь надѣялся получить во власть спокойнѣйшимъ образомъ пространныя россійскія владѣнія.

Ольга, озлобленная убійствомъ своего супруга, наипаче раздражена была симъ предложеніемъ, но скрыла свою досаду и притворно увѣрила послов, что она сама пріѣдетъ въ Коростенъ къ ихъ князю. Между тѣмъ, мстя Древлянамъ разными образами, пошла въ самомъ дѣлѣ къ нимъ съ войскомъ. Юный Святославъ, сынъ ея, находился съ нею въ семъ походѣ и, предупреждая возрастъ свой, являлъ уже мужественные подви-

ги, предзнаменовавшіе будущія его побѣды. *Малдисъ*, тогда не мысля болѣе о женитьбѣ, затворился въ Коростенѣ; и какъ трудно было взять сію укрѣпленную столицу древлянскую, то Ольга требовала, для своего отступленія отъ оной, вмѣсто дани, за неимѣніемъ тогда въ Коростенѣ другихъ вещей, по три голубя и по три воробья съ каждаго двора въ городѣ. Древляне съ радостію даютъ ей требуемую дань, дабы только она оставила ихъ безъ дальняго мщенія. Не мыслятъ они, что голуби и воробьи въ рукахъ Ольгиныхъ будутъ имъ столь же пагубны, какъ ея оружіе; ибо она повелѣла вплести въ хвосты принесеннымъ птицамъ по фитилю, и ночью, зажегши сіи фитили, пустить оныхъ на волю. Голуби и воробьи тотчасъ возвращаются подъ кровли домовъ въ свои гнѣзда, зажигаютъ во всѣхъ мѣстахъ городъ: пламень пожираетъ убѣжища осажденныхъ, и стѣны ихъ сами собою рушатся. Отчаянные Древляне ищутъ спасенія въ бѣгствѣ, но бѣгущихъ всюду постигаютъ воины, и спасенные отъ огня падаютъ подъ мечемъ гонящихъ; самъ князь Малдисъ убитъ во множествѣ; оставшіе Древляне емлются въ плѣнъ и покоряются. Ольга полагаетъ новыя дани на всѣ ихъ города
840. и возвращается въ Кіевъ, совершенно отмстивъ Древлянамъ.

Внутреннее государственное устроеніе было потомъ главнымъ предметомъ попеченій сей мудрой владѣтельницы. Она, оставивъ сына своего подъ присмотромъ вѣрныхъ людей, сама от-

правилась объѣхать свои владѣнія. Таковъ былъ обычай древнихъ россійскихъ государей по вступленіи на престолъ: увидѣть своими очами все, что было имъ подвластно, разсмотрѣть состоянія всякихъ селеній, узнать ихъ способы и недостатки, разиѣрить подати по силамъ различныхъ подданныхъ, распорядить доходы, искоренить злоупотребленія, наградить добродѣтели, исправить погрѣшности, защитить утѣсненныхъ, смирить утѣснителей. *

Слѣдуя сему похвальному государскому обычаю, Ольга сдѣлала въ областяхъ своихъ разныя полезныя учрежденія: населила людьми пустыя земли, раздѣлила ихъ на погосты и, основавъ благоденствіе своихъ подданныхъ, возвратилась въ престольный градъ, собирать спокойно плоды мудраго своего устроенія.

Природа одарила Ольгу рѣдкою красотою, которая, подобно ея высокому духу, блистала еще и въ сихъ лѣтахъ, когда прешедшая младость обыкновенно оставляетъ единый разумъ надъ сердцами владычествовать. Съ таковымъ внѣш-

* Толь полезный обычай приведенъ въ наилучшее дѣйство нынѣ владѣющею нашею Самодержицею. Отдаленные города, славящіеся Ея посѣщеніемъ, почитаютъ оное счастливѣйшимъ въ бытіи своемъ достопамятствіемъ. И хотя не могла Она обозрѣть въ пространныхъ своихъ областяхъ безчисленныхъ и многоразличныхъ селеній, тѣмъ не менѣе сіи, въ новомъ бытіи, полны Ея именемъ.

нимъ одареніемъ, имѣла она тонкій и проницательный умъ, способный къ изслѣдованію и познанію *блага* и *истины* Сія государыня, вознесенная на степень величія и счастія, при окружающемъ ея спокойствіи, чувствовала еще въ душѣ своей болѣзнованіе. Боготвореніе веществъ въ ея отечествѣ, и сопряженная съ симъ дикость нравовъ и странность обычаевъ, всегда представлялись ей недостойными созданія мыслящаго. Чтимые легковѣрнымъ народомъ идолы являли ей совершенную суетность человѣческаго прибѣжища. Снизшедшая съ Небесъ Святая Вѣра коснулась ея сердца и воспламенила его ревностнымъ желаніемъ познать Бога Истиннаго.

Въ Константинополѣ тогда сіявшее благочестіе убѣждало невѣрныхъ многими знаменіями, и отчасу болѣе простирало во вселенной свою силу. Вѣрою предводимая княгиня россійская, предпріемлетъ путешествіе въ Грецію, является, съ приличнымъ великолѣпіемъ, въ столицѣ правовѣрныхъ императоровъ, научается Христіанскому закону и проситъ просвѣтить себя Крещеніемъ.

Царствовавшій тогда императоръ *Константинъ Богрянородный* плѣнился ея достоинствами. Духовныя и государственныя причины присоединялись къ его склонности. Онъ предлагалъ россійской княгинѣ вступить съ нимъ въ супружество; но она пристойнымъ образомъ избѣжала отъ сей чести, которая не согласовалась ни съ сердцемъ ея, ни съ лѣтами

Ольга, приступая къ Святому Крещенію, выбрала въ воспріемники самого императора; потомъ она не могла уже быть супругою своему отцу крестному, и Константинъ долженъ былъ погасить свое желаніе, содѣлавшееся противнымъ закону.

Онъ отпустилъ ее со многими дарами въ отечество, куда, возвратившись Святая Ольга, начала просвѣщать людей познаніемъ Истиннаго Бога. Но свѣтъ Евангельскій не озарилъ еще тогда всю Россію, и большая часть народа осталась въ прежнемъ невѣріи; почему и Святославъ не послѣдовалъ увѣщаніямъ своей матери, которая тщетно старалась склонить его къ *Христіанству*: ибо онъ боялся возмутить чрезъ то противъ себя подданныхъ. Въ сихъ обстоятельствахъ, Святославъ частію началъ уже княжить еще при жизни своей матери, которая потомъ ѣздила во Псковъ, обновила сей городъ и соорудила тамъ церковь во имя *Святыя Троицы*.

—

СВЯТОСЛАВЪ.

Склонность къ войнѣ отъ самыхъ юныхъ лѣтъ содѣлалась главною страстію Святославовою. Владычество же, пріобрѣтаемое оружіемъ и храбростію, нравилось народу, находившему въ единыхъ побѣдахъ свое благосостояніе. Святославъ вскорѣ пріучилъ своихъ воиновъ къ строгой жизни, какую самъ испытывалъ. Шатры, постели, поварни, излишнія одѣянія, повозки и все, что можетъ служить къ роскоши или упокоенію, изгнано было изъ его стана. Поле являлось его жилищемъ, твердая земля служила ему вмѣсто постели, сѣдло въ изголовье; отъ ловли звѣрей мясо, печеное на угольяхъ, было ему пищею; легкая одежда и добрый конь сокращали медленность путей къ дальнѣйшимъ странамъ, гдѣ только онъ предпринималъ ставить свои знамена. Таковъ былъ Святославъ, таковы были его воины!

Но колико сей государь счастливъ былъ въ побѣдахъ, толико неосмотрителенъ въ послѣдствіяхъ оныхъ; ибо, для удержанія завоеваннаго, для содѣланія выгоднаго мира и союза съ народами, для совершеннаго ихъ покоренія, для утвержденія безопасности въ собственныхъ своихъ владѣніяхъ, потребны, сверхъ мужества и храбрости, другія качества, каковыя не менѣе были бы полезны Святославу.

Сей государь, въ первыхъ лѣтахъ своего владѣнія, ходилъ съ войскомъ къ рѣкамъ *Окѣ* и *Волгѣ*, требовать дани отъ Вятичей; но сіи тогда находились подъ покровительствомъ Козаръ и имъ дань платили; Святославу же отказали въ его требованіи. И такъ онъ, дабы надежнѣе содѣлать Вятичей своими данниками, вознамѣрился покорить прежде Козаръ, ихъ защитниковъ.

Предпріятіе его имѣло желаемые успѣхи: Козары хотя вышли на сопротивленіе, но были въ конецъ разбиты. Побѣдители взяли *Саркелъ* (Бѣлу-Вежу, Бѣлую Весь), ихъ столицу, съ другими городами; послѣ чего Святославъ легко принудилъ Вятичей платить себѣ дань, ибо тогда они не давали уже оной Козарамъ.

Греческій императоръ *Никифоръ Фока*, вѣдая храбрость войскъ Святославовыхъ и дабы отвести толь страшнаго непріятеля отъ бранныхъ помысловъ противъ Константинополя, прислалъ къ нему посольство, склонить его идти войною на Болгаръ, кои предъ симъ отказали императору въ помощи, какой онъ требовалъ отъ нихъ противъ Венгровъ, тогдашнихъ своихъ непріятелей. Святославъ, ища побѣдъ и корысти, охотно соглашается на предложеніе отъ императора, наступаетъ на Болгаръ, побиваетъ ихъ во многихъ случаяхъ, беретъ множество городовъ по Дунаю и тамъ, ради военныхъ и торговыхъ способностей, забывая отечество, помышляетъ утвердить столицу въ *Переславцѣ* (по древнему названію въ *Мегалополемѣ*.)

Во время же, какъ Святославъ въ отдаленныхъ странахъ простиралъ свое оружіе, приводилъ въ трепетъ непріятелей, налагалъ на нихъ дани и пріобрѣталъ новыя области, Печенѣги, въ великомъ числѣ, напали на земли россійскія, и уже подступивъ къ Кіеву, со всѣхъ сторонъ его окружили, такъ что осажденные Кіевляне, не могли ни помощи получить, ни увѣдомить когоглибо о своемъ состояніи. Сама великая княгиня Ольга со внучатами своими, дѣтьми Святославовыми: Ярополкомъ, Олегомъ и Владиміромъ, находясь тогда въ Кіевѣ, ввержена была въ опасность отъ облежащихъ силъ непріятельскихъ Въ сей крайности, однако, мужественная сія государыня явила свойственную ей бодрость духа, который, казалось, будто переселялся во всѣхъ ея воиновъ. Она повелѣваетъ затворить ворота городскія и на стѣнахъ отражать силу силою. Печенѣги тщетно покушаются со всѣхъ сторонъ приступить къ городу; вездѣ встрѣчаютъ равное непреодолимое сопротивленіе; отвсюду съ безполезнымъ урономъ возвращаются и теряютъ надежду взять Кіевъ силою оружія. Между тѣмъ, они умышляютъ Кіевлянамъ гибель болѣе вѣрную: заграждаютъ всѣ пути, доставляющіе воду и нужные припасы къ жизни. Голодъ и жажда въ обложенномъ городѣ изнуряютъ жителей, неустрашимыхъ отъ приступовъ непріятельскихъ. Истощеніе тѣла легко приводитъ духъ въ уныніе; увядаетъ храбрость воиновъ. Страшная смерть возноситъ пагубную косу въ помощь Печенѣ-

гамъ, и малое число храбрыхъ защитниковъ Кіева умаляется.

Разные Россійскіе народы, подъ предводительствомъ именуемаго *Притича*, хотя собрались къ защищенію отечества, но, не вѣдая крайней опасности сограждань своихъ, стояли въ виду города, на другой сторонѣ рѣки, или для отвлеченія Печенѣговъ отъ Кіева, или для невозможности, за превосходнымъ непріятельскимъ числомъ, подать своимъ надежную помощь; ибо надлежало пробиваться къ городу сквозь безчисленныя толпы войскъ, его окружающихъ.

Уже Кіевляне совѣщаются не о храбромъ защищеніи отечества, но о сохраненіи жизни, прекращаемой голодомъ, и опредѣляютъ сдать городъ, если назавтра за рѣкою стоящія ихъ войска не подадутъ имъ помощи. Надлежало увѣдомить о томъ Притича; но не было способа посланному изъ Кіева достичь въ станъ его.

При таковомъ общемъ всѣхъ недоумѣніи, нѣкто юноша, любитель своего отечества, котораго имя, къ сожалѣнію, умолчено въ Исторіи, вызвался, не взирая на всѣ опасности, увѣдомить Притича о состояніи Кіева. Онъ выходитъ съ уздою непримѣтно изъ города и идетъ сквозь Печенѣговъ, ихъ языкомъ спрашивая: не видалъ ли кто ушедшаго безъ узды коня его? Печенѣги принимаютъ юношу за своего и сожалѣютъ о его несчастіи; а между тѣмъ онъ пробирается къ рѣкѣ, скидываетъ съ себя одѣяніе и пускается вплавь на другой берегъ, къ единоземцамъ.

Печенѣги познаютъ тогда хитрость юноши, но тщетно уже за нимъ гонятся и пускаютъ въ него стрѣлы. Притичевы воины, видя погоню и плывущаго къ нимъ человѣка, уразумѣваютъ его быть отъ своихъ посланнаго, подспѣваютъ встрѣчу съ лодками и увозятъ сохранно въ станъ свой. Юноша даетъ вѣдать Притичу состояніе Кіевскихъ жителей и опасность, въ какой находятся Святославовы мать и дѣти. По сему извѣстію Притичъ предпринялъ, не взирая ни на какія опасности, спасать городъ.

Въ слѣдующій день, на разсвѣтѣ, россійскій полководецъ садится на суда съ своими силами; трубные гласы въ войскѣ его и въ городѣ подаютъ другъ другу знаки о своихъ движеніяхъ. Притичевы воины летятъ по водамъ на сопротивный берегъ; храбрость и надежда сіяютъ на челахъ ихъ: Кіевляне воспринимаютъ новую бодрость, подкрѣпляемую надеждою. Печенѣги въ изумленіи, видя таковую смѣлость войскъ плывущихъ и слыша побѣдительные клики въ городѣ, мнятъ, что самъ Святославъ пришелъ на помощь къ Кіеву; наполняются страхомъ, мятутся, недоумѣваютъ и, оставя городъ, обращаются въ бѣгство. Тогда россійскіе воины выходятъ безпрепятственно на берегъ, срѣтаемы изъ города великою княгинею, князьями и всѣми гражданами; потомъ обще предпринимаютъ мѣры къ утвержденію своей безопасности.

Печенѣжскій князь остановился въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ Кіева и прислалъ просить дозво-

ленія свидѣться съ Притичемъ, для переговоровъ. Сей полководецъ, въ дозволенномъ отъ него свиданіи, хитро увѣрилъ печенѣжскаго государя, что будто онъ пришелъ только съ передовымъ войскомъ, и что по немъ идетъ Святославъ, съ безчисленными силами, мстить за опустошеніе своихъ владѣній.

Имя Святославово страшно было его непріятелямъ. Печенѣжскій князь просилъ Притича быть ему другомъ; и предъ отшествіемъ, въ знакъ своего къ нему почтенія, подарилъ ему коня, стрѣлы и саблю. Россійскій же полководецъ, съ своей стороны, подарилъ печенѣжскому государю щитъ, мечъ и броню.

Дружба сія, по видимому, продолжалась только до того времени, какъ Печенѣги примѣтили вымышленное увѣреніе о приближеніи Святослава съ войскомъ. Кіевляне, находясь въ новой отъ Печенѣговъ опасности, послали къ государю своему извѣстіе о гибели, въ какую они его отсутствіемъ были ввержены, и съ просьбою, чтобъ онъ поспѣшилъ предохранить отъ обстоящихъ золъ отечество. И такъ, Святославъ немедленно возвращается въ Кіевъ, разбиваетъ Печенѣговъ и прогоняетъ ихъ изъ своихъ областей. 967.

Святославъ удержанъ былъ потомъ на время въ Кіевѣ прошеніями своей матери, которая, заболѣвъ, въ крайнемъ изнеможеніи, предчувствовала приближающуюся свою кончину. Блаженная княгиня Ольга, не въ долгомъ времени, къ общему всѣхъ оскорбленію, преселилась, съ хри-

969. стіанскими завѣщаніями, отъ временной жизни къ вѣчной, въ четвертомъ-надесять году послѣ своего крещенія. Во вдовствѣ была двадцать четыре года, въ супружествѣ за Игоремъ сорокъ одинъ годъ; всея же жизни ея было около осьмидесяти лѣтъ.

Я упомяну здѣсь о двухъ женахъ Святославовыхъ, кои извѣстны по Исторіи: единая была болгаргская княжна, именуемая *Предслава*, вторая же *Милуша*, ключница Ольгина, родомъ Славянка: сія была мать Владимірова.

Стремительная склонность къ войнѣ вела Святослава испытывать часто крайности, которыя благоразуміе предвидитъ и упреждаетъ. Сей государь, безъ предусмотрѣнія въ намѣреніяхъ, назначивъ Переславцу (въ Болгаріи) быть себѣ столицею, и дабы утвердить власть свою въ Россіи, далъ въ удѣлы сыновьямъ своимъ: Ярополку Кіевъ, Олегу Коростенъ, съ принадлежащими къ симъ удѣламъ землями; но учинилъ ихъ подвластными себѣ княженіями. Между тѣмъ Новгородцы просили себѣ въ князья Владиміра, третьяго сына Святославова, по внушенію Добрыни, брата Малушина, дяди Владимірова. Святославъ равномѣрнымъ образомъ удовольствовалъ ихъ прошеніе, и Владиміръ отправился въ Новгородъ съ Добрынею.

Должно здѣсь примѣтить, что отъ временъ Руриковыхъ совокупленная Россія тогда въ первый разъ на части раздѣлилась; ибо сіе раздѣле-
970. ніе въ послѣдствіи произвело разные образы прав-

ленія, и удѣльные князья не могли пребывать въ согласіи, какъ скоро содѣлались самовластными.

Таково учредивъ правленіе государства, Святославъ пошелъ съ войскомъ въ Болгарію. И хотя подъ Переславцемъ нашелъ отъ Болгаръ сильное сопротивленіе, но напослѣдокъ ихъ побѣдилъ, взялъ сей городъ и въ немъ чаялъ утвердить свое пребываніе.

Святославъ воевалъ потомъ при императорѣ 971.
Іоаннѣ Цимисхіи (Земиссесѣ) съ Греками. Онъ, подъ Коростеномъ въ Болгаріи, отважился съ десятью тысячами человѣкъ напасть на многочисленное греческое войско, предводимое самимъ императоромъ. Россіяне вначалѣ устрашены были великимъ превосходствомъ силъ непріятельскихъ; но Святославъ, храбрымъ своимъ примѣромъ и увѣщаніемъ воиновъ, преклонилъ къ себѣ побѣду.

Исторія сохранила произнесенную тогда имъ рѣчь, которая можетъ служить здѣсь къ изображенію свойствъ сего государя: «О, воины! (говорилъ онъ) побѣдимъ или умремъ. Намъ нѣтъ «инаго убѣжища. Не посрамимъ россійскаго име«ни. Я первый пойду предъ вами; и если убіенъ «буду, помышляйте тогда сами о своей должно«сти». Воины единогласно отвѣтствовали: «Мы «всѣ готовы умереть съ тобою!»

Греки были разбиты и просили мира. Они послали къ побѣдителю богатые дары, чая прельстить его златомъ и драгоцѣнными каменьями; но онъ принялъ сіи дары съ презрѣніемъ, и не

удостоилъ пословъ говорить съ собою. Греки, искушая Святослава разными образами, отправили къ нему другихъ пословъ, кои поднесли ему отъ императора мечъ и прочія оружія. Святославъ принялъ оные съ изъявленіемъ особливаго удовольствія, изъ котораго Греки легко уразумѣли, сколь полезно было пребывать въ мирѣ съ таковымъ государемъ, который предпочитаетъ желѣзо злату.

Предложены были мирныя условія. Святославъ, по примѣру побѣдоносцевъ, своихъ предковъ, истребовалъ отъ Грековъ поголовную дань на все свое войско; но въ семъ случаѣ взялъ оную не только на число живыхъ, но и на число убитыхъ воиновъ, дабы тѣмъ воспользовались сихъ послѣднихъ родственники.

Такимъ образомъ поставленный миръ пресѣкъ съ обѣихъ сторонъ военныя дѣйствія; но нельзя было утвердиться на условіяхъ, въ коихъ видимо было принужденіе и временное только согласіе, по уваженію обстоятельствъ. Святославъ, властвуя въ Болгаріи силою оружія, не могъ быть тамъ любимъ своими подданными, привыкши, въ христіанскомъ законѣ уже около тридцати лѣтъ, болѣе къ кроткому правленію. Войско его оставалось малочисленно; на вѣрность же Болгаръ онъ не могъ полагаться: ибо прежній ихъ государь былъ тогда подъ покровительствомъ имперіи и, безъ сомнѣнія, имѣлъ тайныхъ друзей въ отечествѣ. Печенѣги, поселившіеся между Россіею и Болгаріею, были непріятели Святославу,

и онъ не получалъ изъ Россіи себѣ помощи. Для сихъ обстоятельствъ Святославъ посылалъ отъ себя пословъ къ императору, дабы исправить и утвердить постановленный между имперіею и Россіею миръ, который отчасу становился ему нужнѣе. Императоръ, съ своей стороны, не менѣе желалъ онаго. Сей миръ былъ возобновленъ и заключенъ на такихъ договорахъ: «чтобъ Болгарія принадлежала императору, и «чтобъ россійскій государь, признаваемый уже «другомъ и союзникомъ имперіи, не нападалъ «болѣе на земли владѣнія греческихъ императо-«ровъ, ни на болгарскія, ни на корсунскія (хер-«сонскія или крымскія)».

Въ слѣдствіе сего мира, Святославъ долженъ былъ возвратиться въ Россію. Тщетно Свенельдъ, воевода его, представлялъ, чтобъ онъ не водянымъ путемъ ѣхалъ въ отечество: ибо по Днѣпру черезъ пороги надлежало идти мимо Печенѣговъ, россійскихъ непріятелей. Святославъ, отринувъ благоразумныя представленія, отправился изъ Переславца водою. Болгары не преминули предувѣдомить Печенѣговъ о семъ путешествіи россійскаго государя, о маломъ числѣ при немъ войска и о богатствахъ, кои онъ везетъ съ собою. Печенѣги засѣли на островахъ у пороговъ. Святославъ, не доѣзжая оныхъ, принужденъ былъ зимовать на мѣстѣ, называемомъ *Бѣлобережье*. Тамъ онъ съ людьми своими претерпѣвалъ крайній во всемъ недостатокъ и голодъ, окруженный непріятелями. При наступленіи весны, Святосла-

ву оставалось только избирать себѣ родъ гибели. Онъ предпринялъ, въ отчаяніи, съ изнуренными голодомъ людьми, пробиться сквозь Печенѣговъ: тогда Куря, князь ихъ, напалъ на Россіянъ, вскорѣ ихъ побѣдилъ, и самого Святослава убилъ; потомъ имѣлъ варварское удовольствіе сдѣлать изъ его черепа чашу, на которой написалъ: «чужаго искавъ, свое потерялъ».

Свенельдъ, съ самымъ малымъ числомъ, по нѣкоторому счастію, пробился сквозь непріятелей и, пришедъ въ Кіевъ, увѣдомилъ Ярополка о бѣдственной смерти отца его. Святославъ княжилъ обще съ матерью двадцать семь лѣтъ; кончилъ жизнь на сороковомъ году отъ рожденія.

РАЗНЫЯ КНЯЖЕНІЯ.

ЯРОПОЛКЪ, ОЛЕГЪ и СВЯТОЙ ВЛАДИМІРЪ

(въ крещеніи Василій).

Смерть Святославова прекратила зависимость трехъ князей, сыновей его, отъ верховной власти. Каждый изъ нихъ содѣлался самодержавнымъ въ своемъ владѣніи, безъ всякаго установленія союза между собою. А сіе раздѣленіе Россіи по-

дало многимъ народамъ поводъ отступить отъ прежняго россійскимъ князьямъ подданства: ибо раздѣленныя между ними силы не могли болѣе содержать въ страхѣ областей, покоренныхъ оружіемъ. Къ тому жъ раздоры между сими князьями братьями, и послѣдовавшія междоусобныя брани, приводили государство въ истощеніе.

Ярополкъ, на престолѣ въ Кіевѣ, столицѣ отцевъ своихъ, имѣя передъ братьями старшинство лѣтъ и въ главномъ своемъ удѣлѣ количественныя преимущества, былъ весьма склоненъ къ злоупотребленію оныхъ; честолюбивъ безъ правилъ, предпріимчивъ безъ твердости, другъ и недругъ безъ разсмотрѣнія; слѣдуя же почти всегда пагубнымъ совѣтамъ пристрастныхъ вельможъ, былъ, можно сказать, несчастный рабъ рабовъ своихъ.

Нѣкогда Олегъ, братъ его, на звѣриной ловлѣ умертвилъ сына кіевскаго вельможи, Свенельда, за продерзость его на земляхъ Древлянскихъ. Посему отецъ, дабы отмстить смерть сына, легко подвигъ слабаго своего государя къ вооруженію противу Олега, представивъ ему къ войнѣ множество причинъ, ласкающихъ властолюбію. Ярополкъ наступилъ на Древлянскія земли, подобно какъ на непріятельскія. Побѣжденный Олегъ, подъ городомъ Вручемъ (Овручовымъ), спасающійся бѣгствомъ, сверженъ былъ съ моста 977.
въ рѣку, со множествомъ людей своихъ. Но когда мертвое его тѣло послѣ было отъискано и принесено къ Ярополку, то онъ горько надъ

нимъ плакалъ, укоряя Свенельда злодѣйственными совѣтами и смертію брата своего. Олегъ княжилъ въ своемъ удѣлѣ пять лѣтъ.

И такъ, по смерти его, Ярополкъ, князь кіевскій, содѣлался властителемъ купно древлянскихъ областей. Владиміръ же въ Новгородѣ, увѣдавъ о бѣдственной смерти своего брата и опасаясь отъ усилившагося Ярополка равной себѣ участи, разсудилъ заблаго убѣжать къ Варягамъ, своимъ союзникамъ.

Между тѣмъ Ярополкъ, движимый своимъ властолюбіемъ, не преминулъ воспользоваться обстоятельствами. Онъ, въ отсутствіе Владимірово, не взирая на раздѣлъ отеческій, безъ войны завладѣлъ Новгородомъ, посадилъ въ немъ правителями бояръ своихъ и объявилъ себя единодержавнымъ во всей Россіи.

Въ таковомъ положеніи дѣлъ, честолюбіе Ярополково было разными образами удовольствовано.
978. Печенѣги ему покорились, платили дань и въ его службу пришелъ печенѣжскій князь Гильдея, которому онъ далъ земли и города. Греки возоб-
979. новили съ Россіею миръ и дали ему дань, какую платили его отцу и дѣду. Напослѣдокъ, папа присылалъ къ нему посольство. Толико всегда уважаема была Россія въ соединеніи!

Владиміръ, однако, употребилъ всевозможныя средства къ доставленію себѣ отъ Варяговъ помощи. Онъ нанимаетъ ихъ войска, идетъ съ оными къ своему удѣльному княженію. Жители Новгорода, преданные сердцами Владиміру, ра-

дуются о его пришествіи. Воеводы Ярополковы безполезно увѣщеваютъ народъ къ сопротивленію, недоумѣваютъ въ совѣтахъ, робѣютъ въ полкахъ своихъ и не производятъ никакого браннаго дѣйствія. Владиміръ, не извлекая меча, восходитъ на прежній княжескій престолъ свой, выгоняетъ изъ города правителей Ярополковыхъ и повелѣваетъ имъ возвѣстить брату своему, что онъ пойдетъ на него войною, яко на убійцу и врага своихъ единокровныхъ.

Уже Владиміръ готовъ былъ двинуться съ силами къ Кіеву, когда Ярополкъ проводилъ время въ единыхъ совѣтахъ и спрашивалъ у воеводы своего, Блуда, что̀ ему дѣлать. Блудъ, вѣдая скудный умъ и неспособность своего государя, толико внутренно презиралъ его, колико былъ преданъ Владиміру, который умѣлъ пріобрѣтать себѣ друзей и услужниковъ между самыми непріятелями. Сей Блудъ, по склонности къ новгородскому князю, привелъ своими совѣтами Ярополка въ такую оплошность, что онъ, не взирая на объявленіе отъ Владиміра, пребывалъ спокоенъ безъ всякихъ военныхъ приготовленій, но паче готовился къ браку, каковымъ чаялъ совершить свое счастіе.

Рогвольдъ, князь, пришедшій изъ-за моря, владѣтель Полоцка, имѣлъ у себя дочь Рогнеду, которой славимая красота привлекала желанія государей. Ярополкъ и Владиміръ оба просили ее у Рогвольда себѣ въ супружество; но первый предупредилъ послѣдняго посольствомъ, счастли-

выми побѣдами и, можетъ быть, нѣкоторою побѣдою надъ сердцемъ Рогнединымъ. Отецъ оставилъ выборъ на волю дочери, а сія не преминула предпочесть Ярополка Владиміру, котораго дѣла были тогда въ сомнительномъ положеніи. Союзъ его отверженъ былъ съ нѣкоторымъ презрительнымъ отвѣтомъ, и Владиміръ толико симъ ожесточился, что, оставивъ на время, предпріятую войну съ Ярополкомъ, сугубымъ своимъ соперникомъ, пошелъ на Полоцкъ, сразился съ Рогвольдомъ, разбилъ его войско, убилъ сего князя и двухъ сыновей его; Рогнеду же взялъ
980. за себя, не взирая на прежній отказъ ея.

Сіе долженствовало бы напослѣдокъ удостовѣрить Ярополка о дѣйствіяхъ силъ Владиміровыхъ и побудить къ предосторожности; но побѣдитель Полоцка имѣлъ время, безъ всякаго отъ кіевскаго князя сопротивленія, подступить къ его столицѣ. Однако, трудно было взять приступомъ городъ; почему Владиміръ, вѣдая доброжеланіе къ себѣ Блудово, воспользовался онымъ. Слабый Ярополкъ, совѣтомъ сего хитраго вельможи, оставилъ Кіевъ и ушелъ въ Родень (Городень); но и тамъ, въ осадѣ, терпя голодъ, постигаемъ былъ гибелью. Народное бѣдствіе тогда оскорбляло Владиміра, и онъ отъ осажденнаго города возвратился въ Кіевъ, по условію съ Блудомъ, который, между тѣмъ, совѣтовалъ своему государю предаться, ради спасенія, въ руки брата и удовольствоваться, чѣмъ онъ наградитъ его. Варяжко, другой вельможа Ярופол-

ковъ, хотя представлялъ ему пагубный совѣтъ Блудовъ и способъ уйдти къ Печенѣгамъ, откуда могъ бы онъ получить вспоможеніе противъ Владиміра; но Ярополкъ, неспособный познавать вѣрность и дружество, предпочелъ коварное мнѣніе спасительному совѣту, поѣхалъ въ Кіевъ, и тамъ, въ чертогахъ Владиміровыхъ, пронзенъ подъ пазухи мечами, отъ двухъ воиновъ, въ присутствіи предателя своего, Блуда, который, по вступленіи Ярополковомъ въ пагубную для него храмину, тотчасъ затворилъ 980.
двери оной. А Варяжко, увѣдавъ о его убіеніи, убѣжалъ къ Печенѣгамъ, и въ послѣдствіи оттуда воевалъ Владиміра до того времени, какъ сей увѣрилъ его клятвами въ прощеніи и безопасности его особы. Ярополкъ княжилъ семь лѣтъ.

КНЯЖЕНІЕ КІЕВСКОЕ И НОВГОРОДСКОЕ.

СВЯТОЙ ВЛАДИМІРЪ.

(единовластитель).

Военные успѣхи Владиміровы явили уже начало его въ Россіи единовластія, которое напослѣдокъ, смертію Ярополковою, воспріяло совершенный образъ.

Сіе княженіе предлагаетъ намъ знаменитѣй-
980. шую эпоху въ Россіи. Священная память оной останавляетъ перо мое, при описаніи свойствъ государя, который глубокую тму невѣрія озарилъ свѣтомъ Христовымъ, и область, терномъ грубости покрытую, преобразилъ въ цвѣтущій Эдемъ спасительнаго ученія. Но какъ Исторія должна быть зерцаломъ истины, то представляемыя въ ней слабости и заблужденія человѣческія да обратятся въ похвалу исправленнымъ, и да будутъ во исправленіе не наказаннымъ!

Мнѣнія, времена и разныя обстоятельства порабощаютъ разумъ. Страсти, влекущія человѣка часто къ предосудительнымъ дѣйствіямъ, суть тѣ же страсти, которыя производятъ въ немъ наипохвальнѣйшія чувствованія, какъ скоро устремятся къ достойному предмету своего влеченія. Часто самая добродѣтель, въ достиженіи блага, принуждается прибѣгать къ жесточайшимъ сред-

ствамъ и крайностямъ, измѣняющимъ навремя естественный образъ ея; и часто благонамѣреннѣйшій человѣкъ, по виду нѣкоторыхъ дѣлъ своихъ, строго судится, если конецъ ихъ не оправдитъ его передъ свѣтомъ; ибо таковъ есть общій жребій человѣчества, что люди не всегда избираютъ полезнѣйшія средства, и не всегда бываютъ въ успѣхахъ счастливы.

Владиміръ вначалѣ является жестоконравенъ и неумѣренъ во всѣхъ страстяхъ своихъ; стремителенъ во гнѣвѣ, притомъ предпріимчивъ, смѣлъ и твердъ въ предпріятіяхъ, но побѣждаемъ безпредѣльнымъ любострастіемъ. Напослѣдокъ, многія черты, изображающія Владиміра въ непросвѣщенномъ бытіи его, заглаждаются добродѣтелями, наипрекраснѣйшими въ государствованіи и въ общежитіи человѣческомъ. Такъ Владиміръ, пріявъ законъ, «облекся въ новаго человѣка,» какъ говоритъ Священное Писаніе.

По возшествіи Владиміровомъ на престолъ всероссійскаго княженія, онъ не укоснилъ употребить власть свою въ удовольствіе господствовавшей въ немъ страсти. Прекрасный полъ въ Россіи тогда подверженъ былъ подобной невольнической участи, въ каковой оный осужденъ понынѣ почти у всѣхъ азіятскихъ народовъ. Великое множество женъ и наложницъ Владиміровыхъ, въ разныхъ мѣстахъ содержанныхъ, всегда было умножаемо новыми сего рода жертвами. Оставшая Ярополкова жена, Гречанка, бывшая монахиня, плѣненная Святославомъ въ

войнѣ съ Греціею и ради красоты Ярополку отданная, Владиміромъ также взята беременная, въ число женъ его. Отъ нея родился Святополкъ, котораго Владиміръ усыновилъ въ утробѣ матерней, но не могъ любить въ послѣдствіи, или для того, что не признавалъ своимъ сыномъ, или для того, что видѣлъ въ немъ сіе злонравіе, которое, по смерти отцовой, содѣлалось ужасомъ человѣчества, какъ будетъ въ своемъ мѣстѣ описано.

Изъ всѣхъ женъ Владиміровыхъ, въ его непросвѣщеніи, означаются слѣдующія: первая, родомъ Чехиня, которая родила Вышеслава; вторая, Рогнеда, дочь Рогвольда князя полоцкаго, родившая Изяслава, Ярослава, Всеволода и двухъ дочерей: Предславу и Премиславу, изъ коихъ одна была въ супружествѣ за Болеславомъ Храбрымъ королемъ польскимъ, а другая за Андреемъ королемъ венгерскимъ; третья жена Владимірова была упомянутая Гречанка, мать Святополкова; четвертая, другая Чехиня, отъ которой родились: Святославъ и Мстиславъ; пятая, Болгарыня, произведшая Бориса и Глѣба. Кромѣ сихъ дѣтей Владиміровыхъ, считаются также Позвиздъ и Судиславъ, рожденные отъ наложницъ.

Владиміръ, наконецъ, въ христіанскомъ супружествѣ, имѣлъ еще сына Станислава и дочь Марію, бывшую потомъ за Казиміромъ Первымъ, королемъ польскимъ, переименованную въ Польшѣ Доброгнѣвою, отъ которой произо-

или многіе европейскіе государи. И такъ, всѣхъ дѣтей у Владиміра является двѣнадцать сыновей и три дочери, во времена обычаевъ, по каковымъ сыновья отца владѣтельнаго получали каждый себѣ особенное владѣніе. Благополучна была бы всегда Россія, если бы обычаи государей всегда были споспѣшны ея славѣ и возвышенію.

Владиміръ, при началѣ своего княженія, долженъ былъ успокоить возмутившихся Варяговъ, коихъ онъ напредъ сего нанялъ на войну себѣ въ помощь. Они твердо требовали окупу съ кіевскихъ жителей по двѣ гривны съ человѣка, говоря, что они взяли городъ безъ всякой себѣ корысти, и что онъ принадлежитъ имъ по праву завоеванія. Таковое, частію справедливое требованіе, подкрѣпленное войскомъ, которому Владиміръ не былъ въ состояніи противиться, восколебало власть его и принудило прибѣгнуть къ хитрости. Онъ выпросилъ у нихъ на мѣсяцъ сроку, а тѣмъ временемъ тихо приготовился къ сильному отпору, въ случаѣ ихъ приступа. Варяги, наконецъ, увидѣвъ, что они отъ Владиміра требуемаго награжденія получить не могутъ, просили, чтобъ онъ, по малой мѣрѣ, способствовалъ имъ идти войною на Грецію, гдѣ бы они корыстьми воспользовались. Владиміръ притворился, что онъ съ радостью на то соглашается; но въ самомъ дѣлѣ удержалъ у себя лучшихъ людей изъ Варяговъ, разными милостями и награжденіями; прочихъ же отпустилъ въ Грецію, по предварительномъ увѣдомленіи Ва-

силія и Константина, тогда въ Константинополѣ царствовавшихъ, о ихъ походѣ; причемъ совѣтовалъ симъ императорамъ подговорить ихъ къ себѣ въ службу и послѣ разослать въ разныя мѣста, дабы они въ соединенныхъ силахъ не могли вредить имперіи.

Владиміръ въ самомъ своемъ непросвѣщеніи отличался отъ сихъ невѣрныхъ, кои не берегли всякое богослуженіе. Онъ чувствовалъ важность и пользу закона въ то время, когда между его подданными почти никакого не было, или былъ не истинный, который слабо проницалъ сердца дикихъ народовъ, невѣдующихъ ученія. Сей государь, рожденный и возросшій въ заблужденіяхъ, влекомый примѣрами предковъ и современниковъ, ревнительный къ благосостоянію подданныхъ, обуреваемый въ волнахъ житейскаго моря, слѣдовалъ силѣ всенароднаго невѣжества. Святое ученіе, каковымъ бабка его, благовѣрная княгиня Ольга, могла наставить юность князей, ею воспитанныхъ, по видимому, не было напечатлѣно въ ихъ памяти. Владиміръ усугубилъ благоговѣніе къ богамъ отцевъ своихъ и почтеніе къ скипетру. Онъ поставилъ въ Кіевѣ множество новыхъ идоловъ. Первый былъ Перунъ, богъ молніи и грома. Образъ его былъ человѣческій; голова у него была серебряная, усы золотые, тѣло деревянное, ноги желѣзныя. Въ рукѣ держалъ онъ каменное подобіе громовой стрѣлы, осыпанное яхонтами и другими драгоцѣнными каменьями. На алтарѣ его возженъ

былъ огнь, который жрецы, подъ смертнымъ страхомъ, долженствовали хранить неугасаемымъ. Сей идолъ стоялъ на высокомъ холмѣ, надъ потокомъ, именуемымъ Буричевымъ. Послѣ же его почитаемы были: Хорсъ, Дажба, Стриба, Семаглъ, Мокошъ, Волосъ богъ скотовъ, Позвиздъ богъ воздуха, Ладо богиня веселій, Купало богъ плодовъ земныхъ, Коляда, Леля и другіе, которымъ легковѣрный народъ, яко своимъ хранителямъ, поклонялся и посвящалъ разныя жертвы. Самая жизнь человѣческая имъ была приносима: невинная кровь разумнаго созданія проливалась на алтаряхъ предъ истуканами. Рѣки и озера имѣли также своихъ поклонниковъ и жертвоприносителей.

Владиміръ, воздвигнувъ капища посреди Кіева, препоручилъ подобныя учрежденія въ Новгородѣ Добрынѣ, дядѣ своему, который тамъ, по примѣру Владимірову, распространилъ идолослуженіе; главнаго же идола, Перуна, для всенароднаго ему поклоненія, поставилъ на берегу Волхова.

Потомъ Владиміръ помышлялъ о возвращеніи себѣ областей и народовъ, кои принадлежали его предкамъ; но послѣ смерти Святославовой, во время бывшаго раздѣленія и раздоровъ между князьями, одни за другими отъ Россіи отпали. Того ради вначалѣ пошелъ онъ на Мечислава, короля польскаго, бывшаго тогда въ войнѣ съ 981.
Богемцами, взялъ у него Перемышль, Червенъ и многіе другіе города; потомъ обратился на югъ.

Тамъ покорилъ онъ двукратно Вятичей, которые, по тщетномъ упорствѣ, принуждены были давать Владиміру дань, какую съ нихъ бралъ
982. отецъ его. Владиміръ равнымъ образомъ покорилъ Ятвяговъ, и, по возвращеніи своемъ въ
983. Кіевъ, опредѣлилъ принесть, въ возблагодареніе за свои побѣды, богамъ жертву. Старцы и бояре, во мнимомъ богопочитаніи, приговорили привесть на заколеніе кого либо изъ юношей или дѣвицъ, по жребію. Но сей жребій лукаво былъ навлеченъ на нѣкоего христіанина, родомъ Варяга, котораго отецъ безполезно вопіялъ противу лжесвятости и безчеловѣчія. Онъ и сынъ его отъ народа убиты, яко богохульники; въ послѣдствіи же Церковь посвятила ихъ память въ число мучениковъ (см. въ Житіяхъ Святыхъ Ѳеодора и Іоанна, Іюля 12 числа).

984. Въ наступившемъ году Владиміръ ходилъ воевать Радимичей; но сей походъ не былъ труденъ: ибо посланный съ передовымъ войскомъ его воевода, именуемый *Волчій Хвостъ*, встрѣтивъ непріятелей у рѣки Пещаны, разбилъ и содѣлалъ россійскими данниками.

Тогда Владиміръ вознамѣрился устремить силы свои на Болгаръ, кои въ седьмомъ вѣкѣ, перешедъ за Дунай, поселились около Чернаго Моря, и отдѣлялись отъ жившихъ по берегамъ Волги и въ Великой Болгаріи. А для успѣха въ семъ намѣреніи, онъ призвалъ въ помощь къ себѣ Добрыню, своего дядю, съ новгородскимъ войскомъ, и совокупно отправился водою на непрія-

теля. Между тѣмъ повелѣлъ Торкамъ идти сухимъ путемъ туда же. Сіи Торки, тогдашніе россійскіе подданные, были выходцы изъ Торкестаніи, поселившіеся около рѣкъ Прута и Сырети. Напослѣдокъ Владиміръ, побѣдивъ Болгаръ 985.
и заключивъ съ ними полезный миръ, возвратился со славою въ Кіевъ.

Сей государь имѣлъ у себя въ службѣ не только князей, подвластныхъ Россіи, но и чужестранныхъ королевичей. Сигурдъ, братъ Астриды, королевы норвежской, и въ послѣдствіи Олавъ, сынъ ея, гонимые въ своемъ отечествѣ, находили при дворѣ Владиміровомъ себѣ убѣжище. Отецъ сего Олава, Тригонъ, король норвежскій, вѣроломными поступками вооружилъ противъ себя королей шведскаго и датскаго, отъ которыхъ, бывъ побѣжденъ въ морскомъ сраженіи, бросился самъ въ море, и такъ кончилъ жизнь. Тогда Астрида, жена его, съ малолѣтнымъ Олавомъ, принуждена была спасаться бѣгствомъ въ Россію, къ брату своему, Сигурду, находившемуся въ службѣ у Владиміра. Но переѣзжая Варяжское Море, впала она въ руки морскихъ разбойниковъ. Олавъ былъ разлученъ съ матерью и достался одному эстляндскому жителю, Клеркону, который промѣнялъ его на козла другому, а сей отдалъ за кафтанъ и поясъ еще другому, именуемому Реасу, у коего Олавъ служилъ шесть лѣтъ въ невольничествѣ. Въ то время Сигурдъ, посланный отъ Владиміра для собранія дани въ Эстляндію, по случаю, увидѣлъ

сего юношу, и находя, что видъ его не согласовался съ невольническимъ состоянiемъ, распросилъ его о родѣ; признавъ же за своего племянника, сына Астриды, сестры своей, наслѣдника норвежскаго престола, выкупилъ изъ неволи и привезъ въ Кiевъ, скрывая до времени родъ его: ибо узаконенiе въ Россiи не дозволяло никому отъ рода чужестранныхъ государей въѣзжать, безъ воли Владимiровой, въ его области. По нѣкоторомъ времени Олавъ, ходя по городу, встрѣтилъ Клеркона, своего господина, за козла его продавшаго, и, въ первомъ жарѣ воспаленнаго мщенiя, разсѣкъ ему голову. Законъ россiйскiй позволялъ народу всякаго смертоубiйцу умерщвлять на мѣстѣ убiйства; но Олавъ имѣлъ время убѣжать въ домъ къ Сигурду, а сей, не мѣшкавъ, привелъ его во дворецъ, просилъ княгиню Ольгу, единую изъ супругъ Владимiровыхъ, принять его въ свое покровительство, и, по ея заступленiю, Владимiръ простилъ вину его. Потомъ Ольга, узнавъ о происхожденiи и несчастiяхъ Олава, приняла его къ себѣ и содержала приличнымъ образомъ его высокому роду. Олавъ былъ послѣ въ знатныхъ чинахъ, служилъ во многихъ походахъ при Владимiрѣ и наконецъ отпущенъ съ честiю и награжденiемъ въ отечество.

Изъ сего произшествiя примѣтны только нѣкоторыя узаконенiя въ древней Россiи, какъ помянуто о чужестранцахъ государскаго рода и о смертоубiйствѣ: узаконенiя на политикѣ и

естествѣ основанныя. Но являющіеся совѣты Владиміровы, то есть, собранія старцевъ и бояръ, при разныхъ случаяхъ, какъ будетъ описано, даютъ разумѣвать притомъ и другія законоданія, нужныя къ государственному благоустроенію. Владиміръ весьма уважалъ мнѣнія нѣкоторыхъ мужей, отличныхъ достоинствами и сѣдиною, споручницею многихъ въ жизни опытовъ. Выборомъ же таковымъ государственныхъ попечителей (боляръ, или бояръ), чтимыхъ въ народѣ, онъ привлекалъ къ себѣ довѣренность и любовь отъ первыхъ до послѣднихъ. такъ, что народъ, при самыхъ великихъ перемѣнахъ и узаконеніяхъ, доброхотно повиновался волѣ князя и бояръ своихъ, говоря: «Если бы то было худо, князь и бояре бы не приговорили».

Владиміръ, въ самомъ стремленіи гнѣва, не былъ изъ числа жестокосердыхъ, не умягчающихся ни просьбою, ни покорностью, ни жалостью. Слѣдующій примѣръ являетъ, что милость господствовала въ душѣ его и превозмогала мщеніе.

Рогнеда, о которой выше упомянуто, нареченная въ супружествѣ за Владиміромъ Гореслава, не могла принудить себя любить искоренителя своего рода, разорителя отечества, наглаго своего похитителя почти изъ рукъ предназначеннаго супруга и, наконецъ, смерти его виновника. Всѣ сіи несчастія, приключенныя Владиміромъ, всегда живо изображались въ ея памяти. А къ тому она была удостовѣрена, что Владиміръ не имѣлъ къ ней толь нѣжной любви, какая могла

бы наградить его жестокости; но, напротивъ того, онъ сослалъ ее въ Либединъ, куда отъ времени до времени пріѣзжая, поступалъ съ нею господственно. Горeслава, во всегдашней печали, въ презрѣніи, въ неволѣ, почитала напослѣдокъ Владиміра злобнѣйшимъ своимъ врагомъ и мучителемъ. Огорченный разумъ внушаетъ ей способъ къ отмщенію, и отчаяніе, ожесточающее сердце, подаетъ смѣлость, несвойственную ея полу. Во время, какъ Владиміръ, пріѣхавъ къ ней, сномъ успокоевается въ сіе время, способное убійственному предпріятію, Горeслава вооружается кинжаломъ, возноситъ трепещущую руку на супруга, ей толико ненавистнаго; но Владиміръ въ самую сію минуту отъ сна пробуждается и отвращаетъ отъ себя смертоносное оружіе. Устрашенная Горeслава, безсильная въ мщеніи, изъявляетъ всѣ досады, таившіяся въ сердцѣ ея, укоряетъ Владиміра причиненіемъ всѣхъ ея бѣдствій, суровымъ къ ней презрѣніемъ и напослѣдокъ нелюбленіемъ сына ея, Изяслава, младенца, отъ него несчастную жизнь пріявшаго. Владиміръ, раздраженный еще болѣе таковыми укоризнами, повелѣваетъ ей облещись въ брачное одѣяніе, сѣсть на ложе въ свѣтломъ чертогѣ и тамо ожидать отъ руки его достойной себѣ казни. По видимому, сей образъ смерти почитался нѣкоторою милостію, въ разсужденіи супруги княжеской.

Горeслава исполнила повелѣніе Владимірово. Тогда Изяславъ, сынъ ея, увѣдомленный о произшествіи, сталъ съ мечемъ въ рукѣ возлѣ ма-

тери. Разгнѣванный князь, по вшествіи въ чертогъ, былъ пораженъ симъ зрѣлищемъ, и наипаче произнесенною рѣчью отъ младого Изяслава: «Отче», говорилъ онъ ему, «прими мечъ сей, и вонзи прежде въ сердце мнѣ, да не вижду смерти матери моей». Видъ сына и супруги, не столь виновной, сколь несчастной, побѣдилъ мщеніе, на которое Владиміръ тщетно уповалъ въ первомъ движеніи гнѣва. Онъ бросилъ мечъ и вышелъ изъ чертога съ угрызеніями совѣсти. Размысливъ же и ощутивъ несправедливости и огорченія, каковыя долженствовали ожесточить противу его Гореславу, собралъ совѣтъ старцевъ и бояръ, которымъ изъявилъ бывшее съ нимъ приключеніе и свое раскаяніе; а сіи охотно, подражая великодушнымъ чувствованіямъ своего государя и отступая отъ древнихъ варварскихъ мнѣній, оправдали болѣе Гореславу, нежели Владиміра. Они приговорили князю возобновить ея отечество, и отослать ее на удѣлъ съ сыномъ. Сіе ихъ мнѣніе, сходственное съ мыслями Владиміровыми, произведено было въ дѣйство. Онъ построилъ тамъ городъ, и нарекъ его по имени Изяслава, своего сына.

Разныя же побѣды Владиміровы надъ внѣшними и внутренними непріятелями, и распространенныя россійскія области содѣлали имя его толико славнымъ на Востокѣ и Западѣ, что многіе 986.
государи присылали къ нему посольства, каждый желая утвердить союзъ съ симъ княземъ и привлечь его въ свою вѣру.

Нѣтъ сомнѣнія, что Владиміръ внутренно отдаленъ былъ отъ идолопоклонства, какое онъ возставилъ въ своихъ владѣніяхъ, или ради обузданія дикаго народа какимъ ни есть закономъ, или ради пріученія его къ послушанію вѣры; онъ искалъ источника истиннаго ученія и разума, который напослѣдокъ разлился на всѣ страны, ему подвластныя. Ясно же видится, что самые чужеземцы вѣдали презрѣніе его къ кумирамъ и склонность къ истинному Богопочитанію, безъ чего не отважились бы предлагать ему о премѣненіи его вѣры на ту, какую кто изъ нихъ исповѣдывалъ.

Первые явились Болгары, изъ жившихъ на низу Волги и содержавшихъ вѣру Магометанскую. Они представили россійскому князю разныя прелести Магометова ученія, позволяющаго многоженство и прочее, но питіе вина запрещающаго. Ему весьма нравилось дозволеніе имѣть многихъ супругъ: ибо Владиміръ, подобно Соломону, женолюбивъ былъ безмѣрно; но вино, веселящее сердце человѣка, главное услажденіе его народа, казалось ему также нужно. И такъ не восхотѣлъ принять вѣры, которая лишаетъ человѣка свободы пить по своему произволенію.

Потомъ пріѣзжали къ Владиміру посланные отъ папы, и къ римско-католицкому исповѣданію его привлекали. Но вѣра ихъ являлась ему весьма противною обычаямъ въ Россіи; почему они отпущены были съ отказомъ, какъ и первые.

Жиды, изъ Козарской области, предстали так-

же къ Владимiру и увѣщевали его принять законъ ихъ, понося Вѣру Христiанскую. Владимiръ вопросилъ ихъ, гдѣ имѣютъ они область? И какъ они отвѣтствовали, что нигдѣ земли своей не имѣютъ, а живутъ въ разсѣянiи по вселенной, за прегрѣшенiя отцевъ своихъ, то россiйскiй князь отпустилъ ихъ съ сими жестокими словами: «Если вы за прегрѣшенiя отъ Бога отвержены и по чужимъ землямъ скитаетесь: то какъ смѣете приглашать насъ къ участiю въ вашихъ гибеляхъ?»

Напослѣдокъ, присланъ былъ къ Владимiру отъ Грековъ философъ, именуемый Кириллъ (или Киръ). Сей, представивъ ему заблужденiя Магометовы, мудрованiя Латинянъ и невѣрствiе Iудеевъ, привлекъ вниманiе его къ ученiю вѣры греческой. Повѣствованiя Ветхаго и Новаго Завѣта, въ устахъ философа, воспрiяли новую важность, и сердце Владимiрово наполнилось сладостнымъ влiянiемъ словесъ Божественныхъ. Ищущiй закона, князь ощутилъ дѣйствiе истины, вѣщаемой гласомъ премудрости, но не могъ приступить ко крещенiю, не испытавъ и не приготовивъ къ тому разумы вельможъ и народа; почему, отложивъ оное до нѣкотораго времени, отпустилъ философа съ великими дарами и честiю.

Владимiръ не умедлилъ потомъ собрать старцевъ и бояръ своихъ, которымъ повѣдалъ вину упомянутыхъ посланiй и склонность свою къ вѣрѣ греческой, утверждаясь на сказанiяхъ философовыхъ. Тогда старцы и бояре рекли князю: «Да испытаетъ собою и увѣдаетъ истину; ибо ни-

кто не хулитъ своего закона, но проповѣдуетъ святость онаго».

Сомнѣніе и осторожность бояръ были надежными признаками исполненія желаній Владиміровыхъ; ибо не находилъ онъ отъ совѣта себѣ въ томъ другого противорѣчія. И такъ, по общему приговору, опредѣлено было отправить искуснѣйшихъ и благоразумнѣйшихъ мужей къ Болгарамъ, Латинянамъ и Грекамъ, для разсмотрѣнія вѣръ ихъ, и для подробнаго донесенія о томъ напослѣдокъ Владиміру.

987. Избранные къ сему послы скоро въ путь отправляются, обтекаютъ Болгарію, шествуютъ въ Римъ и напослѣдокъ прибываютъ въ Константинополь, къ императорамъ Василію и Константину. Они повѣдаютъ имъ вину своего посланія, съ радостію пріемлются отъ сихъ монарховъ и приглашаются въ храмъ правовѣрныхъ къ Божіему славословію. Тогда патріархъ самъ является въ торжественномъ чинѣ Богослуженія. Велелѣпіе святыни, сладкое пѣніе, соборъ богослужителей съ истиннымъ благоговѣніемъ, и все окружающее плѣняетъ взоръ и слухъ пословъ россійскихъ и восхищаетъ мысли ихъ къ Богу, Котораго они познать желаютъ. И такъ они, наполненные духомъ благочестія, возвращаются отъ императоровъ съ дарами и пріязнію въ отечество.

Представъ же предъ князя, старцевъ и бояръ кіевскихъ, послы извѣстили имъ вначалѣ видѣнное и слышанное у Болгаръ и въ Римѣ, гдѣ они не находили достойнаго Богу служенія; наконецъ

изобразили вѣру греческую съ похвалою, столь усердною, что просили Владиміра дозволить имъ принять оную и жить въ Константинополѣ. Старцы и бояре отложили тогда сомнѣніе о превосходствѣ Христіанской Вѣры надъ прочими, и тако рекли Владиміру: «Когда бы худъ былъ законъ греческій, не воспріяла бы его бабка твоя, Ольга, всѣхъ человѣкъ мудрѣйшая». Потомъ всѣ воскликнули, что они готовы къ крещенію, гдѣ благоволитъ Владиміръ. Не доставало только священнаго чина къ усыновленію ихъ Апостольской Церкви.

Владиміръ, сохраняя еще остатокъ языческаго тщеславія, не хотѣлъ выпрашивать духовныхъ особъ у константинопольскихъ императоровъ, но вознамѣрился пріобрѣсть ихъ, яко побѣдитель, и гордость героя низложить предъ сосудомъ святого крещенія и сего дѣйствителемъ. Того ради, собравъ великое войско, пошелъ на Таврикію (Крымъ), взялъ Ѳеодосію (Каѳу), а оттуда слѣдовалъ къ древнему Херсону (Корсуну) и сталъ на лучный выстрѣлъ отъ онаго. Онъ требовалъ сдачи сего осажденнаго города; но жители, имѣя сильное охранительное войско, свободную морскую пристань и надежду къ полученію всегдашней помощи, не склонялись на требованіе.

Тогда россійскій князь повелѣваетъ воинамъ своимъ насыпать городской ровъ землею, дабы устроить себѣ свободный путь къ приступу. Между тѣмъ осажденные, подкопавшись подъ

стѣну, къ тому мѣсту, гдѣ сія работа происходила, переносятъ по ночамъ землю въ городъ, по мѣрѣ ея насыпанія отъ осаждающихъ, трудъ ихъ тщетнымъ содѣлываютъ, и уже шесть мѣсяцевъ осада безъ успѣха продолжается.

Владиміръ имѣлъ причины щадить жителей, къ которымъ онъ пришелъ научиться христіанскому миролюбію, и преклоняя осажденныхъ страхомъ оружія, не упустилъ, какъ видится, употребить къ тому способъ увѣреній, въ каковыхъ онъ всегда былъ счастливъ. Херсонскій протопресвитеръ, именуемый Анастасъ, подвигнутый усердіемъ къ россійскому князю, ищущему просвѣщенія, и дабы прекратить долговременную осаду, весьма изнурительную для города, пустилъ въ станъ россійскій стрѣлу, такъ, что она пала возлѣ шатра княжескаго. На стрѣлѣ сей являлось нѣкое написаніе; оно немедленно было истолковано и содержало слѣдующее: «Позади твоего стана, на восточной сторонѣ, обрящешь источники, изъ коихъ подземными трубами протекаетъ прѣсная вода, напояющая городъ: пресѣки ихъ теченіе». Таковое ревностное извѣщеніе впечатлѣло въ сердцѣ Владиміровомъ сію истину, что добродѣтели государей, повсюду, гдѣ только слава ихъ проникнуть можетъ, въ войнѣ и въ мирѣ, содѣлываютъ имъ споспѣшниковъ.

И такъ, Владиміръ немедленно повелѣваетъ пресѣчь означенныя водныя трубы. Тогда Херсонскіе жители, лишенные нужнѣйшаго къ жизни способа, безъ сопротивленія сдаются. Побѣ-

дитель съ войскомъ вступаетъ въ городъ, гдѣ привлекаетъ къ себѣ людей не страхомъ и суровостью, но снисхожденіемъ, кротостью и милосердіемъ. По взятіи же Херсона, покоряется Владиміру и вся Таврикія.

Потомъ Владиміръ отправилъ пословъ къ Василію и Константину, греческимъ императорамъ, просить у нихъ себѣ въ супружество сестру ихъ, цесаревну Анну, пребывавшую тогда дѣвою. Императоры отвѣтствовали, что они, яко Христіане, не могутъ отдать сестры своей за идолопоклонника, но съ радостію согласятся на его желаніе, если онъ приметъ крещеніе. На сіе Владиміръ послалъ объявить императорамъ, что онъ, получивъ уже довольное понятіе о Христіанской Вѣрѣ отъ философа ихъ, Кирилла, предупредилъ желаніемъ своимъ ихъ требованіе, и что въ семъ точно намѣреніи взялъ Таврикію, дабы тамъ просвѣтиться Свѣтомъ Евангельскимъ; но проситъ къ тому императоровъ привести самимъ, или прислать къ нему прежде цесаревну, дабы она имѣла удовольствіе присутствовать при торжествѣ всѣхъ принадлежащихъ ей побѣдъ надъ богами и сердцемъ его. Посему, вопрошенная отъ императоровъ цесаревна, вначалѣ хотя отрицалась ѣхать къ некрещенному князю, по предразсужденію, какое Греки имѣли о государяхъ языческихъ; но напослѣдокъ, бывъ убѣждена духовными и политическими причинами, согласилась на предложеніе, и въ немедленномъ времени, къ великому обрадованію Владиміра и херсонскихъ жителей,

прибыла на корабляхъ, съ приличнымъ великолѣпіемъ, въ сей городъ.

Владиміръ не укоснилъ потомъ очиститься отъ слѣпоты душевной, помрачавшей разумъ его въ идолослуженіи: воспріялъ благодать Святаго Крещенія въ соборной церкви, чрезъ епископа херсонскаго; а по его примѣру крестились не только всѣ бывшіе при немъ Россіяне, но и князь печенѣжскій Метеганъ, тогда къ нему пришедшій. Торжество же крещенія Владимірова усугублено было радостнымъ для всѣхъ бракосочетаніемъ его съ цесаревною Анною, которая, привлекши всю расточенную любовь его къ единому достойному предмету, легко полезными своими совѣтами обращала ко всякому благотворенію чувствительное его сердце.

Константинопольскіе императоры, извѣщенные чрезъ пословъ отъ Владиміра о его крещеніи и бракѣ, прислали, по просьбѣ его, при взаимномъ къ нему посольствѣ, митрополита Михаила, родомъ Сирина. Сей былъ первый митрополитъ въ Россіи.

По союзу же съ сестрою императоровъ, Владиміръ, уставивъ твердый миръ съ ними, возвратилъ имъ Херсонъ и всю Таврикію; взялъ только изъ сего города мощи святого Священномученика Климента и ученика его, Фива, церковныя книги, всякія священныя утвари, протопресвитера Анастаса и другихъ духовнаго чина людей, съ которыми отправился въ Россію, уже не въ образѣ

прежняго идолочтителя, но яко государь-христіанинъ.

По возвращеніи своемъ въ Кіевъ, Владиміръ, увѣщевавъ народъ свой къ воспріятію жизнодательной Вѣры, разорилъ капища, низвергъ идоловъ; Перуна же, главнаго бога, повелѣлъ бить палицами и потомъ низринуть въ Днѣпръ, дабы народъ удостовѣрился въ тщетномъ своемъ упованіи на идола, который самъ себѣ помощи подать не можетъ. Тогда митрополитъ Михаилъ основалъ на берегу, гдѣ Перунъ былъ сверженъ, первый въ Россіи монастырь во имя *Архистратига Михаила*, наименованный *Златоверхій*, уподобляя низверженіе идола древнему низверженію діавола отъ сего Архангела: и вскорѣ народъ отложилъ вѣру къ прежнимъ богамъ своимъ.

Между тѣмъ Владиміръ повелѣлъ всѣмъ Кіевлянамъ собраться въ опредѣленный день на рѣку Почайную для крещенія. Народъ любилъ сего князя съ толикою къ нему довѣренностію, что безъ роптанія и съ удовольствіемъ исполнялъ его волю, разсуждая по обыкновенію своему: «Если бы то было худо, князь и бояре бы не приговорили». Уготовлены были на рѣкѣ по разнымъ мѣстамъ плоты, на которыхъ, въ надлежащее время, явились священники для совершенія таинства Святого Крещенія, и всѣ стеклись къ воспріятію онаго. Вельможи, чиновники, воины и граждане, богатые и убогіе, старые, юные и младенцы, мужескъ и женскъ полъ всякаго состоянія, по повелѣнію княжескому, вступили въ

воду, и по кучамъ, пріемля имена святыхъ угодниковъ, всѣ крещены были.

Въ то же время митрополитъ самъ крестилъ всѣхъ двѣнадцать сыновъ Владиміровыхъ въ ближнемъ ручьѣ, который отъ сего проименованъ Крещатикомъ. Ярославъ нареченъ Георгіемъ, Борисъ Романомъ, Глѣбъ Давыдомъ; прочихъ же христіанскія имена не извѣстны.

Ученіе вѣры человѣколюбной вліяло въ сердце Владимірово добродѣтели, соединенныя съ сею вѣрою. Жестоконравіе его, принятое отъ дикаго воспитанія и примѣровъ, премѣнилось въ кротость христіанскую; мстительныя чувствованія уступили мѣсто великодушію; твердость въ честныхъ правилахъ послѣдовала своеобычному упрямству самодержателя; напослѣдокъ власть его содѣлалась всѣмъ благотворительною. Владиміръ распустилъ всѣхъ своихъ супругъ и наложницъ, давъ имъ великія награжденія, и многихъ изъ нихъ выдалъ въ христіанское супружество за знатнѣйшихъ людей въ своемъ княженіи; началъ созидать повсюду храмы служенія Богу истинному, и первый воздвигъ на холму, гдѣ прежде стоялъ Перуновъ идолъ, то есть, церковь Спаса, яко нѣкій трофей во знакъ побѣды благочестія надъ зловѣріемъ. Для сооруженія же великолѣпнѣйшаго храма въ честь Пресвятыя Богородицы, выписалъ изъ Греціи каменщиковъ и искуснѣйшихъ художниковъ, препоручивъ смотрѣніе надъ симъ зданіемъ протопресвитеру Анастасу, и отдавъ туда же всѣ драгоцѣнныя утвари церков-

ныя, изъ Херсона привезенныя. Притомъ опредѣлилъ навсегда десятую часть своихъ доходовъ къ сей церкви, потому названной *Десятинной*; а по окончаніи зданія, перенесъ туда тѣло бабки своей, блаженной Ольги, и вписалъ память ея между святыми; поставилъ главнымъ священнослужителемъ сего храма того же Анастаса протопресвитера; опредѣлилъ вѣдать духовныя дѣла, по сборнымъ уставамъ, духовному чину, и написалъ грамоту, утверждающую его княжескіе обѣты, которую положилъ въ сію церковь подъ заклятіемъ, чтобъ никто изъ преемниковъ его не нарушалъ оной. И такъ, можно думать, что при Владимірѣ были и гражданскіе законы написанные.

Нужно было тогда угобзить ниву Божественнаго сѣянія тукомъ премудрости, почерпаемой въ Священномъ Писаніи. Того ради Владиміръ завелъ въ Кіевѣ училища, для наученія юношества славяно-россійской грамотѣ и закону христіанскому. Грубость и невѣжество возстенали отъ слуха истины, ихъ поражающей, и многія матери вначалѣ плакали о дѣтяхъ своихъ, просвѣщаемыхъ ученіемъ, подобно какъ о умершихъ; но вскорѣ возчувствовали пользу причиненнаго имъ насилія.

Во время же, какъ въ Кіевѣ насаждаемо было благочестіе и добронравіе, Владиміръ отправилъ митрополита Михаила въ Новгородъ и другія области россійскія, для обращенія народа къ единой Православной Вѣрѣ, которая, тщаніемъ сего священнаго мужа, во всѣхъ мѣстахъ съ равнымъ

успѣхомъ была проповѣдуема. Сей Михаилъ и послѣдовавшій по немъ митрополитъ Леонтій были въ Россіи первыми орудіями Евангельскаго просвѣщенія, строя повсюду церкви и поставляя священниковъ и епископовъ ко стаду новопросвѣщенныхъ, требующихъ пастырей.

Владиміръ, распространяя Вѣру, прилагалъ равное попеченіе и о всякомъ государственномъ благоустроеніи. Онъ населилъ пространныя степи вокругъ Кіева разными народами; а тѣмъ пріумножилъ силы государственныя, открылъ свободные пути торговлѣ и содѣлалъ преграду частымъ непріятельскимъ набѣгамъ на россійскія земли. Притомъ построилъ множество городовъ по рѣкамъ: Деснѣ, Трубежѣ, Сулѣ и по другимъ;
989. между прочими, Бѣлгородъ, который онъ любилъ отлично. Ѣздивъ же въ Суздальскую землю, тамъ
991. построилъ, неподалеку отъ Суздаля, также городъ, славный въ послѣдствіи, и нарекъ оный по своему имени, Владиміръ. Въ сей странѣ онъ самъ, съ двумя бывшими при немъ греческими митрополитами, проповѣдалъ Христіанскую Вѣру и насадилъ ея ученіе, тогда уже по всей Россіи распространившееся. Онъ посылалъ нѣкоего философа Марка Македонянина и къ Болгарамъ, содержащимъ законъ магометанскій, о коихъ было упомянуто; но сіи не познали душеспасительной истины и остались въ прежнемъ заблужденіи. Четыре только изъ князей ихъ пріѣхали къ Владиміру въ Кіевъ и тамъ крестились. Между тѣмъ одинъ изъ печенѣжскихъ князей, именуе-

мый Кучугъ, принялъ также въ Кіевѣ Христіанскую Вѣру, вступилъ въ службу россійскаго князя и храбростью своею оказалъ въ войнѣ противу невѣрныхъ важныя ему услуги.

Около сего времени папа Іоаннъ XV присылылъ къ Владиміру пословъ, кои тогда не смѣли уже преклонять сего князя къ римскому католицкому исповѣданію, видя твердое его прилѣпленіе къ Вѣрѣ Греческой. И тогда Преподобный Антоній Кіевопечерскій, родомъ Любичанинъ, явился въ Россію, свое отечество, изъ Аѳонской горы, гдѣ онъ воспріялъ иноческій образъ. Пришедъ же къ Кіеву и не возлюбивъ общежитія въ тамошнихъ монастыряхъ, сперва отшелъ къ Берестову и вселился въ пещеру, ископанную Варягами близъ сего города. Тамъ пребывалъ онъ по время Святополкова княженія въ Кіевѣ; а тогда паки удалился на время въ Аѳонскую гору.

Владиміръ, расширитель границъ, насадитель истинной Вѣры, созидатель городовъ, устроитель областей, мнилъ притомъ исполнить долгъ отца чадолюбиваго раздѣленіемъ Россіи на части сыновьямъ своимъ; и можетъ быть, что противныя тому политическія разсужденія, подкрѣпляемыя недавнимъ примѣромъ князей, его братьевъ, безсильны были премѣнить тогдашній обычай таковыхъ раздѣловъ. Онъ далъ каждому особое удѣльное княженіе: Вышеславу Новгородъ, Изяславу Полоцкъ, Ярославу Ростовъ, а по смерти Вышеславовой Новгородъ, Всеволоду Владиміръ, Святополку Туровъ, Святославу Коростенъ, Мсти-

славу Тмутаракань (Астрахань), Борису Ростовъ, по переведеніи оттуда Ярослава въ Новгородъ, Глѣбу Муромъ, Позвизду Смоленскъ, Судиславу Псковъ. Но сіи удѣльныя княженія, вначалѣ подсудныя Кіевскому, потомъ мало по малу воспрінимали каждое особый образъ правленія, по произволу князей своихъ.

Присемъ, когда Владиміръ упражнялся въ исполненіяхъ разныхъ своихъ намѣреній, Печенѣги, отъ времени до времени, не преставали набѣгами своими безпокоить Россію, наипаче въ отсутствіе его изъ Кіева, хотя всегда были побѣждаемы и прогоняемы. Владиміръ, послѣ счастливаго
992. похода на Хорватовъ, отъ него напослѣдокъ побѣжденныхъ, принужденъ былъ паки выступить въ поле противу нашедшихъ на его земли Печенѣговъ. Онъ встрѣтился съ ними у рѣки Трубежи на бродѣ. Оба войска, раздѣленныя рѣкою, стояли безъ дѣйствія; ни которое не отважилось идти въ бродъ на другую сторону къ непріятелю. Наконецъ, печенѣжскій князь предложилъ Владиміру, вмѣсто кровопролитной сѣчи двухъ сильныхъ войскъ, выслать отъ каждаго по единому борцу; и если побѣдитъ Печенѣгъ Россіянина, то Печенѣгамъ довольствоваться три года даньми отъ Россіи; если же счастливъ будетъ послѣдній, то имъ три года не воевать противу оной. Владиміръ принялъ за благо сіе предложеніе, но истребовалъ нѣсколько дней сроку: ибо не былъ приготовленъ къ таковому случаю и не вѣдалъ, есть ли у него въ войскѣ богатыри, способные къ

побѣжденію высылаемаго отъ Печенѣговъ, котораго великое тѣло и страшный видъ приводили въ ужасъ дотолѣ многихъ представленныхъ ему соперниковъ. Объявлено было съ трубнымъ гласомъ въ войскѣ Владиміровомъ, что если кто найдется богатырь, могущій браться съ Печенѣгомъ, тотъ явился бы ко своему князю, обѣщающему побѣдителю всякія милости и награжденія. Но всѣ страшились сего новаго Голіафа, и долго никто не являлся на вызовъ. Уже князь начиналъ отчаяваться въ обрѣтеніи искомаго, и былъ погруженъ въ уныніи; тогда предсталъ предъ него нѣкій старый воинъ, служащій въ войскѣ его съ четырьмя сынами, и тако вѣщалъ Владиміру: «Государь! жизнь моя и дѣтей моихъ принадлежитъ отечеству. Во младости моей не отрекся бы я самъ сразиться съ гордымъ и страшнымъ исполиномъ, вызывающимъ нынѣ отъ Россіянъ себѣ соперника; но нагбенная старость, въ изнеможеніи силъ, представляетъ къ услугамъ твоимъ единое только усердіе. Я и дѣти мои, служащіе нынѣ въ полкахъ твоихъ, готовы сражаться съ самыми ужасными чудовищами за славу и честь Россіи; однако я болѣе ожидаю успѣха отъ младшаго моего сына, въ домѣ моемъ оставленнаго. Во свидѣтельство силы его могу представить тебѣ, государь, опыты, мною видѣнные. Сей юный сынъ мой, нѣкогда, по ремеслу своему, выкраивая ремни, потянулъ въ рукахъ небрежно воловью кожу и разодралъ надвое.»

Владимiръ, исполненъ радостiю отъ сего извѣщенiя, послалъ гонцовъ за младымъ ременщикомъ, который вскорѣ представленъ былъ предъ князя. Сей не имѣлъ ни великаго роста, ни звѣрскаго вида ужасающаго; но въ видѣ его блистали вѣрность, надежда, побѣда, съ жаромъ смѣлой юности. На опытъ силы его выпущенъ былъ наивеличайшiй дикiй волъ, горячимъ желѣзомъ разъяренный: отъ свирѣпости его и страшнаго рева содрогнулись всѣ зрители. Младой воинъ съ легкостью, стрѣлѣ подобной, устраняется отъ стремящагося на него звѣря, останавливаетъ его, ухвативъ рукою за бокъ, отторгаетъ нѣсколько ребръ отъ тучнаго его тѣла, и едва живого отъ себя бѣжать пускаетъ.

По таковомъ испытанiи, Владимiръ далъ знать Печенѣгамъ, чтобъ они выслали въ уреченное мѣсто и время своего витязя. Оба войска долженствовали присутствовать при семъ сраженiи, и стали по двумъ сторонамъ въ виду богатырей, сошедшихся на срединѣ. Грозный Печенѣгъ, увидѣвъ малый ростъ и юность лѣтъ бойца, противъ него высланнаго, презиралъ сего соперника и смѣялся его смѣлости. Но Россiянинъ, не взирая на угрозы великотѣлеснаго своего непрiятеля, подступаетъ къ нему безстрашно. Тщетно гордый исполинъ сильными размахами чаетъ поразить юношу: сей уклоняется отъ пораженiй и легкою ухваткою подъемлетъ своего сопротивника, ударяетъ о землю, потомъ, схвативъ поверженнаго за гортань, сжимаетъ толь крѣпко,

что принуждаетъ его извергнуть духъ въ рукахъ своихъ. Тогда Печенѣги, видя позорное побѣжденіе богатыря, отъ нихъ представленнаго, со стыдомъ побѣжали, и три года въ послѣдствіи не воевали Россію.

Владиміръ, любя награждать заслуги и воздавать честь достоинствамъ, наименовалъ сего витязя *Переяславомъ*, яко переявшаго славу у Печенѣговъ; обогатилъ и произвелъ въ знатные чины весь родъ его; въ память же побѣды, на мѣстѣ оныя построилъ городъ, назвавъ его по имени побѣдителя Переяславлемъ.

По прошествіи трехъ лѣтъ, Печенѣги паки 996.
вступили въ Россію и осадили городъ Василевъ. Владиміръ, вознадѣясь на храбрость войскъ своихъ, отважился съ малымъ числомъ пойти противу сихъ непріятелей, кои всегда отъ него были побѣждаемы. Но онъ собственнымъ несчастіемъ извѣдалъ тогда чрезмѣрность своего упованія. Печенѣги легко разбили малое его войско; онъ самъ былъ раненъ и едва спасъ жизнь, укрывшись подъ мостомъ. Непріятели не отважились простирать далѣе свои побѣды; но Владиміръ почиталъ за счастіе возвращеніе свое въ отечество.

Сей государь уставилъ послѣ въ Кіевѣ великолѣпныя пиршества, кои всегда при дворѣ его были возобновляемы. Къ симъ частымъ веселіямъ приглашалъ онъ не только князей, вельможъ, чиновниковъ, но и людей всякаго состоянія; причемъ находилъ случаи помогать бѣднымъ разны-

ми образами. Человѣколюбіе его простиралось и на тѣхъ, кои, за болѣзнію или за другими причинами, не могли приходить къ празднествамъ его. Онъ повелѣлъ возить по улицамъ яства и питія и раздавать требующимъ: казалось, что каждый тогда раздѣлялъ съ государемъ своимъ его богатство и изобиліе.

Нѣкогда Кіевляне, упоенные на пиру у своего князя, возроптали: почто кладутъ имъ деревянныя ложки, а не серебряныя? Многіе изъ придворныхъ почли сіи жалобы дерзновенными; но Владиміръ, привлекая всячески въ любовь къ себѣ подданныхъ, тако вѣщалъ къ вельможамъ: «Сребро и злато потому только мнѣ драгоцѣнны, «что могутъ служить ко удовольствію друзей «моихъ. Я съ ними пріобрѣлъ богатства, съ ни«ми всегда могу пріобрѣсть ихъ; хранимыя же «сокровища не дадутъ мнѣ толь вѣрныхъ друзей, «соучаствующихъ въ моихъ трудахъ и несча«стіяхъ.» И тотчасъ повелѣлъ ковать серебряныя ложки, кубки, чашки и прочее, для всѣхъ гостей своихъ, которые послѣ не имѣли уже причины негодовать на недостатокъ при столахъ великолѣпія, каковое въ тѣ времена употребляли только знатнѣйшіе люди.

При сихъ торжествахъ человѣколюбія, благопріятныя всѣхъ угощенія привлекли ко двору кіевскаго государя многихъ королевичей, князей и всякаго рода храбрыхъ витязей, кои всѣ ставили себѣ въ честь служить подъ его знаменами и оказывали ему важныя услуги въ разныхъ слу-

чаяхъ. Тогда появились въ Россіи славные богатыри и рыцари, каковы Мальфредъ Сильный, Александръ Поповичъ, Иванъ Ушмовецъ, Илья Муромецъ, Рахтай Удалой, который одинъ выѣзжалъ на триста воиновъ, и прочіе извѣстные въ древнихъ россійскихъ повѣстяхъ, украшенныхъ чудными вымыслами и странными наименованіями героевъ того времени.

Но поколику самые полезные уставы подвержены злоупотребленію, и общее счастіе распространяется часто на людей неблагодарныхъ; то человѣколюбіе и снисхожденіе Владимірово сдѣлалось нѣкоторымъ поводомъ къ злодѣйственному устремленію многихъ въ народѣ тунеядцевъ, обуявшихся піянствомъ и праздностью. Во многихъ мѣстахъ тогда появились разбойники и востревожили тишину и безопасность жителей. Христіанская кротость Владиміра долго сопротивлялась правосудію, требующему казни злодѣевъ. Напослѣдокъ духовный соборъ прислалъ къ князю моленіе, да накажетъ злыхъ праведнымъ гнѣвомъ и прещеніемъ, къ успокоенію мирно живущихъ; и да не втуне сіи уповаютъ на милость и судъ его, яко гибель единаго злодѣя спасетъ многихъ невинныхъ. Владиміръ не усомнился тогда употребить строгость для усмиренія необузданныхъ, и вскорѣ разбои прекращены были.

Сей государь, возставивъ внутреннюю тишину въ своемъ владѣніи, желалъ утвердить и внѣшнюю его безопасность, отъ стороны Печенѣговъ, всегдашнихъ своихъ непріятелей. Несчастіе на-

учило его подкрѣплять храбрость числомъ; почему онъ отправился прежде въ Новгородъ, дабы тамъ собрать лучшее войско, и послѣ съ умноженною силою идти внутрь земли Печенѣжской. Но Печенѣги, увѣдавъ объ отсутствіи Владиміровомъ, предупредили его намѣреніе. Они вступили съ другой стороны въ Россію, осадили новопостроенный Бѣлгородъ; и какъ не были искусны въ осадѣ городовъ, то предприняли, окруживъ оный, принудить къ сдачѣ голодомъ. Бѣлгородцы, безъ надежды къ помощи, предупреждая послѣдующую гибель, совѣщавались уже сдать городъ. Въ сей крайности, нѣкто почтенный старецъ испросилъ согражданъ своихъ, чтобъ они имѣли три дня еще терпѣнія и не сдавались. Тѣмъ временемъ онъ велѣлъ собрать довольно пшеничной, ржаной и овсяной муки, сдѣлать въ чанахъ кисельный растворъ, притомъ набрать меду и развести въ другихъ чанахъ сыту; оба же раствора особо впустить въ разные ископанные для сего колодези, чрезъ проведенныя къ нимъ подземныя трубы, такъ чтобъ сіи колодези могли наполняться, по мѣрѣ изъ нихъ черпанія. Когда же все сіе было изготовлено, онъ послалъ къ Печенѣгамъ просить отъ нихъ въ городъ повѣренныхъ для договоровъ, дая отъ себя имъ залоги. Печенѣги, скучившіе отъ долговременнаго стоянія въ полѣ и въ чаяніи, что Бѣлогородцы желаютъ сдаться, послали къ нимъ знатнѣйшихъ мужей своихъ. Осажденные представили тогда посланнымъ, сколь тщетно они уповаютъ

принудить къ сдачѣ городъ, котораго жители получаютъ изъ колодезей своихъ всегда довольную себѣ пищу: во удостовѣреніе же при нихъ черпали растворъ, варили кисель, потомъ съ сытою отъ другого колодезя ѣли, и Печенѣговъ тѣмъ подчивали. Сіи дикіе люди, питающіеся мясами въ полѣ и невѣдущіе хлѣбной пищи, похваляя вкусъ предлагаемый, легко дались въ обманъ и испросили отпустить съ ними, для показанія своимъ начальникамъ, нѣсколько сего земного дара. Свидѣтельство посланныхъ, самовидцевъ таковыхъ колодезей, совершенно увѣрило печенѣжскихъ князей о невозможности овладѣть городомъ; почему сіи за благо разсудили отступить и оставить безполезную осаду жителей, которые имѣютъ счастіе владѣть толь сладкими и питательными источниками.

Владиміръ, возвратясь изъ Новогорода, повидимому, упражнялся въ другихъ важныхъ дѣлахъ; ибо въ Исторіи не повѣствуется объ исполненіи предпріятаго имъ похода въ землю Печенѣжскую. Чрезъ нѣсколько же времени Владиміръ отправился на Дунай въ Переславецъ; и въ его отсут- 1000.
ствіе Володарь, князь половецкій, забывъ оказанныя ему отъ сего государя благодѣянія, пришелъ съ войскомъ къ Кіеву. Тогда храбрый витязь Александръ Поповичъ, вышедъ ночью изъ города, съ малымъ числомъ себѣ подобныхъ воиновъ, разбилъ Половцовъ и самого Володаря убилъ. А за сію услугу Владиміръ, по возвращеніи, произвелъ его въ достоинство вельможи и,

въ знакъ отличности, возложилъ на него златую гривну.

Въ слѣдующемъ году тотъ же Александръ Поповичъ, совокупно съ Иваномъ Ушмовцемъ, одержалъ славныя побѣды надъ Печенѣгами и ихъ весьма обезсилилъ. Онъ убилъ нѣкотораго ихъ богатыря, разбилъ ихъ войско и князя ихъ, Родмана, съ тремя сынами, привелъ плѣнными къ Владиміру.

При сихъ произшествіяхъ присланы были ко Владиміру отъ многихъ государей посольства, какъ то: отъ Стефана Перваго короля венгерскаго, Болеслава Третьяго короля богемскаго, Болеслава Перваго короля польскаго, папы Сильвестра Второго и другихъ государей, кои всѣ желали вступить съ нимъ въ союзъ и дружелюбіе. Россійскій князь, съ своей стороны, посылалъ также пословъ къ разнымъ дворамъ европейскимъ, частію для установленія союзовъ съ народами, частію же для разсмотрѣнія и описанія ихъ законовъ, нравовъ и обычаевъ, и для введенія полезныхъ и похвальныхъ въ Россію отъ всѣхъ областей.

Между тѣмъ, недавно насажденная въ Россіи Христіанская Вѣра развращаема была ересью нѣкоего монаха Андреяна, который дерзалъ отвергать поклоненіе иконамъ, іерархію и уставы церковные. Но тогдашній въ Кіевѣ митрополитъ Леонтій, осудивъ его соборомъ, заключилъ въ темницу, а потомъ кроткимъ увѣщаніемъ обратилъ на путь истинный.

Напослѣдокъ, при самой жизни Владиміровой оказались уже несчастныя слѣдствія раздѣловъ, отъ которыхъ и самая его верховная и отеческая власть оскорблена была неблагодарнѣйшимъ поступкомъ сына его, Ярослава. Сей, получивъ въ удѣлъ Новгородъ, долженствовалъ платить возложенную на него дань, по двѣ тысячи гривенъ въ годъ отцу своему и по тысячѣ раздавать жалованья въ Новгородѣ; но онъ отрекся пла- 1014.
тить дань сію при старости Владиміровой. Тогда, огорченный и раздраженный непокорностью своего сына и сопротивленіемъ верховной власти, государь собралъ войско и, хотя отягченъ былъ бременемъ лѣтъ, однако вознамѣрился самъ идти усмирить преслушника, отъ него жизнь и власть получившаго. Между тѣмъ Ярославъ, увѣдавъ о намѣреніи отца своего, послалъ къ Варягамъ призвать ихъ къ себѣ въ помощь и изготовился къ сильному отраженію. Уже Владиміръ въ походъ выступилъ. Борисъ, отлично любимый сынъ его, привелъ къ нему полки свои, и уже совокупленныя ихъ силы дошли до Берестова; но въ семъ городѣ Владиміръ получилъ извѣстіе о новомъ нашествіи на Россію Печенѣговъ; почему принужденъ былъ раздѣлиться и послать Бориса для усмиренія сего безпокойнаго народа; самъ же, по отлученіи его, вскорѣ заболѣлъ и скончался
ся въ Берестовѣ въ пятыйнадесять день Іюля. 1015.

Воеводы его, предупреждая слѣдствія каковыя могъ произвесть въ народѣ слухъ о его смерти, утаили оную на время и тѣло его скрытно от-

правили въ Кіевъ, гдѣ Святополкъ похитилъ тогда правленіе. Но когда тѣло Владиміrово тамъ внесено было въ церковь Десятинную, имъ созданную, то весь народъ притекъ, съ воплемъ и рыданіемъ, достойно ублажить память мудраго, храбраго, благочестиваго, правосуднаго, человѣколюбиваго, милостиваго Владиміра, и такъ какъ бы предчувствуя, оплакивалъ уже будущія свои несчастія. Тѣло его положено во мраморномъ гробѣ, и погребено въ той же Десятинной церкви.

Владиміръ княжилъ въ Кіевѣ тридцать пять лѣтъ. Супруга его, великая княгина Анна, цесаревна греческая, преставилась прежде его смерти за четыре года. Рогнеда же, по крещеніи Владиміровомъ, возжелавъ уневѣститься Богу, воспріяла образъ иноческій и скончалась въ 1002, а въ слѣдующемъ по семъ году скончался, также при жизни Владиміровой, сынъ его Изяславъ, котораго усердіе къ Вѣрѣ, благонравіе, милосердіе и прилежаніе ко чтенію книгъ привлекали къ нему отъ всѣхъ любовь и почитаніе.

Смерть Владимірова дала свободу властолюбію князей, сыновъ его; открыла Святополку, пріявшему по немъ престолъ кіевскій, пути къ злодѣяніямъ, и Россія долго претерпѣвала бѣдственныя слѣдствія своего раздѣленія, какъ будетъ описано.

ХРОНОЛОГИЧЕСКОЕ ПОКАЗАНІЕ ДОСТОПАМЯТНѢЙШИХЪ ПРОИЗШЕСТВІЙ ВЪ РОССІИ, ВЪ СЕЙ ПЕРВОЙ ЧАСТИ СОДЕРЖАЩИХСЯ.

	Годы по Рож. Хр.
Построеніе Кіева	430
Призваніе Рурика, перваго князя россійскаго въ Новгородъ.	862
Построеніе Москвы Олегомъ, воспитателемъ Игоревымъ.	880
Взятіе Смоленска имъ же.	882
Взятіе Кіева и присовокупленіе южной Россіи къ сѣверной имъ же.	883
Покореніе Древлянъ великою княгинею Ольгою	946
Покореніе Вятичей Святославомъ	963
Завоеваніе Болгаріи имъ же	965
Завоеваніе польскихъ городовъ Владиміромъ	981
Покореніе Ятвяговъ имъ же.	983
Побѣжденіе Болгаръ, жившихъ около Чернаго Моря имъ же	985
Взятіе Крыма имъ же.	988
Союзъ Владиміровъ съ греческими императорами, бракосочетаніе его съ цесаревною, ихъ сестрою. Крещеніе Россіи и построеніе Бѣлагорода.	989
Построеніе Владиміра имъ же	991
Побѣжденіе Хорватовъ имъ же	992
Побѣжденіе Половцевъ Алексадромъ Поповичемъ.	1000

ПОКОЛѢНІЕ ВЕЛИКИХЪ КНЯЗЕЙ РОССІЙСКИХЪ, ОТЪ РУРИКА ДО ВЛАДИМІРА.

1. Рурикъ.
2. Игорь.
3. Святославъ.
4. Владиміръ.

Обстоятельныя же родословныя таблицы князей россійскихъ приложены при каждомъ томѣ Россійской Исторіи князя Михайлы Михайловича Щербатова.

—

ОЗНАЧЕНІЕ ПЕРВОБЫТНОСТЕЙ, СОДЕРЖАЩИХСЯ ВЪ СЕЙ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

Первый извѣстный городъ въ Россіи Славенскъ.

Первый великій князь новогородскій Рурикъ.

Первый великій князь кіевскій и новгородскій Игорь.

Первая христіанка въ Россіи великая княгиня Ольга.

Первый государь, просвѣтившій Россію Святымъ Крещеніемъ, Владиміръ.

Первый митрополитъ въ Россіи Михаилъ.

—

КРАТКОЕ ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОЗНАЧЕНІЕ ДРЕВНЕЙ РОССІИ.

Россія въ древности знаема была болѣе подъ именами европейской Скиѳіи и Сармаціи. Границы ея были: на сѣверѣ Океанъ Сарматскій (Бѣлое Море); на западѣ Висла; на югѣ Дакія; на востокѣ Черное Море: вмѣщала же она въ себѣ Великую и Малую Россію, Польшу, Литву, Курляндію, Лифляндію, Пруссію, часть Венгріи и нѣкоторыя другія области. И такъ, можно положить, что Россія, въ счастливыя свои времена, распростиралась до морей Бѣлаго, Азовскаго, Чернаго и Балтійскаго. Главныя рѣки ея, впадающія въ сіи моря, были: Донъ, Днѣпръ, Бугъ, Обь, Днѣстръ, Волга, Двина, Нева, Висла и др. Обстоятельное же географическое описаніе Древней и Новой Россіи ожидается отъ трудовъ и тщанія Санктпетербургской Императорской Академіи Наукъ, которая дала уже знать публикѣ начертаніе онаго.

ОТВѢТЪ

СОЧИНИТЕЛЯ ИСТОРИЧЕСКАГО ИЗОБРАЖЕНІЯ РОССІИ КЪ ЕГО НЕИЗВѢСТНОМУ ВОПРОСИТЕЛЮ *.

Благосклонность, которою публика удостоила принять изданную въ свѣтъ первую часть «Историческаго Изображенія Россіи,» даетъ поводъ сочинителю ласкать себѣ, что она не безъ удовольствія будетъ читать все то, что̀ онъ къ изъясненію Россійской Исторіи сообщить ей можетъ. Нѣкоторые вопросы и примѣчанія, предложенныя ему въ ежемѣсячномъ изданіи, подъ титуломъ «Санктпетербургскій Вѣстникъ,» Іюля мѣсяца, отъ неизвѣстнаго писателя, заслуживали, по существу ихъ матеріи, не быть безъ отвѣта оставленными. Почему мы включаемъ здѣсь слѣдующее письмо отъ сочинителя «Историческаго Изображенія Россіи» къ его неизвѣстному вопросителю.

---

* Сей отвѣтъ помѣщенъ былъ въ Прибавленіи къ № 64 Санктпетербургскихъ Вѣдомостей, Августа 10 дня 1778 года.

ОТВѢТЪ СОЧИНИТЕЛЯ КЪ НЕИЗВѢСТНОМУ ВОПРОСИТЕЛЮ.

Господинъ вопроситель! Изъявленное вами въ примѣчаніяхъ вашихъ правило: пользоваться дружелюбными совѣщаніями съ писателями, побудило меня совѣщеваться съ вами тѣмъ образомъ, какой вамъ было угодно выбрать, то есть: вызвать меня къ публичному отвѣту на публичныя ваши предложенія, хотя чувства мои отдалены отъ желанія возмѣриваться таковою честію, при вашихъ примѣчаніяхъ и вопросахъ. Я, вопервыхъ, буду вамъ отвѣтствовать на то предложеніе, которое читателямъ важнѣйшимъ можетъ представиться: «Мы не знаемъ,» пишете вы, «какимъ образомъ мнѣніе новыхъ писателей Россійской Исторіи, утверждающихъ, что Новгородъ, до пришествія Рурика съ братьями, былъ сильный городъ и знаменитая республика, согласитъ со словами Святого Нестора, первоначальнаго россійскаго лѣтописателя.» Я повторяю здѣсь то, что̀ вы выписали изъ Несторовой статьи о Руриковомъ княженіи: «и прія всю власть Рурикъ одинъ, и пришедъ ко Ильменю, и сруби городокъ надъ Волховомъ, и прозва Новгородъ» и пр.

Если бъ вы приняли трудъ оборотить назадъ пять листовъ въ той же Лѣтописи Несторовой, то увидѣли бы тамъ же особую статью о началѣ Новагорода, за четыреста лѣтъ предъ княженіемъ Рюриковымъ, и что всѣ новые писатели Россійской Исторіи самимъ Несторомъ въ томъ свидѣтельствуются, увидѣли бы также, что и въ последствіи прежде Рурика о Новогородцахъ упоминается. Слова же, выписанныя вами изъ Нестора, имѣющія видъ противорѣчія, въ самомъ лѣтописателѣ, кажется мнѣ, не столь затруднительны, чтобъ могли служить предлогомъ вашего сомнѣнія; ибо, сверхъ того, что древнее россійское писаніе не было въ прежнія времена очищено отъ погрѣшностей разумными, каковы нынѣ, критиками. Несторъ могъ безъ великаго себѣ противорѣчія сказать, что Рурикъ, построивъ городокъ надъ Волховымъ, прозвалъ его Новгородъ, поколику прежній Новгородъ легко могъ въ народѣ называться по старому своему имени Славенскъ, или, по названію чужестранныхъ, Гольмгардъ. Для пространнѣйшаго о Новѣгородѣ свѣдѣнія, мы имѣемъ на россійскомъ языкѣ довольное, хотя по умѣренности сочинителя названное «Краткое извѣстіе о началѣ Новагорода,» напечатанное въ ежемѣсячномъ академическомъ изданіи на Іюль мѣсяцъ 1761 года. Но какъ сіи подробности не входятъ въ планъ моего «Историческаго Изображенія», которое есть простое повѣствованіе самонужнѣйшихъ вещей къ свѣдѣнію, то вы могли бы легко удовольствовать ваше

любопытство чтеніемъ Россійской Исторіи почтеннаго нашего историка князя Михайлы Михайловича Щербатова, который не упустилъ представить справедливое справедливымъ, правдоподобное правдоподобнымъ и сомнительное сомнительнымъ, хотя вы и жалуетесь, что мы донынѣ не имѣемъ основательной Россійской Исторіи.

Второе: вамъ также угодно было написать, что будто сочинитель «Историческаго Изображенія» на стр. 13 утверждаетъ, «что варягскіе «князья Рурикъ, Синавъ и Труворъ призваны «отъ Новогородскихъ Славянъ, болѣе для защищенія ихъ отъ внѣшнихъ непріятелей, нежели «для возстановленія внутренняго спокойствія».

Если бы предслѣдующую и самую ту страницу, которую вамъ въ примѣчаніяхъ вашихъ угодно было переиначить, приняли вы трудъ прочесть въ подлинникѣ съ большимъ вниманіемъ; то думаю, что столь много не могли бы ошибиться въ разумѣніи. Я за излишнее почитаю повторять здѣсь отъ слова до слова содержаніе страницъ 12 и 13. Вы сами, прочтя ихъ, можете увидѣть, въ чемъ вы ошиблись. А для чего не упомянуто о Чуди, о которой вы желаете, чтобъ было тамъ упомянуто, на сіе вамъ много сказать не можно, какъ то, что сочинитель пишетъ въ семъ мѣстѣ только о Славянахъ Новогородскихъ и князьяхъ, призванныхъ ими отъ Варягъ-Россовъ, а не о Чуди, подъ именемъ Славянъ разумѣемой. По теченію Исторіи можно видѣть, что тогда названіе Чуди, вмѣсто Новогородцевъ,

употребляемо не было, такъ какъ и самое названіе Славянъ при Рурикѣ уже терялось: ибо вскорѣ Новогородское Княженіе прославилось подъ именемъ Сѣверной Россіи и Сѣверныхъ Россовъ, поколику названіе пришельцовъ Россовъ изъ Варягъ, съ ихъ князьями, естественно брало верхъ надъ старымъ именованіемъ Славянъ въ Новѣгородѣ. Естественно также и то по исторіямъ, что Новогородцы, въ сей великой перемѣнѣ, приняли къ себѣ князей на условіяхъ, то есть: болѣе для защищенія областей отъ внѣшнихъ непріятелей, нежели для внутреннаго государственнаго управленія. Хотя же Святый Несторъ и включилъ въ Лѣтопись слѣдующія слова Новогородцевъ: «Поищемъ себѣ князя, иже бы владѣлъ нами и рядилъ по праву», но сіе не опровергаетъ доказанной исторической истины и на порядкѣ вещей основанной, что тогдашніе вольные и несмирные Новорогородцы, сыскавъ себѣ князя, желали власть его умалить и, наконецъ, противу его взбунтовали. Чтеніе однихъ россійскихъ писателей довольно можетъ въ томъ удовольствовать любопытство моего вопросителя.

Третіе: изъ страницы 15 вамъ угодно было выписать: въ Кіевѣ княжили Оскольдъ и Диръ... Потомъ чрезъ нѣсколько строкъ: наслѣдственные враги императорамъ греческимъ... Потомъ чрезъ нѣсколько словъ: побужденные примѣрами предковъ. . изъ сихъ разныхъ частицъ составили вы особую нѣкоторую фразу такъ, какъ бы кто написалъ: Отче нашъ... отъ лукаваго, хотѣлъ дать

смыслъ только первымъ словамъ и послѣднимъ. Чаятельно, что тогда сія молитва не была бы принята въ Святцы. Я не могу вамъ отвѣтствовать, какъ только, чтобъ вы прочли средину; и вотъ какъ сказано на 15 стран. «Идолослуженіе и дикость нравовъ тогдашнихъ народовъ Славенскихъ содѣлывали ихъ (народы, а не князей) «непримиримыми и наслѣдственными врагами императорамъ греческимъ.» О князьяхъ же въ сей фразѣ ни слова не упомянуто. Потомъ слѣдуетъ: «Оскольдъ и Диръ, побужденные примѣрами предковъ и храбростью Славянъ, своихъ «подданныхъ (а не примѣрами своихъ предковъ «какъ перетолковано), ходили также войною подъ «Константинополь.» И такъ, я не оспориваю, что Оскольдъ и Диръ могли быть прежде бояре Рюриковы, и не нахожу сіе обстоятельство столь важнымъ, чтобъ нужно было съ кѣмъ нибудь о томъ въ споръ пуститься.

Четвертое: изъ страницы 33 угодно было вамъ выписать: «Константинъ долженъ былъ погасить свое желаніе». Потому приписали вы сочинителю, что будто онъ повѣствовалъ о страстной любви императора Константина къ великой княгинѣ Ольгѣ, и средство, коимъ она его перехитрила; что вы оное находите не истиннымъ историческимъ повѣствованіемъ, и въ семъ больше придерживаетесь мнѣнія покойнаго Михайлы Васильевича Ломоносова.

Если бы вы прочли нѣсколько выше и ниже выписаннаго вами мѣста, то бы увидѣли, что и

сочинитель придерживается того же мнѣнія, и что о страстной любви императора къ прелестямъ красоты княгини Ольги ни слова не упоминается; а написано только о ея достоинствахъ, о склонности императора войти съ нею въ супружество, и что онъ, бывъ позванъ въ воспріемники при ея крещеніи, долженъ былъ погасить свое желаніе, содѣлавшееся противнымъ закону.

Пятое: изъ страницы 97 угодно было вамъ выписать рѣчь, которую говорилъ Владиміру одинъ старый воинъ, и которую вы находите неприличною ни къ тогдашнему времени, ни къ лицу простого воина.

Если бы вы прочли нѣсколько страницъ подалѣе, то бы увидѣли, что не только сей старый воинъ и младшій сынъ его, но и весь родъ сего воина былъ произведенъ послѣ въ знатные чины, повидимому, за ихъ достоинства. Мнѣ кажется, не прилично ни къ какому времени полагать, чтобы сіи славные въ Исторіи люди не могли ни чувствовать, ни изображать свои чувства образомъ, приличнымъ ихъ великодушію: хотя то вѣрю, что они не нынѣшнимъ, а тогдашнимъ нарѣчіемъ говорили. Вы за лучшую выписали рѣчь того же стараго воина, какую включилъ въ лѣтопись Несторъ, то есть: «Княже! «есть у меня единъ сынъ меньшій дома, а со «четырьми есьмы вышелъ, отъ дѣтства его нѣсть «кто имъ ударилъ; единою бо ми сварящу, и «оному мнущу усніе, и разгнѣвався на мя, пре«торже чрево». Если бы вы прочли лѣтопись

Несторову съ разсмотрѣніемъ, то бы увидѣли, что въ сей лѣтописи и императоры греческіе говорятъ тѣмъ же древнимъ простонароднымъ нарѣчіемъ, какое Несторъ могъ спознать тогда въ Россіи. Каждому историку остается искать свойственныхъ рѣчей въ историческихъ описаніяхъ и въ образованіяхъ дѣйствій, а не въ однѣхъ лѣтописяхъ, гдѣ часто, при простомъ означеніи произшествій, поставлены только годы. Впрочемъ, свойственно простымъ не критикующимъ людямъ, при сухомъ повѣствованіи историческихъ бытностей, не отметать цвѣтовъ красноречія, какими Исторія отъ всѣхъ писателей обыкла быть украшаема; и если писатель столько счастливъ, свойственно читателямъ находить въ нихъ нѣкоторое въ себѣ отдохновеніе; бываютъ же и такіе люди, которые тѣмъ только привлекаются къ чтенію. И такъ, мнѣ кажется, что сіи люди хотя и не выдаютъ твореній своихъ въ ежемѣсячныхъ изданіяхъ, но заслуживаютъ отъ насъ къ себѣ уваженіе. Любители Архаизмовъ могутъ довольствоваться ими въ лѣтописяхъ, не для законовъ, чтобъ всѣ другіе ихъ любили.

По удовольствованіи васъ моими отвѣтами на всѣ ваши вопросы и примѣчанія, оставалось бы мнѣ замѣтить на употребляемыя вами латинисмы и не нашимъ языкомъ, нѣкоторыя принятыя вами въ книгахъ правила, равно и для историковъ-критиковъ; но какъ, по видимому, вы не имѣете времени ихъ читать, то я представляю вамъ здѣсь одни только простыя общія мнѣнія.

1) Писатель, судящій о погрѣшностяхъ другихъ писателей, долженъ прежде пріобрѣсти отъ публики довѣренность къ своимъ рѣшеніямъ и къ общеполезнымъ видамъ, какіе онъ въ томъ представить можетъ.

2) Потомъ, для пользы обществу отъ благоразумной критики, долженъ прочесть внимательно всѣхъ нужныхъ и, особливо, тѣхъ писателей, на которыхъ онъ въ критикѣ своей утверждается, или по малой мѣрѣ хотя ту книгу, которую онъ найдетъ достойною своей критики: ибо безъ сихъ предварительныхъ вещей, вы легко можете подать поводъ о себѣ думать, что вы, раскрывъ какую нибудь книгу, безъ всякаго чтенія, выписываете нѣсколько строкъ и толкуете ихъ, по вашему произволенію, для того только, чтобъ наполнить нѣсколько страницъ въ ежемѣсячномъ изданіи. Сіи могутъ себѣ представить тѣмъ наипаче, что похвалы ваши сочинителю «за изрядный слогъ, за исправность въ печатаніи и благодарность за усиленіе достигнуть къ своему въ сочиненіи предмету», не увѣряютъ публику ни объ изрядствѣ слога вашего, ни объ исправности вашей въ печатаніи, ни объ усиліи вашемъ быть полезнымъ себѣ и обществу.

Напослѣдокъ, вамъ скажу, что хотя я не обѣщалъ въ моемъ Предисловіи отвѣтствовать на подобные вопросы и примѣчанія; но какъ вы побудили меня къ тому предложеніемъ дружелюбнаго совѣщанія вашего съ писателями: то я желаю, чтобъ мое съ вами совѣщаніе вамъ было полезно.

=

ПРИМѢЧАНІЯ

О ГЕРМАНСКИХЪ ПРАВАХЪ.

Германія, имѣя отмѣнный образъ правленія отъ другихъ государствъ, заимствуетъ отъ него свои собственныя права. Образъ ея правленія подверженъ былъ многимъ перемѣнамъ, отъ частыхъ ударовъ, колебавшихъ имперію, во все время отъ ея начала до заключенія вестфальскаго мира. Первые ея обитатели, раздѣленные по разнымъ округамъ, не были одни отъ другихъ въ зависимости, такъ, какъ права ихъ не сходствовали одни съ другими. Безъ сомнѣнія, необходимость оборонять себя отъ набѣговъ сѣверныхъ непріятелей, принудила ихъ болѣе къ сообщенію и союзу въ концѣ четвертаго и въ началѣ пятаго вѣка; а по мѣрѣ ихъ сообщенія, общенародныя ихъ права долженствовали перемѣняться.

Владѣніе Карла Великаго соединило шесть разныхъ народовъ, и вмѣсто герцоговъ надъ ними, послѣдовали графы, избранные на мѣсто первыхъ

изъ подданныхъ имперскихъ; почему можно видѣть образъ монархическаго въ то время правленія. Но оное ослабѣло при Людовикѣ, прозываемомъ Кроткомъ. Герцоги вновь были возставлены и вступили частію въ свои древнія права. Дѣти ихъ раздѣлили по себѣ пространныя области Карла Великаго. Области, кои прежде составляли одно государство, и вердюнскимъ трактатомъ въ 834 году такъ утверждены были. Часть Людовика, прозываемаго Германскаго, была однако, всегда особою областью, поколику она сохраняла право наслѣдныхъ государей, до тѣхъ поръ, какъ ихъ родъ пресѣкся. А потомъ, мелкіе владѣтели выбрали сами себѣ главнаго и, боясь быть въ покореніи, уменьшили столько его власть, сколько желали свою умножить. Таково было начало пространства Имперскихъ областей и ихъ наслѣдства

Счастливыя предпріятія Оттона Великаго въ Италіи произвели новую перемѣну. Отъ присоединенія Италіи къ имперіи вышло новое общенародное право, которое писатели называютъ римогерманское. Папы, подъ видомъ союза, вмѣшались послѣ въ расправу дѣлъ германскихъ, особливо когда узнали власть свою надъ императорами, кои безъ нихъ не могли дѣйствовать въ Италіи. Папа Григорій VII, и по немъ бывшіе, возстая безпрестанно противу Гогенштауфенскаго Дома и, истребя напослѣдокъ его корень, не мало споспѣшествовали къ распространенію власти и силы имперскихъ областей А по мѣрѣ усердія,

съ которымъ Папскія области поборствовали по своемъ духовномъ начальникѣ, другія, неподсудныя ему, усиливались, дая помощь гонимому императору.

Потомъ, долгое междоцарствіе привело еще болѣе въ упадокъ власть императорскую. Папы, чтобъ возвести на престолъ своихъ поборниковъ, всѣяли вражду между курфирстами и принцами, кою они разжигали столь попечительно, что Германія содѣлалась, напослѣдокъ, анархическимъ правленіемъ. Тогда принцы, сильные вельможи и города старались всячески распространить власть свою, и искатели императорской короны раздирали имперію, каждый утверждая въ томъ свои права.

Избраніе Рудольфа габсбургскаго пресѣкло только на время ихъ движенія; но источникъ споровъ прекращенъ не былъ, то есть, не было узаконенія, которое бы утверждало права владѣтелей. Напослѣдокъ Карлъ IV выдалъ часть закона, называемаго «Золотая Булла» (книга или грамота). Доброе, однако недостаточное его узаконеніе, не могло вдругъ примирить несогласій между Германскими владѣтелями; злоупотребленія, введенныя во время долгаго междоцарствія, и тогда еще продолжались съ ихъ обыкновенными послѣдствіями. германія не имѣла высшаго суда, въ которомъ бы владѣтели могли утверждать свои права; почему они принуждены были утверждать ихъ единымъ насиліемъ. Право сильнаго рѣшило споры, что продолжалось до цар-

ствованія Максимиліана I, который обнародовалъ Общій Вѣчный Миръ, подтвержденный много разъ послѣ.

Какъ онъ намѣренъ былъ прекратить права сильныхъ и безпрестанныя войны между имперскими областями, давъ имъ способъ искать въ обидахъ правосудія; то для сего учрежденъ имперскій судъ, и Германія раздѣлена на шесть округовъ. Посредствомъ таковаго узаконенія спокойство Германіи было дѣйствительно установлено; но распри за Вѣру вновь тишину возмутили. Неминуемо раздѣленіе областей послѣдовало за распрями, и уничтоженіе прежнихъ уставовъ послѣдовало за раздѣленіемъ.

Карлъ V чаялъ возставить миръ пассавскимъ трактатомъ, прекратя несогласія разныхъ вѣръ; но двѣ противныхъ стороны, ища новыхъ корыстей и не имѣя оправдательныхъ причинъ къ ссорамъ, находили всегда въ притворномъ благочестіи долгъ возставать другъ на друга. Наконецъ, они успокоены были вестфальскимъ трактатомъ, который, стѣсня власть императорскую, распространилъ и утвердилъ могущество имперскихъ областей. Сей достославный актъ нуженъ былъ для точнаго изъясненія права каждаго и для твердости общихъ узаконеній, на коихъ владѣнія стали быть основаны.

Въ Германіи есть права общенародныя, и другія права особенныя для каждой области.

Общенародныя установленія имѣютъ два существа: тѣ, кои принадлежатъ къ образу прав-

ленія, не могутъ премѣпяться безъ нарушенія онаго; почему называются они Твердыми Законами; другія же содержатъ народныя пользы и выгоды, не касаясь до образа правленія; они могутъ быть перемѣнены безъ наималѣйшаго въ ономъ поврежденія. Въ общенародныхъ законахъ находятся также нѣкоторые политическіе и духовные уставы имперскіе. Сіи двѣ части одна отъ другой не раздѣляются, и равно уважаются въ общенародномъ Германскомъ Правѣ.

Главные же законы суть: Отпускные приговоры имперскіе, выдаваемые на сеймахъ; общій свѣтскій, общій миръ церковный; вестфальскій трактатъ, и прочіе, коя преслѣдовали ахенскому миру; императорская капитуляція и законы церковные. Опредѣленія имперской палаты и надворнаго суда исключаются изъ общенароднаго права: ибо оба сіи правительства касаются только до распорядковъ, имъ собственно предписанныхъ.

Золотая Грамота, или Грамота съ золотою печатью, есть общенародное право имперское, содержащее въ себѣ императорское избраніе, коронованіе, полное присутствіе двора императорскаго, права курфирстовъ и нѣкоторыя другія принадлежности къ имперіи. Оная состоитъ въ тридцати главахъ. Двадцать три первыхъ были обнародованы въ Ниренбергѣ 10 января 1356 года; оставшія же семь въ Мецѣ 25 декабря того же года; но всѣ приняты и утверждены общимъ согласіемъ имперскихъ штатовъ, разумѣя

подъ штатами чины, представляющіе области. Твердость ихъ наипаче тѣмъ ненарушимо сохраняется, что они основаны на взаимныхъ условіяхъ безъ самовластнаго права. Послѣдовавшія установленія имѣли то же основаніе.

До сего узаконенія, разумѣемаго подъ Золотою Грамотою, никто не имѣлъ точнаго права. Всѣ мелкіе владѣтели хотѣли быть императорами, и курфирсты спорили безпрестанно о старшинствѣ одни предъ другими.

Узаконеніе сіе, по содержанію правъ, можно раздѣлить на двѣ части. Первая надлежитъ до курфирстовъ. Сія опредѣляетъ седьмичное ихъ число, предписываетъ ихъ степени и ихъ должности, какъ при избраніи и коронованіи императора, такъ и при прочихъ публичныхъ обрядахъ; утверждаетъ право старшаго въ наслѣдствѣ, и установляетъ напослѣдокъ разныя права и преимущества особо нѣкоторыхъ курфирстовъ. Вторая часть надлежитъ вообще до имперіи: въ ней, поколику тогда не возможно было прекратить всѣ ссоры, предписаны нѣкоторыя правила въ войнѣ, какъ напримѣръ: повѣстить своему непріятелю за три дни предъ нападеніемъ на его землю.

Нѣкоторыя изъ сихъ узаконеній, какъ скоро не находилось въ нихъ нужды, были уничтожены, то есть повѣстка своимъ непріятелямъ, и прочее. Нѣкоторыя же и совсѣмъ не были въ дѣйствіи, какъ напримѣръ: графъ пфальцскій не употреблялъ никогда своего права судить, но

силѣ Золотой Грамоты, императоровъ въ ихъ преступленіяхъ Сею же грамотою дозволено императору жаловать, кого онъ заблагоразсудитъ, на порожнія мѣста въ курфирсты. Однако, по состоявшейся послѣ императорской капитуляціи, онъ права сего употреблять не можетъ безъ общаго согласія курфирстовъ Равнымъ образомъ предписанное право коронованія императоровъ, произведшее послѣ споръ между майнцскимъ и кёльнскимъ курфирстами, утверждено поныпѣ на полюбовномъ ихъ договорѣ. Отпускные приговоры имперскіе, о которыхъ упомянуто выше, сутв разнаго рода. Главные изъ нихъ состоятъ въ слѣдующемъ: члены имперскіе собираются на сеймы, подъ предводительствомъ своего начальника, для разсужденія о государственныхъ дѣлахъ. При окончаніи же сейма, всѣ ихъ приговоры сообщаются вмѣстѣ и публикуются въ самое время отпуска членовъ; почему они и называются отпускные (*Reichs Abschiede*). Отъ времени царствованія Максимиліана I сіи приговоры сочиняются на нѣмецкомъ языкѣ, который нынѣ и во всѣхъ общенародныхъ дѣлахъ употребляется, выключая дѣла съ чужими державами. Приговоры имперскіе раздѣляются на общіе и особенные. Первые называются приговоры отпускные (*Reichs-Abschiede*), о которыхъ говорено выше; другіе же раздѣляются еще на депутатскіе (*Reischs-Deputations Abschiede*), окружные (*Kravs-Abschiede*) и провинціальные (*Lantags-Abschiede*). Первые изъ сихъ составляются въ

собраніи имперскихъ депутатовъ, и пріемлютъ силу законовъ, когда императоръ и штаты препоручатъ депутатамъ разсмотрѣть и рѣшить какое дѣло. Вторые касаются только до дѣлъ округи, въ которой они составляются. Третьи утверждаются согласіемъ владѣтеля и провинціальныхъ штатовъ его земли; но сіи надлежатъ только до особеннаго состоянія провинцій, и ей одной предписываютъ уставы общественнаго права. Имперскіе приговоры, называемые Сепаратные или Тайные (*Neben-Abschiede*), различествуютъ отъ приговоровъ, названныхъ Всеобщихъ (*Haupt Reichs-Abschiede*) только въ томъ, что ихъ хранятъ въ имперскихъ архивахъ до тѣхъ поръ, какъ возможно будетъ обнародовать, не вредя общественнымъ пользамъ и видамъ имперіи. Приговоры имперскіе рѣдко содержатъ одни только общенародныя дѣла, но часто мѣшаются съ дѣлами гражданскими; нѣкоторые же содержатъ одни только послѣднія.

Надлежитъ описать теперь происхожденіе Свѣтскаго Мира и другого Мира, Церковнаго, которые также почитаются въ числѣ законовъ, какъ выше упомянуто.

Когда не было ни законовъ написанныхъ, ни суда въ древней Германіи, народъ слѣдовалъ одному только обычаю. Жестокость нравовъ не находила другихъ средствъ къ пресѣченію споровъ, какъ надлежало убить своего непріятеля, или выгнать изъ его владѣній, что̀ называлось: Право Сильнаго (*Faust-und Kolben Recht*). Сей

варварскій обычай, общій всѣмъ начинающимся народамъ, въ первыхъ вѣкахъ имперіи до того простирался, что Карлъ Великій и его преемники всѣми ихъ капитулярными установленіями не могли отвратить междоусобныхъ браней, происходившихъ отъ властолюбія владѣтелей; и наглость ихъ, по общему примѣру, дѣлалась тогда позволенною. Всѣ старанія разныхъ императоровъ въ XII вѣкѣ не могли пресѣчь онаго злоупотребленія. Надлежало по необходимости дать волю усилившимся наглымъ воителямъ; но предписаны имъ только нѣкоторыя правила, то есть, грабить и разорять непріятеля, увѣдомивъ его о томъ прежде за нѣсколько времени. Сами папы, вмѣсто образа кротости и воздержанія, подавали примѣры насильства и наглости частыми своими предпріятіями въ Германіи. Императоры Сигизмундъ, Альбертъ II и Фридерикъ III, отчасу болѣе удостовѣряясь, сколь нужно было для всѣхъ пресѣченіе сихъ безпорядковъ, старались совокупно возставить тишину общую; области, также утомленныя въ безпрестанной войнѣ, и всегда трепещущія отъ болѣе сильнаго или болѣе счастливаго непріятеля, напослѣдокъ обще помышляли о возстановленіи тишины въ Германіи и принудили Максимиліана I обнародовать торжественно Общій Вѣчный Миръ (1495). Сей миръ содержитъ двѣ части: первая запрещаетъ объявленія войны и предписываетъ преступникамъ строгія опасенія и самое изгнаніе, то есть, политическую смерть, извѣстную подъ названіемъ

«имперскій банъ.» Вторая часть заключаетъ учрежденіе и должность имперской палаты, или, какъ иные называютъ, верховнаго цесарскаго суда. Главный видъ сего учрежденія былъ, чтобъ отнять у имперскихъ областей всѣ поводы къ самовластной управѣ, принудивъ ихъ представлять свои иски и требованія въ помянутой палатѣ, и тамъ судиться по законамъ имперскимъ. Но толь благоразсудное и необходимое узаконеніе не было всегда исполняемо. Нарушеніе онаго продолжалось еще и при Карлѣ V, что́ принудило сего императора многократно возобновлять помянутое мирное узаконеніе. Наиболѣе же оное извѣстно въ 1548 году; ибо сей послѣдній Общій Миръ, утвержденный вестфальскимъ трактатомъ и императорскою капитуляціею, обыкновенно употребляютъ въ основаніе, такъ, какъ самый ясный и самый полный. Предслѣдствія и причины Церковнаго Мира суть слѣдующія: Лютеръ, монахъ Августинскаго Ордена, счастливыми успѣхами новыхъ догматовъ привлекъ въ свою вѣру нѣкоторыхъ владѣтелей и нѣсколько городовъ германскихъ. Папа объявилъ его еретикомъ и исключилъ изъ стада правовѣрныхъ. Вормскій сеймъ (1521) объявилъ Лютера и послѣдователей его изгнанными, и запретилъ читать его книги. Нововѣрцы однако спорили противъ сего объявленія, вѣдая, что нужда въ деньгахъ на сопротивленіе Туркамъ принуждала Карла V быть менѣе ревностнымъ въ Вѣрѣ. Въ самомъ дѣлѣ шпейерскій сеймъ (1526), менѣе строгій,

нежели вормскій, запретилъ только не вводить ничего новаго какъ въ Вѣру христіанскую, такъ въ обряды и правила церковныя, и опредѣлилъ, чтобъ, во ожиданіи духовнаго собора, или національнаго собранія, каждый поступалъ по совѣсти, такъ какъ долженъ отвѣчать Богу и императору. Но другой сеймъ, въ томъ же городѣ (1529), болѣе жестокій нововѣрному ученію, нежели первый, запретилъ впредь всякія новыя вѣроученія до будущаго собора; запретилъ также имперскимъ областямъ воспринимать Лютеровы догматы, противные таинству Евхаристіи, и прочее.

Іоганнъ, курфирстъ саксонскій, Георгъ, маркграфъ бранденбургскій, Эрнстъ и Францъ, герцоги люнненбургскіе, Филиппъ ландграфъ гессенскій и Вольфгангъ, принцъ ангальтскій, последовавшіе Лютерову ученію, протестовали, то есть, спорили противъ помянутыхъ запрещеній, и съ того времени Лютеране стали называться Протестантами. Они въ аугсбургскомъ сеймѣ (1530) предложили нѣкоторые пункты ихъ Вѣры, извѣстные подъ именемъ аугсбургскаго исповѣданія. Курфирстъ саксонскій, съ своими послѣдователями, также вступилъ въ споръ. Предпріявъ же защищать новую Вѣру оружіемъ, не взирая на императора, всѣ они составили между собою достопамятную конфедерацію въ Шмалькальденѣ. Францъ I, король французскій, сдѣлался тогда ихъ союзникомъ, также и король англійскій. Сіи соединенныя силы и Солимановы побѣды, кои приводили въ страхъ Европу, при-

нудили Карла V поступать благосклоннѣе съ конфедератами. Онъ запретилъ въ нюренбергскомъ сеймѣ (1532) тревожить, кого бы то ни было, за Вѣру, до общаго духовнаго собора. Споры тогда довольно были успокоены; но протестанты возставили вновь шмалькальденскую конфедерацію совокупно съ Франціею и Англіею; а таковый союзъ и сообщество востревожили императора, который употребилъ всѣ силы разрушить ихъ соединеніе. Противники его: Фридерикъ, курфирстъ саксонскій и Филиппъ, ландграфъ гессенскій, объявлены были непріятелями имперіи. Сіе было началомъ шмалькальденской войны, которая перемѣнила Германію и содѣлала несчастіе конфедератовъ. Карлъ V взялъ Филиппа гессенскаго плѣнникомъ; а курфирстъ саксонскій имперскимъ изгнаніемъ отрѣшенъ отъ своего владѣнія, которое отдано было родственнику его Морицу. Морицъ однако оставилъ Карла V, подъ тѣмъ видомъ, что Филиппъ гессенскій былъ удержанъ въ плѣну противъ обѣщанія императорова. Онъ, благопріятствуя протестантамъ, содѣлался союзникомъ Генриха II, короля французскаго. Карлъ V, находясь противъ его безсиленъ, напослѣдокъ принужденъ былъ уступить; и Фердинандъ I, братъ его, заключилъ съ Морицомъ въ Пассау трактатъ (1552). Симъ трактатомъ императоръ обѣщаетъ чрезъ шесть мѣсяцевъ времени собрать сеймъ, въ которомъ прінсканы будутъ средства къ соглашенію разновѣрія, духовнымъ соборомъ или сосло-

віемъ, или общимъ имперскимъ собраніемъ. Въ ожиданіи же онаго предписано, чтобъ никакая область и никакимъ образомъ не была обезпокоена по причинѣ вѣры; и что какъ католики, такъ и христіане аугсбургскаго исповѣданія оставались въ безопасности, каждый при своей вѣрѣ и при своихъ богослуженіяхъ, имѣніяхъ и правахъ.

Обѣщанное Карломъ V черезъ шесть мѣсяцевъ общее собраніе, состоялось однако не прежде, какъ черезъ три года, то есть, въ 1555 году; и тогда послѣдовалъ церковный миръ, о которомъ выше предложено было.

Сей миръ, обнародованный съ согласія всѣхъ областей, позволяетъ курфирстамъ, принцамъ и императорскимъ чинамъ аугсбурскаго исповѣданія, включая непосредственно тутъ же дворянство, вольное отправленіе богослуженія по своей вѣрѣ, и прочее. Но не послѣдующіе ни католической вѣрѣ, ни аугсбургскому исповѣданію, исключены изъ церковнаго мира. По силѣ онаго же мира, завоеванныя церковныя владѣнія имѣютъ принадлежать областямъ, кои ихъ завоевали, исключая если прежніе ихъ владѣтели пріобрѣли ихъ обратно, во время или послѣ пассавскаго трактата. Запрещаетъ областямъ подговаривать въ свою вѣру подданныхъ другъ отъ друга, и тѣмъ ихъ къ себѣ переманивать; но позволяется перемѣнять вѣру самоохотно противу воли владѣтелей, продавать свои имѣнія и переходить въ другую область. Напослѣдокъ, предписано, что если ка-

толическій архіепископъ, епископъ, священноначальникъ, или какой другой церковный стяжатель, возжелаетъ принять аугсбургское исповѣданіе, то да отчуждится отъ своего стяжанія и отъ прибытка, отъ него получаемаго; и наименованіе подчиненныхъ ему стяжателей да будетъ принадлежать старшему по немъ духовному чиновнику. Но хотя сіе положеніе, извѣстное подъ именемъ Екклезіастическаго предохраненія или удержанія церковныхъ стяжаній, было утверждено Фердинандомъ, и уполномоченные отъ областей подписали его безъ прекословія, однако аугсбургскіе исповѣдатели не были тѣмъ довольны и, напослѣдокъ, чрезъ вестфальскій трактатъ, получили равное право съ католиками, въ разсужденіи своихъ церковныхъ стяжателей, когда они захотятъ перемѣнить вѣру.

А дабы сей трактатъ и общій миръ не были нарушаемы, то къ трактату прибавлено исполнительное предписаніе, содержащее средства для соблюденія въ цѣлости перваго и другого: въ каждой округѣ назначено быть полковнику, который бы производилъ въ дѣйство имперское изгнаніе, полагаемое преступникамъ, если таковые будутъ въ его округѣ; а въ случаѣ нужды, чтобы и другіе полковники сосѣднихъ округъ ему помогали въ исполненіи.

Слѣдуя порядку, должно теперь дать знать о вестфальскомъ трактатѣ.

Въ 1583 году Гебгардъ, архіепископъ кёльнскій, принялъ лютеранскую вѣру и, женясь на

графинѣ мансфельдской, хотѣлъ сохранить свое архіепископство. Католицкое духовенство и римскій дворъ воспротивились его предпріятію; Гебгардъ принужденъ былъ уступить, хотя былъ подкрѣпляемъ протестантами. Сія неудача произвела совершенное двухъ вѣръ раздѣленіе. Протестанты сдѣлали между собою достопамятный союзъ; католики соединились имъ въ сопротивленіе. Средства, употребленныя прежде императоромъ Рудольфомъ II для прекращенія мятежей, содѣлались паче ихъ источникомъ. Хотя дозволилъ онъ протестантамъ свободное богослуженіе по ихъ вѣрѣ; но богемское духовенство, не взирая на дозволеніе, разорило множество церквей протестантскихъ. Впослѣди Богемцы свергли съ престола Фердинанда II и возвели на его мѣсто Фридерика V, курфирста пфальцскаго. Сіе было причиною Тридцатилѣтней войны между отрѣшеннымъ и новоизбраннымъ императорами. Фердинандъ II, побѣдивъ Фридерика, поступилъ съ нимъ, какъ съ непріятелемъ имперіи, и осудилъ его къ изгнанію, безъ совѣта имперскихъ областей, въ противность содержанію императорской капитуляціи; а возмѣрившись своими побѣдами, чаялъ единымъ разомъ разрушить протестантскую сторону. Онъ выдалъ указъ (1629), по силѣ котораго протестанты долженствовали лишиться всѣхъ церковныхъ владѣній, кои они стяжали отъ 1555 года. Сей указъ могъ бы имѣть свою силу, если бы Фердинандъ выдалъ его съ согласія штатовъ. Но самовластный въ томъ его

поступокъ раздражилъ людей; ибо онъ ясно означалъ его усиліе къ содѣланію себя единодержавнымъ.

Въ помощь къ протестантамъ присовокупился Густавъ Адольфъ, король шведскій, и къ сторонѣ своей привлекъ Францію. Соединенныя области католическія, хотя употребили всѣ силы на сопротивленіе Шведамъ и курфирсту саксонскому, но были разбиты въ лейбцигскомъ сраженіи (1631). Густавъ убитъ подъ Луценомъ; но католики не поправили тѣмъ своего состоянія. Протестанты швабской, франконской, Вышняго и Нижняго Рейна округъ, собравшись въ Гайльбрунѣ (1633), согласились продолжать войну, подъ защищеніемъ Шведовъ, пока не возставится совершенное спокойствіе и свободное вѣры исповѣданіе. Оксенштирнъ возобновилъ союзъ между Франціею и Швеціею, и положенія гайльбрунскаго конгресса утверждены всѣми протестантскими штатами Но сраженіе подъ Нердлингеномъ остановило ихъ предпріятія; и курфирстъ саксонскій, послѣ сей неудачи, заключилъ выгодный миръ съ Фердинандомъ II въ Прагѣ. Протестантскіе владѣтели, одинъ за другимъ, вступили въ тотъ же миръ и оставили Французовъ и Шведовъ. Одинъ только ландграфъ гессен-кассельскій остался имъ вѣренъ. По смерти Фердинанда II, сынъ его, Фердинандъ III, не имѣвъ счастія своего отца, принужденъ былъ стараться прилѣжно о мирѣ. Предусловія онаго состоялись въ Гамбургѣ въ 1641 г.; конференціи

открылись въ 1644, и миръ объявленъ въ 1648 году. Сей миръ составленъ изъ двухъ трактатовъ, заключенныхъ съ Франціею въ Минстерѣ и съ Швеціею въ Оснабрикѣ; но оснабрикскій трактатъ почитается важнѣйшимъ для общенароднаго права германскаго. Онъ раздѣляется на двѣ части Первая касается до вѣры, и главныя въ ней предписанія суть слѣдующія: въ Германіи пріемлются только три вѣры: католическая, лютеранская и реформатская; прочія всѣ отвергаются. А послѣ церковнымъ миромъ отвержена также и реформатская. Удержаніе церковныхъ стяжаній, въ случаѣ премѣненія вѣры, предписывается католикамъ съ протестантами взаимно. Аугсбургскіе исповѣдатели освобождаются отъ общеначальнаго суда и отъ духовнаго его правленія; но каждая область въ своей землѣ можетъ судить по своимъ уставамъ. Церковныя стяжанія возвращаются прежнимъ владѣльцамъ, утверждая ихъ во владѣніяхъ отъ 1-го января 1624 года, не требуя никакихъ другихъ на то видовъ, хотя бы послѣ помянутаго назначеннаго дня кто и не владѣлъ оными. Равнымъ образомъ право пожалованія, наименованія и избранія, возвращается всѣмъ, кои оное съ того дня имѣли. Что надлежитъ до вѣры, позволяется областямъ воспріимать изъ трехъ помянутыхъ ту, которую они выберутъ; и подданные, въ подчиненіи нижнихъ властей, могутъ свободно исповѣдовать вѣру, которую они содержали въ 1624 году, хотя въ нѣкоторую только часть сего года. Если же

владѣлецъ не похочетъ терпѣть ихъ вѣры, то они имѣютъ право переселенія съ нѣкоторымъ себя выкупомъ.

Въ Пфальцской же области, исключительно отъ другихъ, каждый вступаетъ въ свои прежнія права, вмѣсто 1624 отъ 1618 года, то есть отъ начала богемскихъ смятеній. Вторая часть трактата содержитъ политическое состояніе Германіи Она имѣетъ три предлога: первый касается до обѣщаннаго удовольствованія королю шведскому; второй до споровъ между имераторомъ и областями; третій содержитъ распоряженіе взаимныхъ между областями притязаній.

Минстерскій трактатъ утверждаетъ положенія оснабрикскаго, такъ, какъ бы сіи тамъ отъ слова до слова включены были. Имперія уступаетъ французскому королю свои и австрійскаго дома права на альзацію и префектуру, то есть, первоначальство десяти имперскихъ городовъ, и въ полное самодержавное владѣніе три епископства: мецкое, тульское и вердюнское. Въ немъ также предписаны владѣнія округа бургундскаго, герцогства Лотарингскаго, и слѣдуемыя къ возвращенію пфальцскому, виртембергскому и баденскому дому

А чтобъ трактатъ сей имѣлъ дѣйствительное исполненіе, Фердинандъ III выдалъ въ томъ же году исполнительный указъ; и всѣ области подписали въ Нюренбергѣ (1649 и 1650) два исполнительные приговора, съ означеніемъ владѣній, кои законнымъ ихъ владѣльцамъ возвратить слѣ-

довало. Всѣ сіи акты утверждены были послѣднимъ имперскимъ отпускнымъ приговоромъ; всѣ же спорныя и уничтожительныя объявленія, публикованныя отъ папы вопреки вестфальскому трактату и актамъ, состоявшимся послѣ онаго, не могли произвесть, чтобъ сей трактатъ и донынѣ не былъ почитаемъ кореннымъ закономъ имперіи и основаніемъ всѣхъ послѣдовавшихъ ему трактатовъ.

Императорская капитуляція (*kayserlich-Wahl-Capitulation*), включаемая такъ же, какъ выше сказано, въ число имперскихъ законовъ, состоитъ въ нѣкоторыхъ договорныхъ пунктахъ между императоромъ и курфирстами. Императоръ клянется управлять по тому имперіею, непосредственно послѣ избранія и прежде коронованія. Короли римскіе, избираемые при жизни императора, долженствуютъ давать таковое же клятвенное обѣщаніе тотчасъ послѣ своего избранія.

Первая капитуляція, которой форма и нынѣ соблюдается, есть предписанная отъ курфирстовъ Карлу V, коего молодость, властолюбіе и весьма распространенное могущество наводили опасность германской вольности. Съ того времени императорская власть всегда была ограничена капитуляціею; первая же, Карла V, учинилась основаніемъ всѣмъ послѣдующимъ. Право предписывать капитуляцію курфирсты себѣ единственно присвоили, съ исключеніемъ другихъ чиновъ, такъ какъ право, слѣдующее за правомъ избранія; но

они не могутъ вмѣщать въ оную ничего имперскимъ законамъ противнаго.

Прочіе чины, бывъ не довольны отрѣшеніемъ ихъ отъ сего права, которое курфирсты иногда во вредъ употребляли, требовали, чтобъ и они также пріобщены были къ составленію капитуляціи императора Матіаса, представляя, что она, такъ какъ законъ имперскій, не можетъ имѣть надлежащей важности безъ ихъ въ томъ содѣйствія. Но курфирсты, вмѣсто требуемаго ихъ пріобщенія, склонились только прибавить въ капитуляцію слѣдующія слова: «за себя и за всѣхъ принцевъ и чиновъ Священной Римской имперіи». Съ того времени сіи формальныя слова включались во всѣ капитуляціи.

Споръ о томъ возобновленъ былъ сильнѣе отъ протестантскихъ штатовъ, при вестфальскомъ трактатѣ. Они требовали, чтобъ всѣ штаты согласились утвердить вѣчную капитулянію; но разсмотрѣніе о томъ отложено до будущаго сейма. Между тѣмъ курфирсты, по обыкновенію, предписали капитуляцію Фердинанду IV, противъ которой штаты паки спорили и предложили свои примѣчанія. Но отпускной приговоръ въ Регенсбургѣ (1654) отложилъ въ другой разъ утвержденіе вѣчной капитуляціи до будущаго сейма, собраннаго въ 1663 году, въ которомъ штаты, по многихъ спорахъ, испросили, чтобъ о томъ предлагаемо было въ одно время, попеременно, съ требованіемъ субсидій противу Турокъ. Курфирстъ майнцскій предложилъ, напослѣдокъ, и

формy капитуляцій (1664); но разумы были тогда въ такомъ раздѣленіи, что не могли согласиться принять оную. Курфирсты кёльнскій и баварскій предложили также (1667) начертаніе нѣкотораго союза, названнаго конкордація, который равно не былъ принятъ, для того, что они въ немъ предписали курфирстамъ отличное право пополнять капитуляцію. Штаты не хотѣли, чтобъ сіе право имъ приписано было, кромѣ какъ на случай совершенной въ томъ нужды; но и тогда хотѣли, чтобы прибавленные пункты были послѣ утверждены сеймомъ Въ ожиданіи же совершеннаго о томъ положенія, курфирсты и принцы согласились (1671) о многихъ пунктахъ, кои надлежало включить въ вѣчную капитуляцію. Штаты возобновили свои требованія въ 1707 году, послѣ какъ императоръ Іосифъ, безъ приглашенія ихъ и по своей единой волѣ, осудилъ кёльнскаго и баварскаго курфирстовъ къ имперскому изгнанію. По смерти Іосифа, курфирсты и принцы утвердили-было нѣсколько пунктовъ для капитуляціи Карла VI; но какъ имперскіе города не имѣли въ томъ участія, то они предложили свои особенныя примѣчанія. Пункты курфирстовъ не согласны были ни съ пунктами принцевъ, ни съ примѣчаніями городовъ; почему курфирсты, боясь дать поводъ къ новымъ спорамъ, содержали капитуляцію втайнѣ, до тѣхъ поръ, какъ Карлъ VI учинилъ по ней клятвенное обѣщаніе. Штаты вновь взволновались противъ сего подлога, и императоръ, для укрощенія ихъ,

обѣщалъ способствовать установленію вѣчной капитуляціи; но оная и понынѣ еще не установлена, и штаты также безплодно продолжали спорить противъ пунктовъ, включенныхъ равно безъ ихъ участія въ послѣдовавшихъ капитуляціяхъ Карла VII и Франца I.

Для изъясненія церковныхъ общенародныхъ законовъ германскихъ, должно начать отъ самаго ихъ основанія Императоры, такъ какъ державшіе верховную свѣтскую власть, всегда мѣшались въ разсмотрѣніе и рѣшеніе дѣлъ церковныхъ, поколику сіи имѣли всегда сношеніе съ политическимъ положеніемъ имперіи. Сіе правило, всегда препинаемое папами и всегда поддерживаемое императорами, производило четыре мятежа и бѣдственныя народовъ раздѣленія, кои, напослѣдокъ, оканчиваемы были договорами. Я предложу здѣсь изъ многихъ договоровъ одинъ, наиболѣе примѣчательный, заключенный между папою Каликстомъ II и императоромъ Генрихомъ V, въ 1122 году. Первые императоры германскіе пользовались свободно всѣми правами самодержавія и учреждали, какъ начальные владыки, все, что ни касалось до вѣры. Между прочими правами, они имѣли также право жаловать епископства, конфирмовать, то есть, утверждать духовныхъ владыкъ, епископовъ и самихъ папъ. Но они не долго пользовались симъ правомъ: ибо папы, завидуя власти императоровъ, не только совершенную отъ нихъ независимость себѣ присвоили, но скоро потомъ восхотѣли имѣть и

нѣкоторое начальство надъ всѣми христіанскими самодержателями. Политикою ихъ употреблены были иногда хитрости, иногда угрозы и даже союзы съ государями, непріятельствующими императору, чтобъ тѣмъ уменьшить его властительство. Право наименованія церковныхъ владѣтелей въ первый разъ оспорено было во время Генриха IV отъ папы Григорія VII, который утверждался въ томъ на каноническихъ правилахъ. Послѣдователи его: Викторъ III, Урбанъ V и Пасхалъ II твердо настояли въ предпріятіяхъ Григорія VII. Напослѣдокъ Каликстъ II, о которомъ выше упомянуто, принудилъ императора Генриха V отрещись совершенно отъ права жаловать епископовъ и прочаго. Такимъ образомъ сей государь уступилъ навсегда папамъ одно изъ главныхъ правъ, которымъ его предмѣстники пользовались. Каликстъ II оставилъ императору власть жаловать одни только скипетру подверженныя права.

Мятежи, произведенные въ Германіи въ концѣ четвертато-надесять и въ началѣ пятаго-надесять вѣка, частію отъ великаго разновѣрія и частію отъ появившихся новотолковъ, прекращены были соборомъ въ Констанцѣ, который начался въ 1414, а кончился въ 1418 году. На семъ соборѣ, созванномъ императоромъ Сигизмундомъ, между прочимъ, предложены были жалобы германской націи. Папа Мартинъ V надѣялся ихъ пресѣчь подписаніемъ, въ 1417, нѣкотораго договора подъ названіемъ Конкордата, съ сею націею обнародованнаго въ 1418 году; но никто не былъ дово-

ленъ произшествіемъ собора; каждый жаловался, что главныя неудобства, возмущающія благосостояніе Церкви, исправлены не были; и сіе подало поводъ къ разнымъ другимъ провинціяльнымъ соборамъ, кои всѣ, бывъ безполезны, произвели напослѣдокъ Вселенскій Соборъ въ Базилевѣ, или, какъ иные называютъ, въ Базелѣ, начатый при Папѣ Евгеніи IV въ 1431 и оконченный при Папѣ Николаѣ V, при которомъ вскорѣ возобновились германскія жалобы и вскорѣ кончены были конкордатами папы съ императоромъ Фридерикомъ III въ 1448 году.

Содержаніе сихъ достопамятныхъ конкордатовъ заключается въ четырехъ пунктахъ: 1) папа имѣетъ право давать отъ двора римскаго епископства священновладычества и всѣ знатныя духовныя стяжанія праздныя. 2) Церковные чины имѣютъ право избранія, но съ тѣмъ, что избранные должны быть конфирмованы папою. 3) Череда мѣсяцевъ между папою и церковными чинами, въ разсужденіи канодикатствъ и нижнихъ чинопроизведеній, полагается такъ, чтобы непарные мѣсяцы принадлежали папѣ. 4) Анаты, то есть годовые доходы папскіе, съ каждаго церковнаго стяжанія, утверждены одинакою навсегда данью, по установленному окладу въ Апостолической Казенной Палатѣ, и стяжанія имѣютъ платить сію дань единожды только въ годъ, хотя бы онѣ много разъ въ году праздны были.

Извѣстно, что сіи конкордаты не были утверждены согласно всѣми германскими штатами,

и что самъ римскій дворъ иногда преступалъ оныя; а то было причиною многихъ жалобъ, кои утишены тѣмъ, что препоручено было Карлу V употребить всѣ мѣры, дабы кондордаты соблюдались въ ненарушимости.

Недостатокъ общаго штатами утвержденія и римскаго двора непостоянство произвели сомнительный вопросъ, что имперскія области, отъ коихъ не было отобрано на то согласій, обязаны ли слѣдовать положеніямъ конкордатовъ? Чтобъ дать на сіе ясный и точный отвѣтъ, должно вначалѣ различить протестантскія области отъ католическихъ; а поколику первыя объявлены были церковныхъ миромъ и вестфальскимъ трактатомъ свободными отъ всякой церковной подсудности, то протестанты не имѣютъ въ своемъ правѣ сомнѣнія.

Что̀ надлежитъ до католиковъ, то они всѣ должны нынѣ слѣдовать конкордатамъ; ибо сіи конфирмованы были общими законами со слѣдовавшими. Нѣкоторые католики, однако, исключаются равно изъ ихъ подсудности, то есть тѣ, кои подали отъ себя споръ во время ихъ составленія. По симъ причинамъ церковные чины страсбургскіе и бамбергскіе имъ не подсудны.

Здѣсь прибавлю я нѣкоторое примѣчаніе о законахъ ненаписанныхъ, или старыхъ имперскихъ обыкновеніяхъ, извѣстныхъ подъ названіемъ имперскихъ обсерванцій.

Имперская обсерванція есть нѣкоторое ненаписанное право, введенное безгласнымъ одобре-

ніемъ императсра и имперскихъ штатовъ. Оное извѣстно въ актахъ и общихъ законахъ подъ разными наименованіями, какъ напримѣръ, по-латыни: *usus*, *usus bonus*, *consuetudo*, *usitata in Imperio praxis*; по-нѣмецки: *Reichs hercommen*, *Altes hercommen*, *Gute gewohnheit*, кои всѣ значатъ: обычаи добрыхъ нравовъ, или примѣрные обычаи. Подобный тому законъ находится и въ другихъ государствахъ, гдѣ древніе добрые обычаи свято почитаются; и иногда по примѣрнымъ прежнимъ дѣламъ вершить другія позволено.

Хотя многія изъ сихъ обыкновеній въ Германіи уничтожены, или перемѣнены въ написанные законы, но еще остались нѣкоторыя и понынѣ въ строгомъ исполненіи.

Хотя же, для уваженія сихъ имперскихъ обыкновеній, требуется нѣкоторое число примѣрныхъ актовъ, то есть дѣлъ; но поколику дѣла во всѣхъ подробностяхъ рѣдко между собою сходствуютъ: то иногда, смотря по состоянію дѣла, на единомъ только примѣрномъ случаѣ, обыкновеніе пріемлетъ свою силу, то есть, когда существо дѣла довольно ясно и доказательно, дабы императоръ и штаты на немъ утвердили свое согласіе.

Средства же для показанія имперскаго обыкновенія, со стороны предлагающаго, суть слѣдующія: 1) свидѣтели живые и правдивые историки; 2) публичные акты и дипломы.

Но поколику имперскія обыкновенія имѣютъ силу закона, такъ какъ всѣ написанные законы;

изъ того ясно слѣдуетъ, что право толковать оные принадлежитъ императору купно съ штатами, хотя нѣкоторые законописатели и доказываютъ, что императоръ одинъ имѣетъ сіе право.

Послѣ изъясненія разныхъ германскихъ законовъ, образъ вообще германскаго правленія есть главная вещь, достойная примѣчанія.

Высочайшая власть въ Германіи не принадлежитъ одному императору, но вмѣстѣ съ имперскими штатами; почему оные и называются совладѣющими (coimperantis); но законописатели не согласны въ степени власти, какую имѣютъ штаты: нѣкоторые несправедливо приписываютъ императору неограниченную верховность, другіе даютъ штатамъ непринадлежащее имъ могущество; и отъ того произошли разныя мнѣнія объ образѣ правленія германскаго. Пуфендорфъ, почитая его неправильнымъ и совершенно безобразнымъ, былъ, конечно, обольщенъ тремя образами, какіе Аристотель за благо разсудилъ выдумать, то есть: монархію, аристократію и демократію; а потому чаятельно онъ, такъ какъ и многіе другіе писатели, вывелъ послѣдствіе, что всякое правленіе, несходное ни съ которымъ изъ трехъ помянутыхъ, есть несправедливое. Но сія полагаемая неправильность не имѣетъ никакого основанія: ибо довольно, если образъ правленія уставленъ такимъ образомъ, что онъ можетъ самъ собою приводить каждую область къ ея цѣли, и потому онъ есть правильный. Германія не имѣетъ недостатка въ законахъ, хранящихъ ея

цѣлость и вольность, и предостерегающихъ ея отъ внутреннихъ и внѣшнихъ смятеній, если бы только сіи законы точно были исполняемы.

Правда, что Германія имѣетъ, такъ какъ и другія смѣшенныя правленія, свои неудобности; но ея недостатки обыкновенно проистекаютъ менѣе отъ распоряженія образа, нежели отъ властолюбія и нерачивости главныхъ правителей, или отъ надмѣрнаго распространенія видовъ властей подчиненныхъ. Разсмотримъ разныя системы, кои раздѣляютъ въ томъ законописателей.

Первая изъ сихъ системъ есть та, которая дѣлаетъ изъ имперіи монархію, потому что императоръ выдаетъ всѣ законы отъ своего единаго имени, даетъ инвеституры, то есть, нѣкоторыя грамоты на владѣнія, судитъ всѣ дѣла, и прочее. Но кто имѣетъ хотя малое познаніе законовъ германскихъ, легко примѣтитъ, что защитники сей системы хотятъ только льстить императору, подъ прикрытіемъ нѣкоторыхъ словотолкованій, кои не должны рѣшить въ матеріи права народнаго.

Впрочемъ, хотя бы императоръ и одинъ собою пользовался нѣкоторыми правами, того не довольно къ доказательству монархическаго его правленія: ибо онъ не можетъ ни выдавать законовъ, ни объявлять войну, ни поставлять миръ, ни даже вступать въ союзы съ державами безъ согласія штатовъ.

Другіе, зная неправильность сей системы, но стараясь однако распространить далѣе границъ

власть императорскую, находятъ въ образѣ имперскаго правленія нѣкоторую монархію ограниченную. Но какія же суть права, которыя принадлежатъ одному только императору? Права сіи, какъ извѣстно, заключаются въ самомъ маломъ числѣ; бо̀льшая же часть правъ, и наиболѣе важныхъ, совершенно подвержены согласію штатовъ.

Мнѣніе тѣхъ, кои утверждаютъ, что германское правленіе есть аристократическое, еще и того неправильнѣе; ибо хотя имперскіе штаты участвуютъ въ правленіи, но ихъ воля безполезна безъ согласія императора.

Нѣкоторые изъ наиболѣе свѣдущихъ законописателей утверждали, что Германія есть совокупленіе разныхъ областей, соединенныхъ между собою чрезъ разностепенныя сообщества. Но имперскія области сами собою опровергаютъ сію систему, признавая себя членами единаго политическаго корпуса. Впрочемъ, области, соединенныя, по мнѣнію помянутыхъ законописателей, не имѣли бы ни общихъ законовъ, ни общаго начальника, и жили бы въ независимости другъ отъ друга. Напротивъ того, германскія владѣнія признаютъ единаго только себѣ начальника, то есть императора, и они всѣ имѣютъ одни общенародные законы, происходящіе отъ той же власти, отъ которой они зависятъ.

Напослѣдокъ, по наиболѣе принятому мнѣнію, иные полагаютъ, что правленіе Германіи есть смѣшенное, то есть: монархическое, аристократическое и демократическое; но для справедли-

вести въ наименованіи надлежало бы прибавить еще олигархическое, по преимуществу, какое имѣютъ въономъ курфирсты.

Оставя же всѣ схоластическія умствованія и различенія, должно почитать образъ германскаго правленія свойственнымъ и приличнымъ Германіи, по стеченію разныхъ обстоятельствъ, произведшихъ сіе правленіе. Любопытство точнаго названія онаго менѣе насъ удовольствуетъ, нежели познаніе самыхъ законовъ, на которыхъ образъ его основанъ; и сіе познаніе откроетъ любопытнымъ вѣрнѣе его точную сущность.

—

О ДРЕВНЕМЪ И НОВОМЪ СТИХОТВОРЕНІИ.

Стихотвореніе нынѣ въ пространныхъ и обогащенныхъ языкахъ содѣлалось болѣе забавою, нежели пользою нашею; но въ древнія времена подъ стихотвореніемъ разумѣлся образъ нѣкотораго краткаго изреченія нравоучительныхъ истинъ, или въ похвалу Божества нѣкотораго мѣрнаго сопряженія словъ, къ коимъ иногда присоединяемы были мусикійскіе звуки и плясанія. Посему не безъ приличности у Грековъ стихотвореніе языкомъ боговъ называлось. Прежде Грековъ, у Египтянъ и Евреевъ хотя оно не имѣло толь пышнаго названія, однако также употребляемо было, сколько намъ извѣстно, или для Богохваленія, или для преподанія народу легчайшимъ образомъ нужныхъ правилъ; и сіе было

началомъ распространеннаго послѣ законоданія. Двѣ пѣсни израильскаго вождя св. пророка Моисея: первая на славное освобожденіе Израиля отъ ига Фараонова (книга Исхода, глава 15); вторая поучительная (книга Второзаконія, глава 32), сочиненныя симъ пророкомъ за 1500 лѣтъ до Воплощенія; потомъ, спустя 500 лѣтъ, отчасти сочиненные и отчасти собранные царемъ Давидомъ, Псалмы всегда почитаются прекраснѣйшими стихотвореніями.

Таковыя пѣсни, или спасительныя народу правила, въ краткихъ и мѣрныхъ стихахъ составленныя, легко впечатлѣвались въ памяти. Тѣмъ держались законы и преданія; утвержденныя въ памяти слова производили твердыя мысли, мысли же производили нравы, а нравы производили дѣянія, хотя, впрочемъ, тогда слова, мысли, нравы и дѣянія долженствовали быть недостаточны.

Нѣкоторые полагаютъ, что стихотвореніе изобрѣтено любовниками къ похвалѣ своихъ любовницъ; но кажется, что они тогда смѣшиваютъ древнія времена съ новыми. Нѣжныя чувства и похвалы не тогда ли произошли, какъ прекрасный полъ позналъ область разума и прелестей надъ силою? Стихотвореніе не могло ли существовать въ мірѣ нѣсколько вѣковъ до сего человѣческаго познанія? Оставляя сіи вопросы на рѣшеніе каждому, обращусь къ тому, что намъ извѣстно изъ древнихъ временъ въ Греціи. Первые сочинители, предшественники Гомеровы: Музей за 1400 лѣтъ до Воплощенія, Орфей за 1200

лѣтъ, писали не инако, какъ стихами. Гезiодъ, современникъ Гомеровъ, писалъ то же стихами. Богословiе, законы, нравоучительныя правила, оракулы, всѣ тогда преподавались стихами.

Языкъ боговъ долго, и во времена евангельскаго просвѣщенiя, не терялъ древняго своего достоинства. При установленiи церковныхъ обрядовъ, онъ посвященъ былъ на славословiе истиннаго Бога и Святыхъ, исполнившихъ законъ Его. Все, чтó разными творцами на греческомъ языкѣ сочинено для церковнаго пѣнiя, основано на стихотворныхъ правилахъ. Въ то время, равно какъ у древнихъ Евреевъ и Грековъ, стихотворцы не обыкли или и не могли еще всюду употреблять риѳму и правильное стопосложенiе, но въ краткихъ и мѣрныхъ словахъ заключенный смыслъ стихомъ назывался. Посему вездѣ въ поемыхъ церковныхъ творенiяхъ, хотя въ переводахъ оныхъ не видно никакихъ стихотворныхъ правилъ, часть пѣнiя, мысль заключающая, стихомъ называется; и посему, можетъ быть, иные разумѣютъ, что каждый, изъясняющiй какую нибудь мысль, необходимо стихъ дѣлаетъ, хотя и называютъ у насъ таковую часть рѣчи, по чужестранному языку, фразисомъ или фразою. Впрочемъ, вѣроятно, что стихи, по малой мѣрѣ въ первоначальномъ ихъ почтенномъ употребленiи, могли значить то же, чтò мы разумѣемъ подъ раздѣленiями мыслей нашихъ. У насъ издавна осталось въ пословицахъ:

На умъ находитъ всякой стихъ:
Не всякъ злодѣй, кто часомъ лихъ.

Языкъ боговъ видѣнъ также и во многихъ другихъ пословицахъ, каковыя, до введенія письменъ въ Россіи, по видимому, служили вмѣсто писанныхъ. Кто не вѣдаетъ, что народъ и донынѣ поведеніе свое большею частію учреждаетъ по пословицамъ, кои въ краткихъ стихахъ и въ простонародномъ нарѣчіи легко у всѣхъ памятуются? Представимъ здѣсь нѣкоторыя:

Богу молись,
А въ дѣлахъ не плошись.

Кто самъ къ себѣ вначалѣ строгъ,
Того хранитъ и царь и Богъ.

Храни себя отъ бѣдъ,
Пока еще ихъ нѣтъ.

Большое мѣсто взявъ,
Умѣй давать уставъ.

Вначалѣ разсуждай,
А послѣ осуждай.

Безъ буквъ и безъ грамматики
Не учатъ математики.

Въ счетѣ безъ правды и въ правдѣ безъ счоту,
Не вѣрь ни Кузьмѣ, ни Ѳомѣ, ни Ѳедоту.

Не столько вѣрь чужимъ рѣчамъ,
Какъ собственнымъ своимъ очамъ.

Кто мыслей не имѣетъ правыхъ,
Не можетъ дать совѣтовъ здравыхъ.

Всякую ягоду въ руки берутъ,
Да не всякую ягоду въ кузовъ кладутъ.

Не наказывай Ѳому,
За Еремину вину.

Кузьма плуталъ, Ефремъ былъ тутъ:
Да тѣмъ Ефремъ не сталъ быть плутъ.

Впередъ людей не забѣгай,
А отъ людей не отставай.

Съ глупымъ безъ хлопотъ,
Затвори свой ротъ.

Съ безумными людьми
Забудь, что ты съ ушьми.

Кто меньше толкуетъ,
Тотъ меньше тоскуетъ.

Будь безъ клятвы людямъ вѣренъ,
И въ божбѣ всегда умѣренъ.

Въ неволю не входи смѣхомъ,
Чтобъ въ узахъ вѣкъ не быть грѣхомъ.

Въ доброе время мужикъ хорони
Бѣлосвѣтлыя деньги на черные дни.

Слово, во время и кстати,
Лучше письма и печати.

Честной и доброй дворянинъ
Въ дворѣ и въ мірѣ семьянинъ.

На помощь Богъ пристанетъ,
И пастыря приставитъ.

Голодъ идетъ къ калачу,
А терпѣнье и боль ко врачу.

Время не сѣмя,
Не выведетъ племя,
Терявъ не воротишь,
А жизнью заплотишь.

Въ городѣ жить,
Такъ по городу слыть.

Въ чемъ молодой похваляется,
Въ томъ-де подъ старость раскается.

Указкою глупаго Ѳомку не выучишь,
Лаской наглаго гостя не выгонишь.

Рукою махъ
И долгой ахъ
Не кончатъ страхъ.

Бѣдность не грѣхъ,
Да приводитъ въ посмѣхъ.

Хорошъ у сосѣда-скать пиръ,
Коли гости пируютъ на миръ.

=

Стихотвореніе въ послѣдствіи имѣло общую участь съ самыми полезнѣйшими дѣлами, кои чрезъ злоупотребленіе иногда содѣлывались гнусными. Разумъ, какъ и тѣло, имѣетъ свою роскошь, если разумъ не обузданъ разсужденіемъ. Въ послѣднихъ вѣкахъ, съ распространеніемъ письменъ и размноженіемъ разныхъ книгъ, скоро умножились всякіе писатели. Мнѣ попались въ руки нѣсколько полу-русскихъ и полу-польскихъ сочиненій, кои задолго еще преслѣдовали разцвѣтшимъ подъ державою блаженной памяти Государыни Императрицы Елисаветы Петровны, и подъ покровительствомъ препочтеннаго любителя и любимца музъ Ивана Ивановича Шувалова, россійскимъ словесностямъ. По содержанію сихъ сочиненій, всякъ можетъ видѣть, что писатели тогда, не очистясь еще отъ нравовъ Татаръ, долго угнѣтавшихъ Россію, употребляли стихотворство въ самыя глупыя и непристойныя сочиненія.

Преминемъ извѣстныя въ успѣхахъ человѣческаго разума степени, чрезъ кои россійское сти-

хотворство, по мѣрѣ распространенія наукъ въ имперіи, восходило до состоянія, въ какое приведено было господиномъ Ломоносовымъ. Языкъ боговъ распространился тогда на различные роды сочиненій, пользу или пріятность заключающихъ. Разумъ расторгъ содержавшія его въ тѣсныхъ предѣлахъ узы. Проницаемый благостію, премудростію и величествомъ Существа Вседержащаго, возносился къ небу, съ новымъ слова достоинствомъ, изліять предъ Нимъ благодарнаго сердца исповѣданіе. Внимающій правиламъ благоправія и добротворенія, представлялъ ихъ спасительнѣйшими и любезнѣйшими человѣчеству. Чувствующій великихъ душъ вообще къ роду смертныхъ или къ отечеству благодѣянія, возвышалъ ихъ славу, возбуждалъ общую къ нимъ признательность и поощрялъ другихъ къ подобнымъ благодѣяніямъ. Кротость, милосердіе, правдолюбіе, благоучрежденіе, любовь къ наукамъ и художествамъ, военные въ пользу отечества подвиги, что все, во времена невѣжества, часто погружалось съ другими дѣяніями въ мрачное забвеніе, тогда стихотворнымъ искусствомъ, какъ нѣкоею волшебною силою, безсмертными, почтенными и всегда достойно подражаемыми, живо впечатлѣвались въ памяти. Вѣдающій склонности и тайныя движенія сердца человѣческаго, изображалъ вредоносныя безмѣрныхъ страстей слѣдствія чрезъ трагедію; одаренный прозорливостію, расторгалъ завѣсу вредительной обществу хитрости, и порокъ, таящійся подъ маскою, ста-

рался обнажить предъ свѣтомъ комическими сочинеіями.

Любовь, во всѣхъ сердцахъ разными образами владычествующая, произвела особо всякіе роды любовныхъ стихотвореній. Иной описывалъ несчастія и муки любви терзающей; другой веселья и роскоши любви счастливой. Иной, удаляясь отъ скучной суеты многочисленныхъ сборищѣ, склонялся мысленно къ простотѣ обиталищъ. Поля, ручьи и кустарники представлялись ему раемъ, когда тамъ пастушка собесѣдовала. Перомъ его вся натура воспринимала нѣкое новое одушевленіе; и читатель нерѣдко восхищался совершенствами вещей по малой мѣрѣ въ воображеніи, тогда какъ истинное въ натурѣ бытіе ихъ могло бы угнетать его сердце отвратительнѣйшею горестію и скукою.

Разумъ, удручаясь важными размышленіями, нерѣдко ищетъ отдыха въ самыхъ бездѣлицахъ. Невинныя и пріятныя шутки, питающія въ насъ веселонравость и добродушіе, не исключены также изъ добраго стихотворенія; нерѣдко самые великіе умы снисходили къ произведенію таковыхъ шутокъ.

Любители Россійскаго Слова знаютъ, съ какими успѣхами, со времени царствованія блаженной памяти Государыни Императрицы Елисаветы Петровны, оказались у насъ стихотворцы въ разныхъ родахъ сочиненій. Право разбиранія и означенія стихотворческихъ ихъ достоинствъ принадлежитъ любимцамъ Аполлоновымъ, кои

всѣ дни свои могутъ посвящать бесѣдамъ съ Музами. Я же, въ качествѣ простаго наукъ почитателя, осмѣлюсь только пріобщить здѣсь нѣкоторые многими замѣченные стихи господина Ломоносова, поставляя разные отрывки одинакаго содержанія подъ общія приличныя имъ оглавленія.

Кто не возчувствуетъ истиннаго богопочитанія при чтеніи слѣдующихъ стиховъ, изображающихъ непостижимую премудрость и неизмѣримое величество?

Лице свое скрываетъ день,
Поля покрыла мрачна ночь,
Взошла на горы черна тѣнь,
Лучи отъ насъ склонились прочь.
Открылась бездна звѣздъ полна;
Звѣздамъ числа нѣтъ, безднѣ дна.

О, вы! которыхъ быстрый зракъ
Пронзаетъ въ книгу вѣчныхъ правъ;
Которымъ малый вещи знакъ
Являетъ етстества уставъ,
Вамъ путь извѣстенъ всѣхъ планетъ:
Скажите, что̀ вашъ умъ мятетъ?

Сомнѣній полонъ вашъ отвѣтъ
О томъ, что̀ окрестъ ближнихъ мѣстъ:
Скажите жъ, коль пространенъ свѣтъ
И что̀ малѣйшихъ далѣ звѣздъ?
Не свѣдомъ тварей вамъ конецъ:
Скажите жъ, коль великъ Творецъ?

Какое сердце не исполнится благоговѣніемъ, произнося слѣдующую мольбу къ Богу?

Творецъ! покрытому мнѣ тмою,
Простри премудрости лучи,
И что угодно предъ Тобою,
Всегда творити научи,
И на Твою взирая тварь,
Хвалить Тебя, безсмертный Царь.

Слѣдующее, преложенное изъ Псалтири Божества славословіе не есть ли то, что можетъ воспламенить ревность души, благодарность ощущающей?

О, Боже! кто Тебѣ сравнится
Великимъ множествомъ чудесъ?
Твоя держава возвѣстится
И правда мною до небесъ.

Среди народа велегласно
Повѣдаю хвалу Твою,
И на струнахъ моихъ всечасно
Твои щедроты воспою.

Доколѣ дряхлость обращаться
Не возбранитъ моимъ устамъ,
Твоя въ нихъ крѣпость прославляться
Грядущимъ будетъ всѣмъ родамъ.

Или первый царя Давида, во славу правоты и добродѣтели, псаломъ, въ слѣдующемъ преложеніи,

не подвизаетъ ли насъ силою нѣкоего новаго вліянія къ исповѣданію спасительной истины, несомнѣнное блаженство представляющей?

Блаженъ, кто къ злымъ въ совѣтъ не ходитъ,
Не хочетъ грѣшныхъ въ слѣдъ ступать,
И съ тѣмъ, кто въ пагубу приводитъ
Въ согласныхъ мысляхъ засѣдать.

Но мысль и волю подвергаетъ
Закону Божію во всемъ,
И сердцемъ оный наблюдаетъ
Во всемъ теченіи своемъ.

Какъ древо онъ распространится,
Что̀ близъ текущихъ водъ растетъ;
Плодомъ своимъ обогатится,
И листъ его не отпадетъ.

Онъ узритъ слѣдствія поспѣшны
Въ незлобивыхъ своихъ дѣлахъ;
Но пагубой смятутся грѣшны,
Какъ вихремъ восхищенный прахъ.

Съ какимъ достойнымъ проповѣданіемъ здѣсь Богъ воззывается къ благословленію Императорскаго Дома?

Предъ мужемъ, нѣкогда избраннымъ,
Ты свѣтомъ клялся несозданнымъ
Хранитъ во вѣкъ престолъ и плодъ.
Исполни то надъ позднимъ свѣтомъ,

И таковымъ святымъ обѣтомъ
Благослови россійскій родъ.
Для толь великихъ странъ покою,
Для счастья множество вѣковъ,
Поставь, какъ солнце, предъ Тобою
И какъ луну, престолъ Петровъ.

или:

Уже народъ нашъ оскорбленный
Въ печальнѣйшей нощи сидѣлъ;
Но Богъ, смотря въ концы вселенны,
Въ полночный край свой взоръ возвелъ,
Взглянулъ въ Россію кроткимъ окомъ,
И видя въ мракѣ ту глубокомъ,
Со властью рекъ: да будетъ свѣтъ —
И бысть! О, твари Обладатель!
Ты паки свѣта намъ Создатель,
Что взвелъ на тронъ Елисаветъ.

или:

О, вы, недремлющія очи,
Стрегущія небесный градъ!
Вы, бодрствуя во время ночи,
Когда, покоясь, смертны спятъ,
Взираете сквозь тѣнь густую
На цѣлу широту земную.
Но чаю, что вы въ оный часъ,
Впротивъ естественному чину,
Петрову зрѣли дщерь едину,
Когда пошла избавить насъ.

Я не вхожу въ споръ съ тѣми, кои возстаютъ противъ злоупотребленій стихотворства; но да

будетъ мнѣ позволено сказать нѣчто въ оправданіе стихотворныхъ похвалъ и поэтическихъ къ украшенію ихъ вымысловъ, когда стихотворцы обращаютъ ихъ къ достойному предмету и съ добрыми намѣреніями. Похвала есть самое достодолжное приношеніе безмездной добродѣтели; и хотя бы люди не согласились во мнѣніяхъ, кто и когда таковою добродѣтелью отличается, нѣтъ однако сомнѣнія въ томъ, что добрая похвала заслуженная есть пища душъ чувствительныхъ; незаслуженная же побуждаетъ ее заслуживать, и бываетъ для многихъ наилучшимъ нравоученіемъ. Образъ наставленія не приличенъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, непріятенъ человѣческому самолюбію, и часто бываетъ излишнимъ для тѣхъ, коихъ всѣ подвиги и мысли устремлены во благо. Кто во всякомъ дѣйствіи изыскиваетъ худыя намѣренія, тотъ всегда и вездѣ найдетъ лесть, ложь и обманы; но кто знаетъ болѣе сердце человѣческое, тотъ, конечно, знаетъ и благонамѣренность, ему свойственную. Доводы сей истины могутъ быть болѣе ощутительны въ стихотвореніяхъ господина Ломоносова. Съ какою откровенностью и свободою правоту своихъ мыслей въ слѣдующихъ стихахъ онъ изъявляетъ!

Геройскихъ подвиговъ хранитель
И проповѣдатель Парнассъ,
Временъ и рока побѣдитель,
Возвыси нынѣ свѣтлый гласъ,
Приближи къ небесамъ вершины,

И для похвалъ Екатерины,
Какъ наша радость, разцвѣтай.
Шуми ручьями съ гласомъ лиры,
Бореи преврати въ Зефиры,
Представь зимой въ полнощи рай. *

Среди торжественнаго звуку
О ревности моей увѣрь,
Что нынѣ, чтя Петрову внуку,
Пою, какъ пѣлъ Петрову дщерь.
Ни моего преклонность вѣка,
Что слабитъ духъ у человѣка,
Ниже гонящій въ гробъ недугъ,
Ниже завистливы злодѣи,
Чрезъ вредны воспятятъ затѣи
Почтительный къ монархамъ духъ.

или:

Красуйся духъ мой восхищенный,
И не завидуй тѣмъ творцамъ,
Что носятъ лавръ похвалъ зеленый:
Доволенъ будь собою самъ.
Твою усерднѣйшую ревность,
Ни гнѣвъ стихій, ни мрачна древность
Въ забвеніи не могутъ скрыть.

---

* Премудрой нашей Самодержицы къ наукамъ, и особо къ россійскому слову, всегдашняго благоволенія новый знакъ, изъявленный выборомъ къ управленію Академіею Наукъ отличной ихъ любительницы, подастъ, конечно, случай нашимъ стихотворцамъ раздѣлить съ господиномъ Ломоносовымъ чувствія радости, каковую онъ въ сихъ стихахъ изобразить старался.

или:

Ахъ, Музы! какъ мнѣ пѣть? Я тѣхъ лишу покою,
Которыхъ сродники развращены мечтою,
Не тщились за Петромъ въ благословенный путь,
Но тщетно мыслили противъ Его дерзнуть.
Представивъ злобу ихъ, гнушаюсь и жалѣю,
Что родъ ихъ огорчу невинностью своею.

Какой добритъ меня и лучъ, и жаръ, и шумъ
И гонитъ скорости смущенныхъ тучу думъ!
Съ прекрасной высоты великаго Парнасса
Наполнился мой слухъ пронзающаго гласа.
Минерва, Аполлонъ и девять сестръ зовутъ
И нудятъ совершить священный спѣшно трудъ:
«Ты хочешь въ землю скрыть врученно смысла
злато?
«Мы пѣть тебѣ велимъ, и что велимъ, то свято.»
Уже съ горы глашу богинь великихъ власть:
Въ спокойствѣ чтите вы предписанную часть.
Когда похвальныхъ дѣлъ вы ходите по слѣду,
Не подражая въ злѣ ни сродинку, ни дѣду;
Когда противна вамъ неправда, злоба, лесть,
И въ сердцѣ царствуетъ правдивость, совѣсть,
честь,
Премѣна зла въ добро явится дѣло чудно,
И за попрекъ хвалу вамъ заслужить не трудно.
А вы, что хвалитесь заслугами отцевъ,
Отнюдь отеческихъ достоинствъ не имѣвъ,
Не мните о себѣ, когда ихъ похваляю:
Не васъ, заслуги ихъ по правдѣ прославляю;

Ни злости не страшусь, ни требую добра:
Не ради васъ пою, для правды, для Петра.

Съ какимъ чувствіемъ господинъ Ломоносовъ изъявляетъ свою признательность и благодарность къ распространителю наукъ въ Россіи и своему особенному благодѣтелю (Ивану Ивановичу Шувалову)!

А ты, о Меценатъ! предстательствомъ предъ нею, *
Какой наукамъ путь стараешься открыть,
Предъ свѣтомъ въ томъ могу свидѣтель вѣрный быть.
Тебѣ похвальны всѣ, пріятны и любезны,
Что тщатся постигать ученія полезны.
Мои посильные и малые труды
Коль часто передъ ней воспоминаешь ты!
Услышанному быть ея кротчайшимъ слухомъ,
Есть новымъ въ бытіи животвориться духомъ.

Особое господина Ломоносова поэтическое дарованіе, въ собственномъ его о себѣ мнѣніи, соединено однако съ великою умѣренностію, наипаче когда онъ предлагаетъ что-либо важное. Приведемъ въ примѣръ первыя строки начатой имъ поэмы:

Пою премудраго россійскаго героя,
Что грады новые, полки и флоты строя,
Отъ самыхъ нѣжныхъ лѣтъ со злобой велъ войну,
Сквозь страхи проходя, вознесъ свою страну;

---

* Блаженной памяти Государынею Императрицею Елисаветою Петровною.

Смирилъ злодѣевъ внутрь и внѣ попралъ против-
ныхъ,
Рукой и разумомъ свергъ дерзостныхъ и льстив-
ныхъ,
Среди военныхъ бурь науки намъ открылъ,
И міръ дѣлами весь и зависть удивилъ
Къ тебѣ я вопію, премудрость безконечна,
Пролей свой лучъ ко мнѣ, гдѣ искренность сер-
дечна,
И полонъ ревности спѣшитъ въ восторгѣ духъ,
Петра Великаго гласить вселенной въ слухъ
И показать, какъ онъ, превыше человѣка,
Понесъ труды для насъ, неслыханны отъ вѣка;
Съ какимъ усердіемъ, отечество любя,
Ужаснымъ подвергалъ опасностямъ себя:
Да на его примѣръ и на дѣла велики
Смотря весь смертныхъ родъ, смотря земны вла-
дыки,
Познаютъ, что Монархъ и что отецъ прямой,
Строитель, плаватель, въ поляхъ, въ моряхъ герой;
Дабы россійскій родъ вовѣки помнилъ твердо,
Коль, Небо, Ты ему являлось милосердо!

. . . .

Богиня, коей власть владычествъ всѣхъ превыше,
Державство кроткое весны прекрасной тише,
И къ подданнымъ любовь всѣхъ вышній есть
законъ,
Ты внемлешь съ кротостью мой слабый лирный
звонъ!
Склони, склони свой слухъ, когда я предъ тобою
Дерзаю возгласить военною трубою,

Тебя родившее, велико Божество.
О, море! о, земля! о, тварей естество!
Монархинѣ моей вы нраву подражайте,
И гласу моему со кротостью внимайте.

Главное поэтическое искусство, по общему признанію, состоитъ въ томъ, чтобъ стихотворецъ могъ возбудить вниманіе къ изображенію какой-либо простой бытности. Истина хотя не имѣетъ нужды въ украшеніяхъ, но разумъ нашъ удобнѣе къ ней прилѣпляется, когда находитъ ее въ пріятномъ и достойномъ образѣ, каковъ здѣсь слѣдуетъ:

Уже освобожденъ отъ варваръ былъ Азовъ;
До Меотійскихъ Донъ свободно текъ валовъ,
Нося ужасный флотъ въ струяхъ въ пучинѣ черной,
Что̀ созданъ въ скорости Петромъ неимовѣрной;
Уже великая покоилась Москва,
Избывъ отъ лютаго злодѣевъ суровства:
Бунтующихъ стрѣльцовъ достойной послѣ казни,
Простерла внѣ свой мечъ безъ внутренней боязни,
Отъ дерзкой наглости, разгнѣваннымъ Петромъ
Воздвигся въ Западѣ войны ужасный громъ;
Отъ нарвской обуявъ сомнительной побѣды,
Шатались мыслями и войскъ походомъ Шведы.
Монархъ нашъ отъ Москвы простеръ свой быстрый ходъ,
Къ любезнымъ берегамъ полночныхъ Бѣлыхъ Водъ,

Гдѣ прежде межъ валовъ душа въ немъ веселилась,
И больше къ плаванью въ немъ жажда воспалилась.

. . . .

Уже, бѣлѣя, Понтъ передъ Петромъ кипитъ,
И влага уступить, шумя, ему спѣшитъ.
Тамъ вмѣсто чаянныхъ Бореи флаговъ шведскихъ,
Россійскіе въ зыбяхъ взвѣвали Соловецкихъ.
Закрылись крайніе пучиною лѣса,
Лишь съ моремъ видны вкругъ сліянны небеса
Тутъ вѣтры сильные, имѣя флотъ во власти,
Со всѣхъ сторонъ сложась къ погибельной напасти,
На Западъ и на Югъ, на Сѣверъ и Востокъ
Стремятся и вертятъ мглу, влагу и песокъ.
Перуны мракъ густой, сверкая, раздѣляютъ,
И громы съ шумомъ водъ свой трескъ соединяютъ:
Межъ моремъ рушился и воздухомъ предѣлъ,
Дождю на встрѣчу дождь съ кипящихъ волнъ летѣлъ,
Въ сердцахъ великой страхъ сугубятъ скрипомъ снасти.
Герой нашъ, посредѣ великія напасти,
И взоромъ и рѣчьми смутившихся крѣпитъ.

. . . .

Какое зрѣніе мечтается въ очахъ!
Я на земли стою, но страхомъ колебаюсь,
И чаю, что въ водахъ свирѣпыхъ погружаюсь:
Мнѣ всякая волна быть кажется гора,
Что съ ревомъ падаетъ, обрушась, на Петра.
Но Промыслъ въ глубину десницу простираетъ;

Оковы тяжкія вдругъ буря ощущаетъ.
Какъ въ равныхъ, разбѣжась, свирѣпый конь поляхъ,
Ржетъ, пышетъ, отъ копытъ восходитъ вихремъ прахъ;
Однако, доскакавъ до высоты крутыя,
Вздохнувъ, кончаетъ бѣгъ, льетъ токи потовые:
Такъ Сѣверъ, укротясь, впослѣдни возстеналъ.
По усталымъ волнамъ Понтъ пѣну разстилалъ;
Исчезли облака; сквозь воздухъ въ Югѣ чистый
Открылись два холма и берега лѣсисты.
Межъ ними кораблямъ въ заливъ отверзся входъ,
Убѣжище пловцамъ отъ безпокойныхъ водъ,
Гдѣ, въ мокрыхъ берегахъ, крутясь печальна Уна,
Медлительно течетъ въ объятія Нептуна.
Въ числѣ россійскихъ рѣкъ безвѣстна и мала,
Но предномъ рокомъ злымъ Петровыхъ преслыла,
Когда коварнаго свирѣпствомъ Годунова
Кипѣла пролита невинныхъ кровь багрова,
Какъ праотцевъ его онъ въ Сѣверъ заточилъ
Во влажномъ мѣстѣ семъ, о злоба! уморилъ.
Сошелъ на берегъ Петръ и ободрилъ стопами
Мѣста, омоченны Романовыхъ слезами;
Подвиглись берега, зря въ славѣ оныхъ родъ.
Межъ тѣмъ способный вѣтръ въ свой путь сзываетъ флотъ;
Онъ легкимъ къ западу дыханіемъ поспѣшаетъ,
И мелкихъ волнъ вокругъ себя не ощущаетъ.

Даръ изъявлять чувствія въ ихъ пространствѣ и подробностяхъ многими почитается за верхъ

разума человѣческаго; ибо на семъ изъявленіи обычайно основываются всѣ наши дѣйствія. Сильное чувствованіе и соотвѣтственное ему воображеніе принадлежатъ ли особо поэтамъ, и особо ли имъ, въ лицѣ всего дышащаго, или, когда прилично, въ лицѣ всякихъ безсловесныхъ твореній, принадлежитъ право сословное, или, какъ иные называютъ, право гласное, остается на свободномъ разсужденіи каждаго; но то кажется неоспоримо, что все одушевляется въ мысляхъ поэта, изъ его чувствія извлекается возможное совершенство Натуры, часто въ бытіи своемъ ограниченной. Можетъ ли кто не услаждаться таковою возможностью; кольми паче, когда существо вещей сходствуетъ съ воображеніемъ? Приведемъ здѣсь въ примѣръ описаніе общей Россіянъ радости, въ стихахъ на рожденіе Его Императорскаго Высочества.

Когда на холмѣ кто высокомъ
Сидя, вокругъ объемлетъ окомъ
Поля въ прекрасный лѣтній день,
Сады, долины, рощи злачны,
Шумящихъ водъ ключи прозрачны
И древъ густыхъ прохладну тѣнь,
Стада, ходящи межъ цвѣтами,
Обильность сельскаго труда
И желты классы межъ браздами,
Что̀ чувствуетъ въ себѣ тогда?

Такъ нынѣ градъ Петровъ священный,
Толикимъ счастьемъ восхищенный,

Взошелъ отрадъ на высоту,
Вокругъ веселія считаетъ
И края имъ не обрѣтаетъ,
Какую зритъ онъ красоту!
Тамъ многіе народа лики
На стогнахъ ходятъ и брегахъ;
Шумятъ тамъ праздничные клики,
И раздаются въ облакахъ.

Тамъ слышны разны разговоры;
Иной, взводя на небо взоры,
Великъ Господь мой! говоритъ;
Мнѣ видѣть въ старости судилось,
И прежде смерти приключилось,
Что̀ въ радости Россія зритъ!
Иной: я стану жить дотолѣ
(Гласитъ младой, свой зная вѣкъ),
Чтобы служить подъ Нимъ мнѣ въ полѣ,
Огонь пройти и быстрость рѣкъ.

Уже великими крилами
Парящая надъ облаками
Въ предѣлы Слава странъ звучитъ.
Труды народы оставляютъ
И гласу новому внимаютъ,
Что̀ Промыслъ имъ чрезъ то велитъ?
Пучина преклоняла волны,
И на брегахъ умолкнулъ шумъ;
Безмолвія всѣ земли полны,
Внимаетъ Славѣ смертныхъ умъ.

Но грады росскіе, въ надеждѣ,
Котора ихъ питала прежде,
Подвиглись слухомъ паче тѣхъ;
Верхами къ высотѣ несутся,
И тщатся облакамъ коснуться.
Москва, стоя въ срединѣ всѣхъ,
Главу, великими стѣнами
Вѣнчанну, взводитъ къ высотѣ;
Какъ кедръ межъ низкими древами,
Пречудна въ древней красотѣ.

Едва желанную отраду
Великому внушилъ слухъ граду
Отверзтіемъ священныхъ устъ,
Трясущи сѣдиной, вѣщаетъ:
«Теперь мнѣ Небо утверждаетъ,
«Что Домъ Петровъ не будетъ пустъ:
«Онъ въ немъ вовѣки водворится,
«Премудрость, мужество, покой,
«И судъ и правда воцарится;
«Онъ рогъ до звѣздъ возвыситъ мой.»

Ты, Слава, далѣ простираясь,
На западъ солнца устремляясь,
Гдѣ Висла, Ренъ, Секвана, Тагъ,
Гдѣ славны войскъ россійскихъ слѣды,
Гдѣ ихъ еще гремятъ побѣды,
Гдѣ вѣрный другъ, гдѣ скрытный врагъ,
Вездѣ разсыплешь слухи громки;
Коль много насъ ущедрилъ Богъ!
Петра Великаго потомки
Даются милости въ залогъ.

Представимъ еще образъ радостной Россіи, какову господинъ Ломоносовъ индѣ описываетъ, и образъ Натуры одушевленія.

. . . .

О, Муза! усугубь твой даръ.
Гласи со мной въ концы земные,
Коль нынѣ радостна Россія!
Она, коснувшись облаковъ,
Конца не зритъ своей державы;
Гремящей насыщена славы
Покоится среди луговъ,

Въ поляхъ, исполненныхъ плодами,
Гдѣ Волга, Днѣпръ, Нева и Донъ,
Своими чистыми струями,
Шумя, стадамъ наводитъ сонъ,
Сѣдитъ и ноги простираетъ
На степь, гдѣ Хину отдѣляетъ
Пространная стѣна отъ насъ,
Веселый взоръ свой обращаетъ
И вкругъ довольства изчисляетъ,
Возлегши локтемъ на Кавказъ.

Се нашею, рекла, рукою
Лежитъ поверженный Азовъ!
Рушитель нашего покою
Огнемъ казненъ среди валовъ.
Се знойные каспійски бреги,
Гдѣ, варварски презрѣвъ набѣги,
Сквозь степь и блата Петръ прошелъ,
Въ средину Азіи достигнулъ,

Свои знамена тамъ воздвигнулъ,
Гдѣ день скрывали тучи стрѣлъ!

Въ моей послушности крутятся
Тамъ Лена, Обь и Енисей,
Гдѣ многіе народы тщатся
Драгихъ мнѣ въ даръ ловить звѣрей;
Едва покровъ себѣ имѣя,
Смѣются лютости Борея,
Чудовищамъ дерзаютъ въ слѣдъ,
Гдѣ верхъ до облакъ простираетъ,
Угрюмы тучи раздираетъ,
Поднявшись съ дна морского ледъ.

Здѣсь Днѣпръ хранитъ мои границы,
Гдѣ Готѳъ гордящійся упалъ
Съ торжественныя колесницы,
При коей въ узахъ онъ держалъ
Сарматовъ и Саксоновъ плѣнныхъ;
Вселенну въ мысляхъ вознесенныхъ,
Единой обращалъ рукой,
Но палъ, и звукъ его достигнулъ
Во всѣ страны, и страхомъ двигнулъ
Съ Дунайской Вислу быстриной.

Въ стѣнахъ Петровыхъ протекаетъ
Полна веселья тамъ Нева,
Златой порфирою блистаетъ,
Покрыта лаврами глава.
Тамъ равной ревностью пылаютъ
Сердца, какъ стогны всѣ сіяютъ

Въ исполненной утѣхъ ночи.
О, сладкій вѣкъ! о, жизнь драгая!
Петрополь, небу подражая,
Подобны низпустилъ лучи,

. . . .

Покрытымъ орлими крилами,
Кто смѣетъ прикоснуться намъ?

Но если гордость ослѣпленна
Дерзнетъ на насъ воздвигнуть рогъ,
Тебѣ, въ женахъ благословенна,
Противъ ея помощникъ Богъ.
Онъ верхъ небесъ къ Тебѣ преклонитъ
И тучи страшныя нагонитъ,
Во срѣтенье врагамъ твоимъ.
Лишь только ополчишься къ бою,
Предъидетъ ужасъ предъ тобою,
И слѣдомъ воскурится дымъ.

Представимъ, при описаніи Сарскаго Села, образъ чувствуемой похвалы его Строительницѣ.

Гдѣ древнимъ временемъ Славена,
Гордяся, пролились струи;
Тамъ, видя Нимфа изумленна
Украшенны луга свои,
Златые кровы окомъ мѣритъ
И въ ужасѣ себѣ не вѣритъ,
Но кажду обозрѣвши часть,
Съ веселіемъ сіе вѣщаетъ:
«То само Небо созидаетъ,
Или Петровой дщери власть.»

Рекла, и влагу разсѣкая,
Пустилась тщательно къ Невѣ;
Волна, во бреги ударяя,
Клубится пѣною въ травѣ
Во храмъ, сіяющій металломъ,
Предъ тронъ, украшенный кристалломъ,
Поспѣшно простираетъ ходъ;
Вѣнцемъ зеленымъ увязенной
И въ виссъ вѣщаетъ облеченной
Владычицѣ россійскихъ водъ.

Рѣка, которой проливаютъ
Великія озера дань,
И кою громко прославляютъ
Во всей вселенной миръ и брань!
Ты счастлива трудомъ Петровымъ;
Тебя и нынѣ краситъ новымъ
Раченіемъ Елисаветъ.
Но малые мои потоки
Прими въ себя какъ Нилъ широкій,
Который изъ рая течетъ.

Мои источники вѣнчаетъ
Эдемской равна красота,
Гдѣ садъ богиня насаждаетъ,
Прохладны возлюбивъ мѣста,
Поля, гдѣ небу подражаютъ,
Себя цвѣтами испещряютъ.
Не токмо нѣжная весна,
Но осень тамо юность года:
Всегда роскошствуетъ Природа,
Искусствомъ рукъ побуждена.

Когда заря багрянымъ окомъ
Румянецъ умножаетъ розъ;
Когда на вѣтвіи высокомъ
И посредѣ зеленыхъ лозъ;
Со свистомъ птицы воспѣваютъ,
Отъ сна къ веселью возбуждаютъ,
Что царствуетъ въ моихъ лугахъ:
И солнце, восходя, дивится,
Цвѣты, межъ коихъ Индъ крутится,
Увидѣвъ при моихъ ключахъ.

Елисаветинымъ добротамъ
Вездѣ подобна красота;
Примѣра многимъ лишь щедротамъ
Не смѣетъ скудна дать вода
И орошать скаканьемъ поля:
Однако ежель оной воля
Охоту ободритъ мою,
Великой въ похвалу Богинѣ,
Я воды обращу къ вершинѣ;
Речетъ, и къ небу устремлю. *

Коль часто долы оживляетъ
Ловящихъ шумъ межъ нашихъ горъ,
Когда богиня понуждаетъ
Звѣрей чрезъ трубный гласъ изъ норъ!

---

* Нимфа Славены нынѣ еще болѣе удивляется, увидѣвъ при Царскомъ Селѣ въ самомъ дѣлѣ, что словомъ Великой Екатерины потекли тамъ, между прекрасными новыми зданіями, воды съ желаемымъ изобиліемъ.

Ей вѣтры въ слѣдъ не успѣваютъ;
Коню бѣжать не воспящаютъ
Ни рвы, ни частыхъ вѣтвей связь:
Крутитъ главой, звучитъ браздами
И топчетъ бурными ногами,
Прекрасной всадницей гордясь.

О, коль правдиво возвышаетъ,
Монархиня, сей Нимфа гласъ!
Коль взоръ твой далеко блистаетъ,
То нынѣ чувствовалъ Парнассъ,
Какъ ты, отъ мѣстъ преукрашенныхъ
И лѣтней нѣгѣ посвященныхъ,
Воззрѣла матерски къ нему:
Являя такову щедроту,
Колику къ знаніямъ охоту
Даешь народу твоему!

Что дымъ и пецелъ отрыгая,
Мрачилъ вселенну Енцеладъ,
Реветъ подъ Этною, рыдая,
И тѣломъ наполняетъ адъ;
Зевесовымъ пронзенъ ударомъ,
Въ отчаяньи трясется яромъ,
Безсиленъ тяготу поднять,
Великою покрыть горою,
Безъ пользы движется подъ тою
И тщетно силится возстать.

Такъ варварство твоимъ перуномъ
Уже повержено лежитъ,

Когда, при шумѣ сладкострунномъ
Поющихъ Музъ, твой слухъ звучитъ,
Востокъ и Западъ наполняетъ
Хвалой твоей, и возвышаетъ
Твои щедроты выше звѣздъ.
О, вы, счастливыя Науки!
Прилежно простирайте руки
И взоръ до самыхъ дальнихъ мѣстъ.

Пройдите землю и пучину,
И степи и глубокій лѣсъ,
И нутрь Рифейскій, и вершину,
И саму высоту небесъ.
Вездѣ наслѣдуйте всечасно,
Что̀ есть велико и прекрасно,
Чего еще не видѣлъ свѣтъ;
Трудами вѣки удивите,
И сколько можетъ, покажите,
Щедротою Елисаветъ.

Изъ горъ изсѣченны колоссы,
Механика, ты въ честь возвысь
Монархамъ, отъ которыхъ Россы
Подъ солнцемъ славой вознеслись;
Наполни воды кораблями,
Моря соедини рѣками
И рвами блата изсуши;
Военны облегчи громады,
Петромъ основанные грады
Подъ скиптромъ Дщери соверши.

Въ земное нѣдро ты, Химія,
Проникни взора остротой,
И, что содержитъ въ немъ Россія,
Драги сокровища открой;
Отечества умножить славу
И вящше укрѣпить державу
Спѣши за хитрымъ естествомъ,
Подобнымъ облекаясь цвѣтомъ,
И что̀ прекрасно токмо лѣтомъ,
Ты сдѣлай вѣчно мастерствомъ.

Въ небесны, Уранія, круги
Возвыси, посреди лучей,
Елисаветины заслуги,
Чтобъ тамо, въ вѣчну славу ей,
Сіяла новая планета.
Россійскаго пространство свѣта,
Собравъ на малы чертежи,
И грады оною спасенны,
И села ею же блаженны,
Географія, покажи.

Наука легкихъ метеоровъ!
Премѣны небо предвѣщай,
И бурный шумъ воздушныхъ споровъ
Чрезъ вѣрны знаки предъявляй;
Чтобъ земледѣлецъ выбралъ время,
Когда землѣ повѣрить сѣмя
И дать когда покой браздамъ;
И чтобы, не боясь погоды,
Съ богатствомъ дальни шли народы
Къ Елисаветинымъ брегамъ.

А ты, возлюбленная лира,
Правдивымъ счастьемъ веселись;
Къ блистающимъ предѣламъ міра
Шумящимъ звономъ вознесись:
И возгласи, что нѣтъ на свѣтѣ,
Кто бъ равенъ былъ Елисаветѣ
Такимъ блистаніемъ хвалы.
Но что за громы ударяютъ?
Се гласъ мой звучно повторяютъ
Земля, и вѣтры, и валы.

Съ какими познаніями и чувствіями здѣсь мирная тишина и покровительство наукъ превозносится!

Царей и царствъ земныхъ отрада,
Возлюбленная тишина,
Блаженство селъ, градовъ ограда,
Коль ты полезна и красна!
Вокругъ тебя цвѣты пестрѣютъ
И классы на поляхъ желтѣютъ,
Сокровищъ полны корабли
Дерзаютъ въ море за тобою;
Ты сыплешь щедрою рукою
Свое богатство по земли.

Великое свѣтило міру,
Блистая съ вѣчной высоты
На бисеръ, злато и порфиру,
На всѣ земныя красоты,
Во всѣ страны свой взоръ возводитъ,

Но краше въ свѣтѣ не находитъ
Елисаветы и тебя:
Ты, кромѣ той, всего превыше;
Душа ея Зефира тише,
И зракъ прекраснѣе рая.

Когда на тронъ она вступила,
Какъ Вышній подалъ ей вѣнецъ,
Тебя въ Россію возвратила,
Войнѣ поставила конецъ;
Тебя, пріявъ, облобызала:
«Мнѣ полно тѣхъ побѣдъ, сказала,
Для коихъ крови льется токъ.
Я Россовъ счастьемъ услаждаюсь,
Я ихъ спокойствомъ не мѣняюсь
На цѣлый Западъ и Востокъ.»

Молчите пламенные звуки
И колебать престаньте свѣтъ;
Здѣсь въ мирѣ расширять науки
Изволила Елисаветъ.
Вы, наглы вихри, не дерзайте
Ревѣть, но кротко разглашайте
Прекрасны наши времена,
Въ безмолвіи внимай вселенна:
Се хощетъ лира восхищенна
Гласить велики имена.

Ужасный чудными дѣлами,
Зиждитель міра искони
Своими положилъ судьбами

Себя прославить въ наши дни,
Послалъ въ Россію человѣка,
Каковъ не слыханъ былъ отъ вѣка:
Сквозь всѣ препятства онъ вознесъ
Главу, побѣдами вѣнчанну,
Россію, грубостью попранну,
Съ собой возвысилъ до небесъ.

Въ поляхъ кровавыхъ Марсъ страшился,
Свой мечъ въ Петровыхъ зря рукахъ,
И съ трепетомъ Нептунъ чудился,
Взирая на россійскій флагъ,
Въ стѣнахъ, внезапно укрѣпленна
И зданіями окруженна,
Сомнѣнная Нева рекла:
«Или я нынѣ позабылась
И съ онаго пути склонилась,
Которымъ прежде я текла?»

Тогда божественны науки,
Чрезъ горы, рѣки и моря
Въ Россію простирали руки
Къ сему Монарху, говоря:
Мы съ крайнимъ тщаніемъ готовы
Подать въ россійскомъ родѣ новы
Чистѣйшаго ума плоды.
Монархъ къ себѣ ихъ призываетъ;
Уже Россія ожидаетъ
Полезны видѣть ихъ труды.

Но, ахъ, жестокая судьбина!
Безсмертія достойный мужъ,

Блаженства нашего причина,
Къ несносной скорби нашихъ душъ,
Завистливымъ отторженъ рокомъ,
Насъ въ плачѣ погрузилъ глубокомъ,
Внушивъ рыданiй нашихъ слухъ!
Верхи парнасски возстенали,
И Музы воплемъ провождали
Въ небесну дверь пресвѣтлый духъ.

Какая свѣтлость окружаетъ
Въ толикой горести Парнассъ?
О, коль согласно тамъ бряцаетъ
Прiятныхъ струнъ сладчайшiй гласъ!
Всѣ холмы покрываютъ лики.
Въ долинахъ раздаются клики:
Великая Петрова Дщерь
Щедроты Отчи превышаетъ,
Довольство Музъ усугубляетъ,
И къ счастью отверзаетъ дверь.

Великой похвалы достоинъ,
Когда число своихъ побѣдъ
Сравнить сраженьямъ можетъ воинъ,
И въ полѣ весь свой вѣкъ живетъ;
Но ратники ему подвластны
Всегда хвалы его причастны,
И шумъ въ полкахъ со всѣхъ сторонъ
Звучащу славу заглушаетъ,
И грому трубъ ея мѣшаетъ
Плачевный побѣжденныхъ стонъ.

Сія Тебѣ единой слава,
Монархиня, принадлежитъ.
Пространная Твоя держава
О, какъ Тебя благодаритъ!
Воззри на горы превысоки,
Воззри въ поля Свои широки,
Гдѣ Волга, Днѣпръ, гдѣ Обь течетъ:
Богатство въ оныхъ потаенно
Наукой будетъ откровенно,
Что щедростью Твоей цвѣтетъ.

Толикое земель пространство
Когда Всевышній поручилъ
Тебѣ въ счастливое подданство,
Тогда сокровища открылъ,
Какими хвалится Индія;
Но требуетъ къ тому Россія
Искусствомъ утвержденныхъ рукъ:
Сіе злату очиститъ жилу;
Почувствуютъ и камни силу
Тобой возставленныхъ наукъ.

Хотя всегдашними снѣгами
Покрыта сѣверна страна,
Гдѣ мерзлыми Борей крылами
Твои взвѣваетъ знамена;
Но Богъ межъ льдистыми горами
Великъ Своими чудесами:
Тамъ Лена чистой быстриной,
Какъ Нилъ народы напаяетъ,
И бреги наконецъ теряетъ,
Сравнившись морю шириной.

Коль многимъ смертнымъ неизвѣстны
Творитъ Натура чудеса,
Гдѣ густостью животныхъ тѣсны
Стоятъ глубокіе лѣса;
Гдѣ, въ роскоши прохладныхъ тѣней,
На паствѣ скачущихъ еленей
Ловящихъ крикъ не разгонялъ;
Охотникъ гдѣ не мѣтилъ лукомъ,
Сѣкирнымъ земледѣлецъ стукомъ
Поющихъ птицъ не устрашалъ.

Широкое открыто поле,
Гдѣ Музамъ путь свой простирать,
Твоей великодушной волѣ
Что̀ можемъ за сіе воздать?
Мы даръ Твой до небесъ прославимъ
И знакъ щедротъ Твоихъ поставимъ,
Гдѣ солнца всходъ, и гдѣ Амуръ
Въ зеленыхъ берегахъ крутится,
Желая паки возвратиться
Въ Твою державу отъ Манчуръ.

Се мрачной вѣчности запону
Надежда отверзаетъ намъ!
Гдѣ нѣтъ ни правилъ, ни закону,
Премудрость тамо зиждетъ храмъ;
Невѣжество предъ ней блѣднѣетъ,
Тамъ влажный флота путь бѣлѣетъ,
И море тщится уступить:
Колумбъ россійскій черезъ воды
Спѣшитъ въ невѣдомы народы
Твои щедроты возвѣстить.

Тамъ тмою острововъ посѣянъ
Рѣкѣ подобенъ Океанъ;
Небесной синевой одѣянъ,
Павлина посрамляетъ вранъ;
Тамъ тучи разныхъ птицъ летаютъ,
Что̀ пестротою превышаютъ
Одежду нѣжныя весны;
Питаясь въ рощахъ ароматныхъ
И плавая въ струяхъ пріятныхъ,
Не знаютъ строгія зимы.

И се Минерва ударяетъ
Въ верхи рифейски копіемъ,
Сребро и злато истекаетъ
Во всемъ наслѣдіи Твоемъ,
Плутонъ въ разселинахъ мятется,
Что̀ Россамъ въ руки предается
Драгой его металлъ изъ горъ,
Который тамъ Натура скрыла:
Отъ блеска дневнаго свѣтила
Онъ мрачный отвращаетъ взоръ.

О, вы, которыхъ ожидаетъ
Отечество отъ нѣдръ своихъ,
И видѣть таковыхъ желаетъ,
Какихъ зоветъ отъ странъ чужихъ!
О, ваши дни благословенны!
Дерзайте, нынѣ ободренны,
Раченьемъ вашимъ показать,
Что̀ можетъ собственныхъ Платоновъ
И быстрыхъ разумомъ Невтоновъ
Россійская земля раждать.

Науки юношей питаютъ,
Отраду старымъ подаютъ,
Въ счастливой жизни украшаютъ,
Въ несчастный случай берегутъ;
Въ домашнихъ трудностяхъ — утѣха,
И въ дальнихъ странствахъ не помѣха.
Науки пользуютъ вездѣ:
Среди народовъ и въ пустынѣ,
Въ градскомъ шуму и наединѣ,
Въ покоѣ сладки и въ трудѣ.

Красота сочиненій господина Ломоносова завлекаетъ меня въ долгія выписки; но мысль моя течетъ съ большею пріятностью къ главному намѣренію изъявить общее чувство народа, при распространяемыхъ россійскихъ словесностяхъ, подъ благословенною державою великой нашей Монархини.

Разумъ мой останавляется при толь обширномъ полѣ. Желалъ бы я имѣть даръ господина Ломоносова къ изъявленію всенародной Ей благодарности; но хотя слова не могутъ сравниться съ Ея благодѣяніями, утѣшительно быть и самымъ простымъ органомъ тысящей сердецъ, горящихъ къ Ней равнымъ благоговѣніемъ.

Да изліется предъ Нею наше усердіе болѣе чистотою душъ, нежели витійствомъ украшенное.

Снабжая имперію мудрыми установленіями, насаждая благовоспитаніе, распространяя благонравіе, усмиряя внѣшнихъ враговъ и привлекая милосердіемъ подъ свои законы новыя области, Она

наиболѣе побудила насъ видѣть, сколько нужны науки и достоинство слова во всякомъ благоустроеніи, и сколь направленіе сердца и наученіе разума во всякое время полезны вообще и частно отечеству. Мы видимъ, что изъ сего источника извлекаются великіе полководцы и мудрые государственные правители, и что съ самаго начала благополучнаго Ея царствованія, высокое Ея къ Россійскому Слову благоволеніе разными образами всегда было знаменуемо. Отличная милость и благоволеніе къ покойному господину Ломоносову, учрежденная для переводовъ книгъ коммисія, возведеніе извѣстныхъ многими сочиненіями писателей на степени ихъ таланту и достоинству приличные, и напослѣдокъ, собственно къ возвышенію языка нашего, Ея трудолюбіе, не даютъ намъ усомниться, сколь святы и достодолжны наши жертвы Ей, яко Минервѣ приносимыя.

Недоставало въ Россіи для распространенія слова установленнаго общества: Она, препоручивъ правленіе наукъ ихъ отличной любительницѣ, ввѣряетъ ей благоустроеніе новой Россійскаго Слова Академіи, обнадеживая навсегда ее своимъ высокомонаршимъ благоволеніемъ. Невозможно, чтобъ, при изліяніи къ Россіи толикихъ Ея милостей, умолкъ языкъ нашъ.

Великая Монархиня! Тебѣ обязанные лучшею частію бытія нашего, Тебѣ да потщимся принести плоды нашего неоцѣненнаго благополучія!

РѢЧЬ

О ДОСТОИНСТВѢ ВООБЩЕ СЛОВЕСНОСТИ И О ПРОИЗВЕДЕНІИ СЛОВЪ РОССІЙСКИХЪ.

Времена благодѣтельныхъ государей подобны прекрасному лѣту, когда оно, животворнымъ своимъ вліяніемъ, возвеличиваетъ природу и даетъ сущность многихъ надеждъ радовательному совершенію. Сословіе почтенной моей собратіи, при всякомъ удаленіи отъ лживаго ласкательства, не скучитъ, въ томъ я увѣряюсь, напоминновеніями истины, всѣми и всюду повторяемой, и представляемой съ нѣкакою всегда святохранимою единогласностію по тому самому, что она есть непреложная истина. Отдавая словомудрія честь любопытному уму человѣческому, справедливость не должна ли приписать многое чувствію нашего признанія, когда усиливаемся изрещи благодарность, часто превосходящую изреченіе.

Если ли бы языки раждались въ вѣкахъ зрѣлаго человѣческаго познанія, любители словесности потщились бы слѣдовать въ томъ благо-

устроенному въ природѣ вещей согласію, почтились бы согласовать вначалѣ способности словесныхъ нашихъ органовъ, превосходящихъ весьма ощутительно органы другихъ животныхъ. Неоскудѣваемая мѣра механическихъ способностей дана человѣчеству, конечно, не такъ просто, чтобъ мы превосходнымъ сложеніемъ гортани нашей произносили и подражательные всякіе гласы, и особенно свои различные составы рѣчи, безъ присоединенія къ нимъ другихъ, подобно неоскудѣваемымъ способностямъ, коихъ дѣйствія назвали мы: чувствовать, мыслить, образовать и памятовать. Высочайшій всего Начальникъ, наградя насъ сими начальными способностями, далъ намъ, по обильной мѣрѣ ихъ, и другія нужныя орудія къ образованію словъ многоразличныхъ, сколь бы познанія наши пространны ни были.

Любители Словесности, въ разныхъ вѣкахъ и народахъ, не преминули однако, сколько могли, сблизить мало по малу слова со свойствомъ вещей нарицаемыхъ; а отъ сего гармоничнаго сближенія Словесность, напослѣдокъ, получила нѣкакую очаровательную силу, верховную надъ всѣми другими человѣческими способностями.

Побуждаемся ли принести Богу наши благодаренія, мольбы и славословія? Прибѣгаемъ, въ изобиліи чувствій, къ боголѣпному восклицанію; и словесный даръ, каковымъ мы безконечно ущедрены, посвящаемъ во славу всѣхъ щедротъ Источника, яко превосходнѣйшую часть бытія нашего.

Изъявить ли мудрому, благотворному и попечительному Государю наше удивленіе, почитаніе, усердіе, нашу любовь, приверженность, вѣрность? Слово, въ согласіи съ нашею доброю волею, содѣлывается крѣпчайшимъ ихъ истины ручателемъ.

Усовершить ли наши дарованія и опредѣлить ихъ цѣли? Къ тому не инако достигаемъ, какъ посредствомъ слова, доставляющаго намъ правыя о вещахъ понятія, и сихъ понятій соображенія.

Союзить ли частныя пользы во благо общее? Слово производитъ, содержитъ и укрѣпляетъ единомысліе, и какое, безъ одушевительнаго разумѣнія, было бы однимъ только пустымъ звукомъ, такое въ своемъ одушевленіи связуетъ цѣпь всѣхъ нашихъ взаимныхъ обязанностей.

Отдать ли справедливость и похвалу добродѣтелямъ, высокимъ достоинствамъ, отличнымъ заслугамъ, полезнымъ дарованіямъ? Слово своею душепитательною наградою превосходитъ тогда многоцѣннѣйшія сокровища, кои слабо награждаютъ имства, многоцѣнность оныхъ превышающія.

Привести ли законы въ ясность, силу и твердость? Слово, противугласное темнотѣ, сомнѣнію и двоемыслію, доставляетъ намъ надежнѣйшую нить, въ лавиринѳѣ невѣжественныхъ толковъ и ябедъ истину затмѣвающихъ.

Не слово ли держитъ въ спасительныхъ правилахъ племена людей, различныхъ состояній, нравовъ и обычаевъ, совокупленныхъ воедино удостовѣреніемъ ихъ общей въ томъ пользы и

общаго спокойствія? Исторія представляетъ намъ безчисленные примѣры приведенныхъ въ развратъ не только частныхъ людей, но и цѣлыхъ обществъ и цѣлыхъ народовъ; и въ то же время, когда сила развратной буйности стремительно рѣетъ ихъ въ самую тму заблужденій, видимъ, однако, что единое слово, единая черта, умъ просвѣщающая, удерживаетъ отъ большихъ погрѣшеній тысящи заблуждающихъ и предупреждаетъ бездну золъ, предстоящихъ погрѣшеніемъ.

Здѣсь долженъ я включить благонамѣренныхъ писателей достоинства, малымъ числомъ людей чувствуемыя, но главнѣйшія исправленія во нравахъ, склонностяхъ и обычаяхъ производящія. Горделивыхъ умовъ изнѣженное самолюбіе не дозволяетъ имъ признаваться въ таковой истинѣ, поколику она оскорбила бы ихъ тщеславіе и унизила бы высокоцѣнимость преимуществъ незаслуженныхъ; но кто въ тайности сердца, вопрося безпристрастно совѣсть свою, не возчувствуетъ, сколь праведно обязанъ онъ лучшею частію своего физическаго и моральнаго благосостоянія достоинству Словесности?

Не слову ли повинуются многочисленныя воинства, уразумѣвая, что законная власть, ими дѣйствующая, требуетъ отъ нихъ совершеннаго повиновенія и всегдашняго бодрствованія по справедливымъ причинамъ и надобностямъ? Въ самыхъ упорныхъ битвахъ, когда человѣчество отъ окружающихъ ужасовъ содрогается, и когда отчаянность изнеможенія начинаетъ уже стремить-

ся къ бѣгу, коль часто слово мудраго и храбраго полководца, подобно быстротѣ молніеносной, летитъ на помощь уступающей слабости, возраждаетъ въ ней новыя силы, новую смѣлость и новую къ побѣдѣ надежду, самую побѣду наконецъ производящую!

Къ вамъ обращаюсь теперь, любезнѣйшіе словесности предметы, жизнь нашу пріятными заботами наполняющіе! При самомъ внѣшней красоты вашей совершенствѣ, при самыхъ плѣнительныхъ ея нарядахъ, коль слабы нашлись бы ваши прелести и привлеченія, если бы слово въ устахъ вашихъ, совершенному чарованію подобное, не присоединялось къ вашему надъ сердцами владычеству! Не часто ли мы видимъ, что красота, невѣдущая и небрежная, уступаетъ верхъ благоразумію, достоинствомъ слова привлекающему? Примѣры вѣрнѣйшихъ друзей, супруговъ, любовниковъ, но на семъ ли достоинствѣ главнымъ образомъ основаны? не посредствомъ ли слова намъ описаны и проповѣданы?

Надобны ли къ тому убѣдительнѣйшіе примѣры? Великіе монархи не только покровительствомъ, но и собственными трудами любительно старались ознаменовать достоинство Словесности, неминуемо объемлющее всѣ части человѣческихъ правъ, выгодъ и обязанностей. Безсмертныя имена таковыхъ монарховъ колико возвеличиваютъ Словесность всѣхъ вѣковъ и всего міра, толико сами ею справедливо возвеличиваются.

Скажемъ еще, что если бы кто восхотѣлъ до-

воды о достоинствѣ Слова распространить далѣе, то нашелъ бы въ самыхъ началахъ міросозданія, сего божественнаго дара священнѣйшія изображенія. Приведемъ здѣсь въ приличность нѣкоторыя: «Словомъ небеса создашася. Словомъ сотворилъ Богъ міръ видимый и невидимый. Словомъ далъ намъ познать волю Свою. Одареніемъ слова возвеличилъ насъ надъ всѣми земными созданіями». Самъ небесныхъ круговъ Верхотворецъ, по превосходному слова отличію, наименованъ во Святомъ Писаніи *Богъ Слово*.

Кто бы могъ потомъ не чувствовать, что мы Словомъ познаваемъ и себя и насъ окружающее? Словомъ содержатся уставы нашихъ должностей, Словомъ крѣпится общее и частное всѣхъ благосостояніе и Словомъ царствованіе восходитъ на степень благожелаемаго величія.

При толь ощутительныхъ и неоспоримыхъ истинахъ, должно однако упомянуть, что всякая полезная вещь, по общему природы закону, бываетъ причастна временнымъ злоупотребленіямъ, каковыя подъ разными видами, входя въ составъ бытія нашего, превращаютъ иногда невинности и спокойствія образъ въ соблазнительный примѣръ бѣдствующаго человѣчества. Подобно такъ и Словесность, при всей своей пользѣ, имѣетъ своихъ превратителей, кои, производя благодатнымъ орудіемъ злыя дѣянія, простираютъ превратныхъ умовъ язву равно на предметы своего сотоварищества, какъ и на тѣхъ, кого они подчиняютъ тяготамъ своей превратности. Словес-

ность содѣлывается тогда нѣкакою болѣзнью разума, подозрѣвается въ своихъ дѣйствіяхъ и представляется въ видѣ опаснѣйшаго свойства человѣческаго. Изнемогающіе подъ бременемъ случайнаго своего жребія, называя тогда случайность постоянностью, вопіютъ, въ горестныхъ прискорбіахъ, что Слово развращаетъ простоту и удобовозможность на земли блаженства человѣческаго; что, со времени распространенія Слова, первородныя къ доброму склонности, бывъ прежде вѣрными путеводителями, содѣлались сомнѣнными, или вовсе измѣнилились; что Слово рѣдко означаетъ прямую мысль нашу, и еще рѣже объясняетъ вещи, каковы онѣ въ самой сущности представляются; что злоупотребленіе Слова далеко превосходитъ злоупотребленіе нѣмства человѣческаго; что вредные умы находятъ въ Словѣ и пищу собственной разврата закоснѣлости и къ развращенію другихъ орудіе. Чрезъ Слово, вопіютъ они, клевета уничтожаетъ истину, чрезъ него невѣжество и суемудріе торжествуютъ надъ благоразумнымъ познаніемъ. Чрезъ него хищная лесть исторгаетъ себѣ выгоды, къ обидѣ заслугъ справедливыхъ. Чрезъ него развращаются общества, разоряются грады, гибнутъ народы, и даже слѣдъ полезныхъ и великихъ дѣлъ, купно съ тѣми, коихъ жизнь была безцѣнностью вѣка и коихъ память не инако долженствуетъ быть сохраняема, какъ въ утѣшительное повѣствованіе вѣкамъ будущимъ, къ прискорбію человѣчества, иногда утрачивается.

Такову представляютъ они картину Словесности въ ея злоупотребленіяхъ. Но не слышимъ ли притомъ безпристрастнаго благоразумія и благопосредствующей истины гласа? Они внушаютъ, что возможность всякихъ случайныхъ событій не есть устроенный кругъ дѣяній человѣческихъ, въ обычайномъ пути своемъ постоянствующихъ; не есть правило общественное, ниже частное, ибо таковыя событія влекутъ за собою обоюдныя бѣдствія; но есть примѣръ къ послѣдованію, ибо онъ соединенъ съ раскаяніемъ, страхомъ и опасеніемъ.

Такъ подобно видимъ злоупотребленіе металла, извлекаемаго изъ нѣдръ земли къ лучшему ея воздѣланію, или къ оборонѣ отечества и другимъ разнымъ полезностямъ. Остріе желѣза является ли въ рукахъ какого-либо злодѣя? Гнушаемся злодѣйствомъ, но высоко чтимъ пользу орудія, познавая въ немъ благодаровитость Творца къ покою и оградѣ мирныхъ добродѣтелей. Такъ подобно люди, вредные остротою словесныхъ жалъ своихъ, представляютъ намъ отвратительную мрачность словосплетенія, но тѣмъ не помрачаютъ достоинства Слова, въ общеполезномъ его употребленіи.

Если же бы какое упрямое злоуміе представляло себѣ въ частыхъ примѣрахъ таковаго зла нѣкоторую опору и извинительность, то да будетъ намъ позволено изслѣдовать: не отъ причины ли недостаточныхъ словъ и объясненій главнымъ образомъ происходятъ человѣческія погрѣшенія? Кто усомнится, вопросимъ примѣрно, что-

бы десять въ счету своемъ не были десять, когда то условіемъ вѣрной математической истины доказано? Не равно ли мы удостовѣрены, что благосостояніе наше не можетъ быть спокойно и прочно, когда окружающее насъ не будетъ причастно сему благосостоянію? Моральныя истины не разнятся съ математическими, когда онѣ въ человѣческихъ сообществахъ, единообразнымъ смысломъ, словомъ и дѣйствіемъ уясняются и вѣчнуютъ.

Умолкнемъ ли въ бездѣйствіи, когда времена нашего благополучія несомнѣнны? Монаршимъ высокимъ благоволеніемъ возстановленная Императорская Россійская Академія не имѣетъ ли нынѣ новыхъ обязанностей пещись объ усовершенствованіи отечественнаго Слова, усовершая тѣмъ благо общее?

Трудолюбивые Россійской Словесности любители, первѣе другихъ чувствуютъ, что, при всѣхъ ея успѣхахъ, нахотяся еще въ ней недостатки, и ничто не образуетъ умовъ такъ сильно, какъ усовершеніе Словесности. Какое прекрасное поле къ откровеніямъ! — поле, достойное любителей отечества, готовыхъ усердными трудами соотвѣтствовать великодарственнымъ монаршимъ намѣреніямъ!

Въ другихъ временахъ, любопытность нѣкоторыхъ природы тайнопознателей, сообразуясь съ тѣснотою своего круга, довольствовались нѣкакими изслѣдованіями первобытнаго человѣческаго въ природной дикости безсловеснаго или ма-

дословеснаго состоянія Благоразумнѣйшіе изъ нихъ отрицали удобовозможность совершенной дикости, полагая, что состояніе человѣка совершенно дикое, если бы такое могло гдѣ случиться, было бы скотоподобіе; и въ такомъ случаѣ люди равно, какъ скоты, не заслуживали бы подробнаго бытія ихъ изслѣдованія. Другіе же, ограничивая способности, кругъ и блаженство человѣка въ кратчайшихъ предѣлахъ, назначали ему небольшое число жизненныхъ надобностей и, къ ихъ изъявленію, двадцать или тридцать словъ тому соразмѣрныхъ. Такимъ образомъ полагали, что блаженство въ простотѣ жизни есть самое на земли совершенное, поколику исполненія желаній не могли тогда быть подвержены затрудненіямъ. Въ самомъ дѣлѣ, слова: дай, возьми, приди, поди, хочу ѣсть, пить, спать, съ нѣкоторымъ числомъ другихъ рѣченій, казались бы къ сохраненію и нѣкоторому удовольствію жизненному достаточными, если бы вся окружность человѣка могла постоянно въ томъ ему содѣйствовать. Къ прискорбію человѣчества, никакая исторія первобытнаго человѣка не увѣряетъ о возможности и постоянствѣ подобнаго счастія. Къ Словарю краткому сего святообразнаго созданія скоро прибавились рѣченія, начальной его тишинѣ, кротости и начальному благополучію несоотвѣтственныя. Другимъ оставимъ изслѣдованія: звѣри ли, звѣрямъ ли подобные люди, или и тѣ и другіе совокупно принудили его болѣе и болѣе размышлять о лучшихъ своихъ способностяхъ:

о предосторожностяхъ, оградахъ, защищеніяхъ, человѣческихъ сообществахъ и условіяхъ. Упомянемъ однако, что таковые начальные образцы изобрѣтеній прозвели отъ себя, въ теченіе временъ, удивительныя послѣдствія ремеслъ, художествъ, искусствъ, наукъ и познаній, требующихъ умовъ высокихъ. Каждое новое откровеніе, или изобрѣтеніе естественно прибавляло новыя слова, къ изъясненію дѣйствій и вещей, дотолѣ невѣдомыхъ или маловѣдомыхъ. А таковыя прибавленія, и потомъ укоренившіеся словъ обычаи, составили напослѣдокъ пространные языки, частію съ самогласнымъ подобіемъ и приличностію вещей соображенные, правильные и ясные; частію же принятые отъ вымысла маловѣдущихъ, неправильные и недостаточные.

Къ тому должно себѣ представить, что природное любопытство человѣческое и нѣга чувствій, страстей, ума и воображенія, никогда не могли, наипаче въ ихъ совокупности ограничить своего круга; и несомнѣнно, какъ въ произведеніяхъ, достойныхъ подражанія, такъ въ погрѣшностяхъ и заблужденіяхъ, дѣлаясь часто образцами, оставляли по себѣ добрыхъ и худыхъ послѣдователей.

Красота россійскаго языка, въ видѣ отечественнаго преимущества, сколь ни была бы намъ пріятна, но въ сужденіи, какая степень отличности принадлежитъ нашему языку предъ прочими, признательно безмолвствую. Почтенная моя собратія можетъ, по сравненію языковъ, какіе

мнѣ чужды, извѣдать то основательнѣе. Я же ограничу себя примѣчаніями только о Россійскомъ Языкѣ, къ его собственному достоинству относящимися.

Языкъ нашъ имѣетъ множество коренныхъ краткихъ словъ, отличительныхъ гармоничнымъ съ природою сходствомъ, или ей подражаніемъ, и могъ бы достаточно изобиловать въ рѣченіяхъ, если бы нѣкоторыя коренныя слова, въ отдѣлѣ отъ прилагаемыхъ къ нимъ частицъ, не были оставлены. Кажется, что иныя требуютъ только возстановленія, ибо въ славенскомъ или въ другихъ, происходящихъ отъ него языкахъ, онѣ въ точности находятся. Но подробные о томъ изслѣдованія не принадлежатъ къ предмету моей рѣчи; къ ней слѣдуютъ только краткія замѣчанія, какими способами языкъ нашъ удобнѣе можетъ приближаться къ усовершенію. При всей же возможной въ томъ кратости, не излишнимъ однако кажется предложить здѣсь о недостаткѣ въ нашемъ языкѣ нѣкоторыхъ словъ, отличительно уважаемыхъ въ общежитіи человѣческомъ. Недостатокъ сей тѣмъ болѣе чувствителенъ, что на другихъ языкахъ, при сравненіяхъ, встрѣчаемъ точность и ясность словъ, въ совершенномъ со смысломъ ихъ согласіи; но на своемъ языкѣ изъяснить то или не можемъ, или изъясняемъ недостаточно.

Находимъ ли себя въ трудности изъясненія, когда сочетаніемъ разныхъ словъ именуемъ какой либо предметъ, въ существѣ своемъ не слож-

ный? Такъ напримѣръ, по реченію *дѣлать доброе*, именуемъ *добродѣтель*, въ ея особомъ разумѣніи. Въ другихъ одуманныхъ языкахъ находимъ, что сіе высокое человѣческое качество, разумѣемое у насъ подъ словомъ *добродѣтели*, именовано не сложнымъ, но кореннымъ свойственнымъ словомъ, зрѣлое мужество и постоянство означающимъ (virtus, vertu), отдѣльно отъ смысла всякаго добродѣянія, и наипаче отъ смысла добродѣянія случайнаго, какое въ нашемъ языкѣ, по содѣланію какого либо добра, правдиво именуется добрымъ дѣломъ: и буквально, добродѣтельно, единозначительною съ добродѣяніемъ. Таковая буквальная добродѣтель и на другихъ языкахъ изображается рѣченіями, тому подобными.

Словари чужихъ языковъ изъясняютъ добродѣтель въ ея особомъ разумѣніи слѣдующимъ образомъ: *virtus:* rectitudo, probitas, propensio ad bonum (латинское), *vertu:* droiture, probité, disposition ou habitude de l'ame à faire le bien (французское).

Прибавимъ тутъ же и нашего языка, подъ словомъ *добродѣтели*, изъясненіе:

Добродѣтель есть постоянное правоты и чести любленіе, постоянная склонность и готовность къ добродѣяніямъ.

Разность между добродѣяніемъ временнымъ и постоянною склонностью, и готовностью къ добродѣяніямъ является въ такой подобной противомѣрности, какъ часъ предъ цѣлымъ годомъ.

Представимъ въ примѣръ бытность, на одномъ изъ Алеутскихъ Острововъ случившуюся. Дикій островской обитатель видитъ звѣря, гонящагося за малою дѣвочкою, бросается со своимъ оружіемъ на звѣря, убиваетъ его и спасаетъ тѣмъ дѣвочку отъ видимой смерти. Русскіе промышленики, тутъ случившіеся, восклицаютъ ему похвалы за его добродѣтель, отдая должную честь его доброму дѣлу, какое въ произшествіи своемъ, безъ сомнѣнія, было доброе. Дикому человѣку показалось обидно, что похваляютъ его за безкорыстное дѣло. «Не дѣвкинъ животъ мнѣ былъ дорогъ, отвѣчалъ Алеутянинъ: со звѣря я кожу сойму, да за кожу полтину возьму.»

Исторія Алеута и дѣвочки есть исторія, чаятельно, многихъ племенъ, которымъ не достаетъ только алеутскаго чистосердечія. Излишне, кажется, распространять вопросъ, въ подобныхъ ли дѣйствіяхъ сущная добродѣтель заключается.

Слово, именующее добродѣтель, отъ добра и дѣянія производную, заслуживаетъ, впрочемъ, свое въ языкахъ мѣсто, такъ какъ значеніе добраго дѣла, хотя бы дѣло не отъ добраго намѣренія происходило. Весьма же инако разумѣемъ въ россійскомъ языкѣ о добродѣтели, яко свойствѣ людей суще добродѣтельныхъ; и не по другому разумѣнію увѣряемся, что высочайшій Отецъ всякаго созданія полную свободу и достоинство человѣка возвышаетъ единственною мѣрою добродѣтели.

Любители Россійскаго Слова не преминули ис-

кать въ корняхъ славянскаго языка особаго сущей добродѣтели названія; и какъ въ подобныхъ изысканіяхъ малѣйшіе признаки правдоподобія могутъ быть уважительны, по малой мѣрѣ приближеніемъ своимъ къ свѣту истины: то уповаю, что благосклонный читатель не поставитъ себѣ скукою включаемое здѣсь краткое предложеніе нѣкоторыхъ корней и отраслей словъ, къ тому слѣдственныхъ. Ничто такъ не вразумляетъ насъ во взаимныхъ нашихъ объясненіяхъ, какъ единообщее понятіе о вещахъ объясняемыхъ.

Въ церковныхъ нашихъ древняго языка книгахъ часто находимъ слова: «доблій, доблественный, доблѣ, доблественно, доблесть;» находимъ ихъ точно въ томъ смыслѣ, какъ бы сказать: «постоянный, постоянно, постоянность;» и такъ, кажется, находимъ въ доблести точное опредѣленіе смысла, присоединяемаго къ добродѣтели постоянной, мужественной и неизмѣнной. Любители же словопроизведеній, перемѣняя нѣкоторыя окончательныя буквы доблести, согласно съ употребительнѣйшими россійскаго языка склоненіями, даютъ намъ слово добность, доселѣ само собою неупотребительное, но производящее отъ себя многія, сообразныя съ доблестью или добностью, употребительныя отрасли, каковы суть: подобность, подобіе, преподобіе, подобный, преподобный, удобность, удобный, надобность, надоба, надобный, снадобье, и проч. Всѣ сіи реченія, по ихъ общеподобію, заключаютъ въ себѣ ощутительно полный или частный смыслъ корен-

ного слова доблести, добности или добы, въ языкѣ нашемъ недостающаго и неупотребляемаго, можетъ быть потому только, что оно временами вышло изъ употребленія. Нѣкоторые же словопроизводители, пріемля добность и добу въ основаніе, отъ того и добро и доброту производятъ.

Кажется, что словопородныя семейства, отторженныя и странствующія, могутъ возвращаться въ нѣдра отечественныя. Почтенная моя собратія, конечно, не отринетъ надобныя, хотя бы, впрочемъ, семейственный союзъ ихъ подверженъ былъ сомнѣнію.

Россійской Словесности любители, при достодолжномъ почитаніи отечественнаго языка, не исключаютъ изъ него и чужеземныхъ словъ, нуждою или обычаемъ воспріятыхъ; и нѣкоторые въ пользу человѣчества желаютъ, чтобы таковые единообщіе въ языкахъ посредники болѣе и болѣе размножились. Пріобщимъ здѣсь ихъ мнѣнія:

Православная Церковь наша и науки, говорятъ они, приняли число словъ греческихъ; судопроизводство, искусники художествъ и ремеслъ заняли число латинскихъ, французскихъ, нѣмецкихъ и прочихъ. Правда, что многіе изъ нихъ переводятся съ равною въ переводѣ ясностью; но иные, при всѣхъ вышеподобныхъ изображеніяхъ, являются неудобовразумительны на такихъ языкахъ, въ какихъ чужеземныхъ словъ предметы дотолѣ не существовали, или были невѣдомы и, слѣдственно, не могли имѣть названія. При образо-

ванiи Словарей, во-первыхъ, желать должно, чтобы употребляемыя слова, свои или чужеземныя, приведены были во всевозможную ясность. Люди словеснымъ даромъ своимъ особо тогда пользуются, когда въ изъясненiяхъ не затрудняются.

ПИСЬМО КЪ N.

—

Вы желаете, чтобъ я вступилъ въ скользкую дорогу Сочинителя. Я болѣнъ, и чувствую, что при разстройкѣ тѣла напряженіе разума не далеко простирается. Знаю, что публика, по принадлежащему ей праву, будетъ судить о личномъ моемъ достоинствѣ, по мѣрѣ худого или добраго успѣха моего сочиненія; знаю, что не благоразумно предавать себя добровольно подъ осужденіе многихъ: я все то забываю; ловлю минуты, когда только могу мыслить спокойнѣе, и утѣшаюсь тѣмъ, что если не буду счастливъ успѣхомъ, то, по малой мѣрѣ, не навлеку себѣ предосужденія исполненіемъ вашей воли. Вотъ сказка, которая всѣхъ скорѣе вмѣстилась въ больной головѣ моей:

СИМВОЛЪ МУДРОСТИ.

Извѣстно всѣмъ, что боги и богини имѣютъ особые знаки или символы, ихъ отличающіе. Юнона выбрала себѣ павлина, Венера голубей; но можно ли себѣ представить, чтобъ Минерва по вкусу предпочла сову другимъ прекраснымъ

птицамъ? Конечно, нѣтъ. А вотъ истинное произшествіе, каково описано въ самыхъ старинныхъ лѣтописяхъ: Минервѣ приличенъ былъ знакъ неусыпности, проповѣданія, бодрости, красоты и величавости. Не было ошибки въ выборѣ: назначенъ былъ пѣтухъ въ ея свиту въ то же время, какъ данъ павлинъ въ свиту Юноны. Не знаю, былъ ли то простой пѣтухъ, каковы у насъ водятся, или выписанъ былъ изъ-за моря; но вскорѣ Минервинъ пѣтухъ произвелъ шумъ въ народѣ. Многіе издалека приходили видѣть его перья, осанку и выступку, и не давали ему прохода; иные находили, что онъ пѣлъ громче и пріятнѣе всѣхъ пѣтуховъ на свѣтѣ, и безпрестанно просили, чтобъ онъ показалъ свой голосъ, не размышляя о пѣтуховой груди, которая могла распухнуть; другіе, видно, для завода подобныхъ пѣтуховъ, чаяли, что ему въ бесѣду надобно было по сту курицъ, не вопрося его о склонностяхъ; иные хотѣли выщипать изъ хвоста его сизыя перья, чтобъ сдѣлать изъ нихъ украшеніе головамъ мужскимъ или женскимъ. Великая толпа другихъ пѣтуховъ почли себѣ за крайнюю обиду невинную славу пѣтуха Минервина, и подавали разныя мнѣнія, какимъ образомъ увѣрить курицъ, что онъ величается непристойнымъ образомъ и ихъ обманываетъ. Нашлись и такіе, которые находили тѣло его весьма тучнымъ и вкуснымъ, если его сварить въ супѣ или въ соусѣ. «Богиня Мудрости!» возопилъ пѣтухъ, «я не просился въ свиту небесную: не вы-

ставливалъ себя напоказъ предъ народомъ; не заглушалъ моимъ голосомъ пѣтуховъ и самъ ихъ слушаю; не прельщалъ курицъ и не унижалъ достоинствъ моихъ братьевъ. Перья мои дала мнѣ натура, и думаю, что они мнѣ принадлежатъ справедливѣе, нежели тѣмъ, кои хотятъ взять ихъ у меня силою. Богиня! лучше желаю быть при тебѣ совою, нежели пѣтухомъ, свареньмъ въ супѣ или въ соусѣ. Знаю, что сова всегда молчитъ, и отнюдь не имѣетъ знаменитости, но я желаю жить въ покоѣ.»

—Таково было мое намѣреніе, сказала ему Минерва, чтобъ дать тебѣ вначалѣ славу, чрезъ которую бы ты узналъ опытомъ, что умѣренность и молчаніе суть надежнѣйшіе путеводители къ счастію.—Пѣтухъ превращенъ былъ въ сову, и съ той поры сова содѣлалась символомъ мудрости.

ПИСЬМО КЪ ГОСПОЖѢ ***

О ВЕЛИКОДУШНЫХЪ ЧУВСТВОВАНІЯХЪ.

—

Предпріявъ писать къ вамъ о великодушныхъ чувствованіяхъ, я могъ бы исполнить мое намѣреніе всего скорѣе описаніемъ многихъ истинныхъ дѣлъ, въ которыхъ бы вы себя узнали; но правила того же великодушнаго чувствованія, которымъ вы отличаетесь, налагаютъ на меня скромность, приличную моему въ обществѣ положенію.

Великодушныя чувствованія питаются общественными одобреніями и примѣрами. Сей истинѣ, думаю, никто прекословить не будетъ и не опорочитъ моего намѣренія, которое ни до чьего лица не касается, а имѣетъ цѣлію одно только изображеніе добродѣтели, не всюду между людьми обыкновенной.

Въ самый день расположенія моего писать къ вамъ, я читалъ одну изъ французскихъ комедій, извѣстныхъ подъ названіемъ *Театра въ пользу юношества.* Не будучи же зараженъ пристра-

стіемъ сочинителя, охотно признаюсь, что, при изображеніи великодушныхъ чувствованій, можетъ быть, удовольствовался бы я менѣе собственнымъ моимъ сочиненіемъ, нежели тѣмъ, что̀ въ чтеніи мнѣ встрѣтилось.

Альманзоръ, воспитатель Ватека, сынъ калифа Мотассема, разговариваетъ съ Жіаферомъ, своимъ другомъ, который старается предостеречь Альманзора отъ коварствъ его непріятелей. Нѣтъ здѣсь нужды до содержанія всей комедіи; я переведу только разговоръ, въ которомъ Альманзоровы разсужденія, основанныя на истинномъ великодушіи, чаятельно, вамъ особливо понравятся.

Жіаферъ. Удивляюсь твоему спокойствію, тогда, какъ ты долженъ опасаться ненависти твоего соперника.

Альманзоръ. Но знаешь ли, для чего онъ меня ненавидитъ? Безъ сомнѣнія, потому что меня не знаетъ. Онъ судитъ обо мнѣ какъ человѣкъ, въ свѣтѣ искусившійся, и, чаятельно, находитъ во мнѣ необузданное честолюбіе, прикрытое притворнымъ видомъ добродѣтели. Могу ли я строго осуждать его ненависть, которая основана на его предубѣжденіи, и могла бы быть справедлива, еслибъ я подлинно былъ таковъ, какимъ онъ меня разумѣетъ.

Жіаферъ. И ты думаешь, что когда бы онъ зналъ тебя лучше, то отдалъ бы тебѣ справедливость?

Альманзоръ. Конечно; потому что онъ пересталъ бы меня опасаться.

Жіаферъ. Съ сожалѣніемъ предвижу, что ты будешь когда-нибудь жертвою твоего безпечнаго чистосердечія и ухищренія твоихъ непріятелей.

Альманзоръ. Ухищреніе непріятелей не есть ли иногда одно только бранное слово? Люди сами собою не свойственны къ безпокойствамъ ухищренія.

Жіаферъ. Я могу тебѣ доказать, что ты имѣешь непріятелей, болѣе злыхъ, нежели чаешь.

Альманзоръ. Люди часто, но не всегда бываютъ злобны; и не имѣютъ ли они множества причинъ, ихъ извиняющихъ? Иногда коловратность при дворѣ счастія едва позволяетъ размышлять свободно; а ты знаешь, что въ насъ правила и добродѣтели утверждаются спокойствомъ и свободою. Представь себѣ, коликимъ разнымъ невольнымъ обязанностямъ подверженъ иногда человѣкъ, на высокой степени поставленный. Прислужники его требуютъ безпрестанно, чтобъ, если можно, всѣ ихъ желанія были удовольствованы; требованія же прислуживающихъ дѣлаются нѣкоторыми правами, во взаимность ихъ къ нему привязанности, услугъ и усердія. Представь себѣ притомъ вокругъ его толпу людей, отъ которыхъ онъ рѣдко слышитъ правду въ произшествіяхъ, и чистосердечіе въ совѣтахъ, или разсужденіяхъ. Почти всякъ ищетъ усугубить въ немъ какую-нибудь личную досаду;

и чувства его, хотя бы охотнѣе наклонялись къ общему или частному благу, безпрестанно коварствомъ насилуются. Напослѣдокъ, онъ противу склонности чуждается всякой дружбы, боясь, чтобъ подъ видомъ оной не было сокрыто какое-либо уловленіе. При всѣхъ таковыхъ поводахъ къ безпечности и злотворенію, злые нравы принадлежатъ къ неволѣ, а не къ природѣ нашей. Я видалъ много неправосудія и неразсмотрѣнія, но всегда находилъ ихъ происходящими отъ заблужденій и слабостей человѣческихъ; между тѣмъ я былъ свидѣтель многихъ при дворѣ честныхъ дѣлъ и великодушныхъ поступковъ.

Жіаферъ. Знаю, что при дворѣ часто являются дѣйствія душъ великихъ; но всѣхъ ли и всегда ли находишь ты великодушными?

Альманзоръ. Нельзя требовать, чтобы всѣ люди были философы. Во всякомъ мѣстѣ человѣкъ, неимѣвшій нѣкотораго воспитанія и нѣкоторыхъ въ жизни опытовъ, наиболѣе же, когда свобода его разными образами порабощается, всегда будетъ малодушенъ и непостояненъ. Думаешь ли ты, что еслибъ ты и я не имѣли особо счастливаго воспитанія, особо счастливыхъ случаевъ къ познанію сердца человѣческаго, и напослѣдокъ, еслибъ не имѣли нѣкотораго независимаго состоянія, думаешь ли ты, Жіаферъ, чтобы мы могли тогда различно отъ другихъ мыслить и дѣлать? Конечно, нѣтъ. И такъ, не станемъ строго осуждать тѣхъ, кои изъ самой юности завлечены и принуждены соглашать свои

поступки съ окружностью. Я часто удивляюсь, что нахожу въ иныхъ людяхъ добродѣтели, каковыхъ, по состоянію сихъ людей, отъ нихъ ожидать почти не можно. Потому легко вѣрю, что, при всѣхъ въ свѣтѣ худыхъ примѣрахъ, есть души, которыя сами собою возвышаются. Будь увѣренъ, что человѣкъ по природѣ наклоненъ къ благу, а не ко вреду ближняго.

ТАБЛИЦА ДЛЯ ДѢТЕЙ,

СЛУЖАЩАЯ КЪ ПОЗНАНІЮ ГЛАВНЫХЪ ДОБРОДѢТЕЛЕЙ, ИХЪ НЕПРАВИЛЬНАГО УПОТРЕБЛЕНІЯ, ПРОТИВОДѢЙСТВУЮЩИХЪ ИМЪ ПОРОКОВЪ И НУЖНЫХЪ ПРАВИЛЪ КЪ СОХРАНЕНІЮ ДОБРОДѢТЕЛЕЙ.

—

I.

БЛАГОВѢРІЕ.

Благовѣріе производитъ наилучшее нравовъ согласіе; имъ утверждается общее благосостояніе и спокойствіе. Благовѣріе, единому разумному созданію свойственное, есть то, безъ чего мы не могли бы къ совершенному благу приблизиться, и безъ чего самая ничтожность была бы концемъ всѣхъ нашихъ дарованій и добродѣтелей, каковыми наиболѣе отличаемся.

=

НЕПРАВИЛЬНОЕ УПОТРЕБЛЕНІЕ.

Легковѣріе, или неразсудная вѣра, часто принимаетъ на себя видъ святости. Внѣшности суевѣрія и легковѣрія часто ослѣпляютъ умъ людей невѣдущихъ. Въ дѣйствіяхъ своихъ она притворству подобится, хотя раздѣляется съ нимъ, потому что притворство есть вольнотворимое; суевѣріе же и легковѣріе слѣпо покоряютъ волю и суть невольно-творимыя. Суевѣріе и легковѣріе исправляются; притворство же приближается къ наказанію и обыкновенно производитъ отъ себя отвращеніе. Притворство благовѣрія получило себѣ особое названіе, то есть: ханжество и святотатство; подверженные же сему пороку потому слывутъ ханжи и святотатцы.

=

ПОРОКЪ, ПРОТИВОДѢЙСТВУЮЩІЙ БЛАГОВѢРІЮ.

Невѣріе есть несчастное заблужденіе, и во многихъ производитъ опасное свойство разума. Священное Писаніе называетъ таковыхъ нечестивыми; ибо люди, всякую вѣру отметающіе, часто бываютъ наклонны не признавать ни Бога, ни закона, ни благотворенія; слѣдственно уничто-

жаютъ высшія степени чести разумнаго созданія. Благочестіе или нечестіе, такъ какъ люди благочестивые или нечестивые, происходятъ отъ благовѣрія или невѣрія.

=

ПРАВИЛО.

Благовѣріе соединяетъ съ собою совершенную чистоту совѣсти, не попускающую не только къ дѣяніямъ, но ниже къ словамъ и помышленіямъ богопротивнымъ. Добродѣтель сія совокупляетъ Божество съ человѣчествомъ толь близкимъ и толь утѣшительнымъ для насъ образомъ, что отдаленіе отъ оной никакими другими пріобрѣтеніями благъ не замѣняется.

II.

ПОВИНОВЕНІЕ.

Общественное благосостояніе имѣетъ нужду въ общественныхъ законахъ, и сіи требуютъ общественнаго повиновенія. Но повиновеніе безъ добродѣтельнаго подвига скоро измѣняется, или прекращается; слѣдственно доброе повиновеніе

состоитъ не въ томъ только, когда непокорность страхомъ нудится, или когда безсиліе и робость уступаютъ могуществу. Таковыя дѣйствія суть простыя слѣдствія естественнаго закона, которому всякое движущееся твореніе подвержено. Они не называются добродѣтелями; ибо воля разума человѣческаго въ нихъ не содѣйствуетъ. Достоинство повиновенія возвышается по мѣрѣ познаній и чувствій, съ каковыми кто повинуется: сія-то мѣра производитъ въ однихъ охотность, усердіе, ревнительность, рвеніе; въ другихъ хладнокровное послушаніе, или простую необходимую движимость; одни наслаждаются чувствіями самыхъ своихъ трудоношеній, представляя себѣ общую отъ того пользу, отъ которой они справедливо получатъ свою собственную; другіе малѣйшія затрудненія встрѣчаютъ съ нетерпѣніемъ, отвращаются отъ нихъ съ чувствіемъ неволи, и ропщутъ на отягощеніе прежде испытанія тягости. Одни показываютъ добродѣяніе, которое само собою дѣйствуетъ; другіе, какъ махины, дѣйствуются посторонними пружинами, и имъ только отвѣтствуютъ; одни заслуживаютъ похвалы, почести и награжденія; другіе остаются во всегдашней машинальной движимости подчинены пружинамъ. Всѣ обязанности, къ общественному и частному спокойствію нужныя, основаны на добромъ повиновеніи, и болѣе или менѣе всѣ люди законамъ и одни другимъ повинуются.

═

НЕПРАВИЛЬНОЕ УПОТРЕБЛЕНІЕ.

Повинующіеся безъ приличности, или безъ должности, легко дѣлаются самоизвольными рабами, хотя ни Богъ, ни высшая земная власть того отъ нихъ не требуютъ. Повиновеніе, принадлежащее Богу, можетъ превратиться отъ малодушія въ поклоненіе твари и содѣлать человѣка самымъ несмысленнымъ созданіемъ. Принадлежащее отъ подданныхъ своему государю превращается въ измѣну или въ низкое наемничество: если кто честь, жизнь, или свободу, порабощаетъ недостойнымъ образомъ. Принадлежащее отъ дѣтей родителямъ превращается въ неприличный и неблагодарный поступокъ, если дѣти, унижая родительское къ нимъ благоволеніе, ищутъ постороннихъ доброжеланій и наставленій, менѣе строгихъ и болѣе согласныхъ съ ихъ прихотями или заблужденіями. Принадлежащее отъ питомцевъ наставникамъ превращается въ вѣтреное легкомысліе, если питомцы неосторожно всѣхъ своими дядьками почитать будутъ. Принадлежащее отъ подчиненныхъ начальникамъ, превращается въ низкое прислужничество, если кто свою свободу подчиняетъ другому неразсудительно. Принадлежащее отъ согражданина общественнымъ правиламъ и обычаямъ превращается въ тяжкое и смѣхотворное бремя, если кто безъ разбора всякимъ правиламъ и всякимъ

обычаямъ послѣдуетъ. Малодушіе, въ какомъ бы то возрастѣ ни было, вводитъ всегда въ дѣтское состояніе.

═

ПОРОКЪ, ПРОТИВОДѢЙСТВУЮЩІЙ ПОВИНОВЕНІЮ.

Своенравіе, своевольство, ослушаніе, необузданность необходимо содѣлываются несчастными; ибо всѣ Божескіе и гражданскіе законы устремлены къ строгому исправленію или наказанію сихъ пороковъ. Если же иногда они и могутъ избѣгать отъ наказанія, то сами собою причиняютъ себѣ всегдашнее неудовольствіе и огорченіе: поколику подверженные таковымъ порокамъ ни съ другими, ни съ собою согласны быть не могутъ, и въ самыхъ своихъ возможныхъ предуспѣяніяхъ бываютъ чужды счастія и спокойствія общественнаго.

═

ПРАВИЛО.

Государи, родители, воспитатели, начальники, общественныя узаконенія, или обычаи требуютъ отъ насъ непремѣннаго повиновенія во всѣхъ случаяхъ, когда мы не имѣемъ ничего предста-

вить вопреки ихъ предписаніямъ. И какъ главнодѣйствующія причины всегда бываютъ болѣе свѣдомы старшимъ и вышнимъ: такъ повиновеніе, естественно соединенное съ довѣренностью, приличествуетъ болѣе младшимъ и подчиненнымъ. Довѣренность сія, производящая взаимное всѣхъ повиновеніе, приноситъ имъ болѣе чести и пользы, нежели многія тщетныя знанія.

III.

ЛЮБОВЬ.

Любовь, въ прямомъ ея разумѣніи, есть та добродѣтель, къ которой сама природа убѣдительнымъ образомъ насъ призываетъ, и которую Спаситель достойно нарекъ главною христіанскою добродѣтелію. Въ общежитіи любовь имѣетъ столько разнообразныхъ дѣйствій и столь разныхъ именованій, сколько могутъ быть различны, въ разныхъ отношеніяхъ, чувствія человѣка благовоспитаннаго. Наиболѣе отличается она въ слѣдующихъ дѣйствіяхъ: относительно къ Богу, она есть высочайшая степень благодарности и благоговѣнія; относительно къ родителямъ, она есть крайняя степень почитательнаго уваженія; относительно къ благотворителямъ, она есть чувствованіе справедливой обя-

занности, показующей несомнѣнную мету взаимныхъ нашихъ добротвореній; относительно къ союзу между двумя полами, она есть высочайшая степень взаимной приверженности; относительно къ дѣтямъ, она есть ближайшая и надежнѣйшая мета всегдашнихъ въ жизни попеченій и устроеній; относительно къ государю и отечеству, она есть охотное собственностей жертвованіе, если долгъ службы того востребуетъ; относительно къ человѣчеству, она есть доброхотство и добротвореніе всюду, гдѣ только можемъ мы ко благу способствовать.

=

НЕПРАВИЛЬНОЕ УПОТРЕБЛЕНІЕ.

Любовь безразсудная можетъ вовлечь насъ во всѣ пороки, такъ какъ любовь благоразсудная удобна произвести въ насъ всѣ добродѣтели. Неумѣренное или несправедливое къ какимъ-либо вещамъ пристрастіе, съ небреженіемъ всего прочаго, неминуемо вводитъ насъ въ развратное состояніе и сопровождается бѣдственными слѣдствіями, хотя оно въ началѣ своемъ представляетъ только слѣпоту разума, или неумѣренность. Любовь недостойная есть всегдашняя соперница любви добродѣтельной. Сюда принадлежитъ излишняя бережливость и нѣга тѣхъ, которыхъ мы особо любить обыкли, и которые

иногда содѣлываются невинною жертвою нашей неразсудности.

═

ПОРОКЪ, ПРОТИВОДѢЙСТВУЮЩІЙ ЛЮБВИ.

Нечувствительность всегда оказываетъ оскорбительное человѣчеству равнодушіе, и часто угрюмую ненависть ко всему, что̀ не полезно для собственности. Сей порокъ происходитъ не столько отъ недостатка природныхъ способностей, какъ отъ недостатка добраго вниманія и навыка. Нечувствительный человѣкъ часто себя мнимымъ покоемъ обманываетъ. Онъ покоится только подъ зыблющимся покровомъ одного своего самолюбія, и оставляется почти всегда безъ вспоможенія, когда помощь другихъ нужна будетъ къ его благосостоянію; ибо люди, по правосудію, не воспріимутъ труда въ пользу того, кто самъ для другихъ не утруждается. Въ общежитіи скорѣе терпится человѣкъ съ дурными пороками, когда только удобенъ чувствовать привязанность къ какому-либо предмету, любви достойному: ибо чрезъ то самое можетъ исправиться; но человѣкъ нечувствительный разумѣется такъ, какъ бы иноплеменникъ, къ человѣчеству себя не причитающій.

═

ПРАВИЛО.

Любовь есть та добродѣтель, въ которой особо заключается законъ Спасителя. Онъ, сообразно съ человѣческою природою, убѣдительно насъ наставляетъ въ ближнемъ нашемъ видѣть себя собственно; ибо одна только всеобщая взаимность любви къ ближнему, родъ человѣческій можетъ обезопасить, успокоить и осчастливить. Благоразсудность долженствуетъ быть всегдашнею любви предводительницею.

IV.

БЛАГОРАЗУМІЕ.

Благоразуміе не блистаетъ, или мало блистаетъ въ обществахъ: поколику имѣетъ предметомъ болѣе прочную пользу человѣческаго состоянія; но во всѣхъ важныхъ случаяхъ предпочитается остроумію, хотя сіе послѣднее, къ сожалѣнію, имѣетъ болѣе послѣдователей. Благоразуміе довольствуется умѣреннымъ, но за то постояннымъ счастіемъ. Благоразуміе достигаетъ до источника благополучія и тѣмъ спокойно наслаждается тогда, какъ легкомысленность слѣпо довольствуется временнымъ обольщеніемъ и по-

слѣ осматривается съ раскаяніемъ. Благоразуміе вникаетъ, ищетъ, разсматриваетъ и останавливается на крайней точкѣ изслѣдованія тогда, какъ легкомысленность бѣгаетъ за наружностью, ловитъ мечту и удручается подъ неудобоносимымъ бременемъ своего заблужденія. Благоразумный человѣкъ, отдая достодолжно Богу Божіе и государю государево, умѣривается всегда между двумя крайними границами, свято повинуется закону безъ суемудрія, ревностно отправляетъ свое служеніе безъ строптивости, признателенъ къ благодѣянію безъ раболѣпства, благодѣтельствуетъ безъ надменности, честь и права свои сохраняетъ безъ наглости, постояненъ и твердъ безъ горделивости, кротокъ безъ униженія, вѣренъ безъ притворства, мужественъ безъ звѣронравія, сострадателенъ безъ злопопущенія, строгъ безъ жестокости, любитъ безъ ослѣпленія, отвращается безъ ненависти, награждаетъ безъ расточенія, исправляетъ безъ оскорбленія, наказываетъ безъ мщенія и судитъ о вещахъ безъ предубѣжденія.

=

НЕПРАВИЛЬНОЕ УПОТРЕБЛЕНІЕ.

Благоразуміе само собою хотя не вмѣщаетъ въ себѣ понятія о неправильномъ употребленіи сей добродѣтели, но въ жизни случаются времена, въ которыя употребленіе глубокаго бла-

горазумія можетъ содѣлать благоразумнаго человѣка смѣхотворнымъ и тягостнымъ; и тогда умѣреніе сей добродѣтели бываетъ съ нею согласнѣе.

=

ПОРОКЪ, ПРОТИВОДѢЙСТВУЮЩІЙ ДОБРОДѢТЕЛИ.

Легкомысліе измѣняется въ нѣкоторомъ возрастѣ, прощается въ нѣкоторыхъ случаяхъ, но само собою всегда отягощаетъ и унижаетъ человѣка, сему пороку подверженнаго. Легкомысліе было бы непримиримымъ соперникомъ благоразумія, если бы сіе послѣднее, благоусмотрѣніемъ своимъ, естественно надъ нимъ не торжествовало. Всегда видимъ, что легкомысленные люди восходятъ только до нѣкоторой степени разстроекъ и безпорядковъ, ихъ запутывающихъ; для выхода же изъ лабиринта легкомыслія обыкновенно прибѣгаютъ къ благоразумію.

=

ПРАВИЛО.

Благоразуміе долженствуетъ распоряжать всѣми нашими физическими и моральными дѣйствіями; безъ сей добродѣтели мы часто себя обманываемъ или бываемъ другими обмануты. Благо-

разуміе требуетъ не подавать никому повода къ дѣламъ несправедливымъ и безсовѣстнымъ; ибо полезнѣе и легче уклониться отъ предлежащаго зла, нежели исправлять его впослѣди со многими неудовольствіями.

V.

ПРАВОСУДІЕ.

Правосудіе, поколику зависитъ отъ совокупленія многихъ знаній, способностей, возможностей и исполненій, долженствовало во всѣ времена затруднять многія рѣшенія. Нѣкоторыя, отдѣляясь мысленно отъ всего частнаго и личнаго, изобразили правосудіе въ видѣ женщины, съ завязанными глазами и съ вѣсами, означающими равновѣсіе. Но какъ правосудіе вмѣщаетъ въ себѣ не одно только вещей соразмѣреніе, а также ихъ различіе; то многимъ неудобопонятно кажется, для чего бы правосудіе долженствовало быть слѣпое, и для чего бы вѣсы свои содержало всегда въ равновѣсіи. Простое о немъ понятіе можетъ быть справедливѣе, нежели какое ни есть остроумное, но не всегда точное изображеніе. Правосудіе состоитъ не столько въ обрядахъ мѣстъ судящихъ и въ краснорѣчіи пространныхъ законописаній, какъ въ добромъ

разумѣніи, доброй совѣсти и добрыхъ намѣреніяхъ. Названіе судіи даетъ только титло, мѣсто и право; но къ исполненію правосудія, судія долженъ вникать въ намѣреніе и силу законовъ. Правота долженствуетъ имѣть единообразность, а къ суду принадлежитъ вещей различіе. Сіи два дѣйствія естественно производятъ правосудіе, въ составъ котораго судъ съ правотою и правота съ судомъ требуются.

═

НЕПРАВИЛЬНОЕ УПОТРЕБЛЕНІЕ.

Правосудіе, такъ какъ благовѣріе и благоразуміе, по существу своего названія, не вмѣщаетъ въ себѣ понятія о неправильномъ его употребленіи; но подъ именемъ правосудія, безпорядная воля человѣческая можетъ впадать въ крайнія заблужденія. Правосудіе естественно обращается только къ тремъ предметамъ: къ распоряженію, исправленію и наказанію. Приличность и мѣра сихъ трехъ дѣйствій суть самыя трудныя вещи въ правосудіи. Употребленіе безъ нужды и пользы, или умѣренность оныхъ, часто далеко отходятъ отъ правосудныхъ дѣйствій. часто сужденію подвергается невинная слабость человѣческая, которая къ произведенію добра требуетъ одного только подкрѣпленія. Женскій полъ во многихъ вѣкахъ и правленіяхъ, по предубѣжде-

нію и особому сего пола воспитанію, не осмѣливалися не только мѣшаться въ дѣла мужественныя; но даже отчуждалъ себя отъ многихъ размышленій, какъ-будто отъ неприличныхъ нѣжному полу. Невѣдѣніе названо было нѣжностью, такъ какъ несправедливый обычай назвалъ правосудіемъ. Въ другія времена видимъ однако, что женщины, равно какъ и мужчины, сохраняя общую благовоспитанія нѣжность и приличность, не удручаются мужественными разсужденіями и дѣйствіями, какъ скоро, вмѣсто отчужденія ихъ, или осмѣянія, подкрѣпляются онѣ общественнымъ взаимнымъ уваженіемъ. Сего примѣра довольно къ изображенію неправильно-употребляемыхъ дѣйствій, подъ словомъ правосудія.

ПОРОКЪ, ПРОТИВОДѢЙСТВУЮЩІЙ ПРАВОСУДІЮ.

Неправосудіе есть толь свойственно невѣдѣніямъ и пристрастіямъ человѣческимъ, что добродѣтели не нашли бы себѣ пристанища, если бы приведены были искать покровительства у всѣхъ встрѣчающихся судителей. Люди ничѣмъ не возносятся столько, какъ о вещахъ разсужденіемъ: каждый судитъ и каждый, помѣрѣ своей способности, даетъ разсужденію своему видъ правоты, опираясь на правосудіе. Отъ сего про-

исходитъ, что люди толь часто на неправосудіе жалуются. Кто хочетъ избѣгать отъ многихъ неправосудныхъ мнѣній, тотъ долженъ, собственнымъ бытія своего благоразумнымъ распоряженіемъ, часто предупреждать постороннее въ томъ вспоможеніе. Чѣмъ обыкновеннѣе порокъ въ человѣческомъ обществѣ, тѣмъ болѣе присоединяетъ къ себѣ притворствъ и хитростей. Внѣшній видъ неправосудія самую прозорливость иногда обманываетъ. Сей порокъ послѣдственно долженствовалъ произвести нѣкоторую науку обоюдной ябеды, чрезъ которую временно невинность угнетается; а клевета, хищность и всѣ гнусныя злодѣянія не только оправдываются, но и награждаются. Потому, можетъ быть, иные представляютъ себѣ, что выгоднѣе творить неправосудіе, нежели претерпѣвать оное, и что свѣтъ ему во всегдашнюю жертву оставляется. Но мы видимъ въ исторіи вѣковъ и народовъ, что выгоды неправосудія имѣютъ самую зыблемую временность и всегда подвержены бѣдственному уничтоженію; видимъ, что творители неправосудія, творя несчастныхъ, ввергаются въ равное съ ними и, можетъ быть, въ горшее состояніе: ибо невинно-претерпѣвающіе страждутъ въ настоящемъ времени съ справедливою надеждою на будущее; обидящіе же впослѣди претерпѣвать осуждаются, и всегда тревожатся страхомъ своей послѣдующей участи. Въ необходимости люди хотя сносятъ неправосудіе, но никогда постоянно къ тому не привыкаютъ. Рано

или поздно правосудіе уравниваетъ трудоношеніе человѣчества.

═

ПРАВИЛО.

Правосудіе требуетъ внимательнаго разсмотрѣнія: добрая совѣсть долженствуетъ всегда быть его сопутницею, благоразуміе же подпорою. Благоразуміе и совѣсть, для добраго сохраненія правосудія, наставляютъ не подавать поводовъ къ неправосудію. Общіе обряды судовъ хотя уставлены къ обузданію людей безчестныхъ, но часто служатъ имъ надежнымъ прибѣжищемъ; совѣсть же честнаго человѣка, если не всегда единственныхъ судомъ, то по малой мѣрѣ всегда первымъ быть долженствуетъ. Доброе законовѣдѣніе есть дѣло не одного только разума, но дѣло также доброй совѣсти, и особенно принадлежитъ благовоспитанію.

VI.

ТВЕРДОСТЬ.

Твердость добрыхъ правилъ, добрыхъ намѣреній, добрыхъ мнѣній и добрыхъ дѣйствій, есть та добродѣтель, которая въ жизни человѣческой

наиболѣе подвержена искушеніямъ, поползновеніямъ, препятствіямъ и сопротивленіямъ. Любовь къ сохраненію себя и своей пользы, окружающіе примѣры и многія другія обстоятельства, естественно во всѣхъ людяхъ сію добродѣтель умѣриваютъ; однако, при всѣхъ возможныхъ ей сопротивленіяхъ, она всегда возвращаетъ человѣка на степень болѣе и менѣе постоянную, по мѣрѣ, какъ онъ болѣе, или менѣе способенъ преодолѣвать встрѣчающіяся ему препятствія. Полезность и необходимость сей добродѣтели въ общежитіи почитается толь священною, что, при важныхъ между людьми условіяхъ, подкрѣпляется она торжественными свѣтскими и духовными обрядами, дабы слабость человѣческаго созданія могла находить себѣ подпору въ силѣ законовъ и въ самомъ благовѣріи; ибо люди не такъ легко перемѣняются, тогда какъ добрая ихъ воля обращается навсегда въ постоянную обязанность. Сія обязанность естественно долженствовала присовокупить къ себѣ въ помощь обѣщанія, свидѣтельства, ручательства и клятвы, каковыя только могутъ быть удобны съ одной стороны къ обузданію человѣческой премѣнчивости, съ другой, къ предваренію постороннихъ искушеній, кои, безъ таковой предосторожности, всегда непреодолимо стекались бы къ развращенію добродѣтели. Но, основанныя на однихъ внѣшнихъ обязательствахъ обѣщанія, безъ постояннаго человѣческой воли къ тому расположенія, сами собою не составляютъ добродѣтель, которая бе-

реть и преодолѣвать препятствія. Безъ такового расположенія непостоянный человѣкъ, хотя бы обязывалъ себя всѣми священными узами, всегда взыщетъ извинительныя и оправдательныя причины къ сотрясенію узъ, отягчающихъ его своенравіе: твердый человѣкъ входитъ въ таковыя узы съ разсмотрѣніемъ и доброю волею, и, единожды обнадеживъ людей исполненіемъ, впослѣдн не премѣняется. Сія-то добродѣтель производитъ вѣрность обязанностей, вѣрность дружества, сохраненіе порядка, повиновенія, собственностей и всего, чему слабость и развратность человѣческая наиболѣе сопротивляется. Она-то составляетъ высоту духа, и сіе геройство, которое производитъ дѣла великія, которое жертвуетъ своимъ покоемъ, счастіемъ и иногда жизнію, дабы постоянная добродѣтель, послѣ самой смерти своего поборника, могла торжествовать надъ сопротивляющеюся ей развратностью.

═

НЕПРАВИЛЬНОЕ УПОТРЕБЛЕНІЕ.

Нѣтъ ничего несчастнѣе, какъ соединеніе твердости въ человѣкѣ съ какимъ-либо вреднымъ расположеніемъ. Она тогда превращается въ бѣдственное упрямство. Порокъ, и даже преступленіе, можетъ исправиться, если человѣкъ

удобенъ ошибку свою возчувствовать; упрямство же не пользуется способами исправленія. Упрямые люди, навлекая на себя наказанія, часто содѣлываютъ другихъ по неволѣ къ себѣ жестокими, и сами себя лишаютъ сообщественнаго благосостоянія. Упрямство влечетъ за собою долгую цѣпь ошибокъ; и когда таковая цѣпь увеличится неудобоносимымъ образомъ, то человѣкъ естественно подъ нею удручается и падаетъ.

=

ПОРОКЪ, ПРОТИВОДѢЙСТВУЮЩІЙ ТВЕРДОСТИ.

Непостоянство справедливо уподобляется вѣтру, и потому называется чаще вѣтреностію. Въ нѣкоторомъ только возрастѣ и въ нѣкоторыхъ маловажныхъ случаяхъ не подвергается оно строгому примѣчанію: кто, вошедъ въ возрастъ познанія, не исполняетъ постоянно главныхъ своихъ обязанностей, тотъ навлекаетъ на себя основательное подозрѣніе, что онъ въ союзахъ общества вѣренъ быть не можетъ. Порокъ сей еще болѣе, нежели упрямство, отвращаетъ отъ себя благосклонность человѣческую: ибо упрямство хотя досаждаетъ, но не обманываетъ; вѣтренность же не только ввергается въ крайнія затрудненія, но и другихъ вводитъ въ

оныя, если кто неосторожно вѣтреному человѣку ввѣрится. Непостоянные люди, хотя бы не были совершенно порокамъ подвержены, показываются иногда, при несчастныхъ перемѣнахъ вѣтроподобной ихъ движимости, самыми порочными чудовищами.

=

ПРАВИЛО.

Твердость долженствуетъ быть всегдашнимъ послѣдствіемъ добрыхъ намѣреній и добрыхъ расположеній человѣческихъ. Добродѣтель сія, въ потребномъ случаѣ, жертвованіями многихъ способностей испытуется. Таковыя жертвованія суть благонадежнѣйшіе поручители взаимной другихъ людей твердости.

VII.

ВОЗДЕРЖНОСТЬ.

Воздержность наиболѣе относится къ умѣренію природныхъ склонностей, каковыя себѣ или другому вредны быть могутъ. Физическій и мораль-

ный образъ бытія нашего, хотя безпрекословно себѣ нѣкотораго удовлетворенія требуетъ, но сіе удовлетвореніе, если не будетъ управляемо воздержностью, легко превращается въ сущее зло, по мѣрѣ своего злоупотребленія. Нужное собраніе воды движетъ полезнымъ образомъ всѣ мельничныя орудія; но чрезмѣрное наводненіе потопляетъ и разрушаетъ мельницу: таковъ есть составъ бытія нашего. Самое добро, въ которомъ нѣтъ мѣры, ни приличія, намъ вредъ приноситъ, и самое зло, въ нѣкоторой мѣрѣ употребленное, производитъ пользу. Природа опредѣляетъ человѣка къ разумѣнію добра и зла, но отнюдь не къ употребленію, каковое бытію его противится. Воздержность наиболѣе возвышается, если человѣкъ воздерживается въ пылкихъ страстяхъ своихъ. Любочестіе, любостяжаніе, гнѣвъ, ненависть, мщеніе, имѣя къ своему оправданію природную движимость, содѣлались бы безъ воздержности вреднѣйшими всѣхъ правъ рушителями, и превзошли бы лютость самыхъ тигровъ въ ихъ раздраженіи. Природа не дала бы человѣку толико опасныхъ преимуществъ передъ другими созданіями, если бы не предполагала въ немъ добродѣтели, умѣряющей таковыя преимущества.

═

НЕПРАВИЛЬНОЕ УПОТРЕБЛЕНІЕ.

Хотя рѣдко случается, чтобъ воздержность производила худыя слѣдствія; но добродѣтель сія, если далеко отступаетъ отъ благоразумія, учиняется иногда безполезн ю или вредною. Воздержность, по приличію своего достоинства, должна быть въ тѣсномъ соединеніи съ благоразуміемъ.

=

ПОРОКЪ, ПРОТИВОДѢЙСТВУЮЩІЙ ВОЗДЕРЖНОСТИ.

Невоздержность есть главная соперница счастливаго бытія человѣческаго. Она производитъ вредныя и недостойныя привычки: злонравіе, слабость здоровья, унылость и всѣ несчастныя того слѣдствія. Невоздержный человѣкъ не долженъ воспріимать дѣло другихъ воздерживать: примѣромъ своимъ онъ ихъ соблазнитъ, а не исправитъ. Онъ естественно подчиненъ другому; ибо имѣетъ нужду въ способахъ посторонняго воздержанія.

=

ПРАВИЛО.

Воздержность происходитъ болѣе отъ благовоспитанія и навыка, нежели отъ поздняго разсужденія. Человѣкъ отъ юныхъ лѣтъ къ ней пріучаться долженъ; ибо часто худая привычка бываетъ сильнѣе разсужденія и природы. Всегдашняя мѣрность дѣйствій, принадлежащихъ составу человѣческому, наиболѣе опредѣляетъ счастливое и долголѣтнее бытіе наше, которое ничѣмъ лучше не питается, какъ мѣрностью самаго своего питанія.

КОНЕЦЪ.

